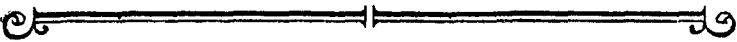
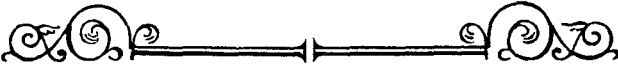

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. Д. КОРОЛЮК

ДРЕВНЕПОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1957

*Памяти дорогого учителя
академика
Владимира Ивановича
П и ч е т а*

1. ВВЕДЕНИЕ. КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

Большого труда требует от историка изучение первых шагов складывавшейся в период перехода к классовому обществу польской народности. Густая пелена веков скрывает от его пытливого взгляда древнейший период истории ее государственности. Многие важнейшие социальные явления и процессы и прежде всего такие процессы, как развитие производительных сил общества, становление классового общества и зарождение феодальных отношений, оказываются очень слабо освещенными письменными источниками, имеющимися в распоряжении исследователей. Эти современные событиям литературные источники, столь важные всегда для историка классового общества, лишь в самой скупой мере помогают уяснению сложных социально-экономических процессов, происходивших в раннефеодальный период польской истории (VI—XI вв.). Показания средневековых авторов имеют фрагментарный, отрывочный и случайный характер и относятся в основном к X—XI вв. О IX в. сохранились совершенно ничтожные известия, не говоря уже о более раннем периоде, фактически не нашедшем отражения в письменных источниках.

Составителей хроник и летописей (а именно они образуют главную массу письменных источников о Польше X—XI вв.) как поляков, так и иностранцев, совершенно не интересовала трудовая жизнь народа, условия его быта. Не суровую борьбу человека с природой, не картину острых классовых противоречий, бесспорно существовавших в раннефеодальном обществе между богатыми и бедными,

феодализирующей знатью и закрепощаемым крестьянством и рабами, а описания военных подвигов князей, столкновений их с другими государствами и племенами, рассказы о расприх внутри господствующего класса, данные о внешней политике и дипломатии, наконец, беглые зарисовки быта богатых и знатных, важные элементы их идеологии — вот что прежде всего найдет исследователь в средневековых хрониках и летописях! А авторов такого характерного для рассматриваемой эпохи жанра, как жития святых, будут интересовать только подвиги благочестия и страдания за «истинную» веру, на их описаниях «чудес» и «страстей» всегда будет лежать отпечаток шаблона.

Откуда бы ни происходили авторы средневековых хроник и житий, повествующих о Польше, они всегда были настоящими сыновьями своего века и класса — апологетами феодального строя и фанатиками-христианами, воспринимавшими все события сквозь призму средневекового церковного мировоззрения. Это мировоззрение накладывало свою тяжелую печать на каждое произведение, выходившее из-под их пера. Счастливое, но к сожалению редкое исключение составляют сочинения, написанные странствующими купцами или людьми, использующими их показания. Эти сообщения дают нам очень важные географические, экономические и другие сведения.

Поэтому данные письменных источников оказываются как бы лучами света, случайно брошенными в окружающий мрак и освещающими лишь отдельные наугад взятые эпизоды народной жизни или только отдельные моменты из тех или иных сложных и важных общественных явлений. Так, например, от арабского купца-путешественника, еврея Ибрагима ибн Якуба (1) из Испании, посетившего в 966 г. с торгово-дипломатическими целями двор германского императора Оттона I, побывавшего у бодричей и в Чехии, мы узнаем о существовании уже в то время у западных славян трехпольной системы обработки земли. Очень большое значение имеют, конечно, и его сообщения о славянской торговле, о строительстве славянами укрепленных пунктов, сведения о границах Польши и дружине польского князя.

Столь же важные, относящиеся, правда, уже к середине XI в. и касающиеся только поморян, сведения об эко-

номическом развитии содержатся в хронике Адама Бременского «История Гамбургского архиепископства» (2). Особенно интересен его рассказ о городе Волине (Юмне), который, по его словам, «в действительности является величайшим городом в Европе», с разноразличным и разноразличным населением. Из жития пяти братьев-мучеников (3), составленного в начале XI в. Бруно из Кверфурта, хорошо знакомым с польскими делами, мы узнаем о таком источнике рабства в Древнепольском государстве, как замена казни преступнику лишением его свободного состояния.

Внимательный исследователь найдет для себя несколько важных деталей, характеризующих бесправное положение в раннефеодальном польском обществе пленных, обращенных в рабство, если он ознакомится с рассказом о Моисее Угрине, сохранившемся в Киево-печерском патерике (4). Данные памятника тем более интересны, что Моисей Угрин был в течение длительного времени в плену в Польше. Большой исторический интерес представляют поэтому сообщения источника о крупном феодальном землевладении в Польше, где, судя по его сведениям, в то время существовали уже такие обширные феодальные владения, в состав которых входило не только множество сел, но и «градов» (городов), очевидно, являвшихся хорошо защищенными феодальными усадьбами-замками.

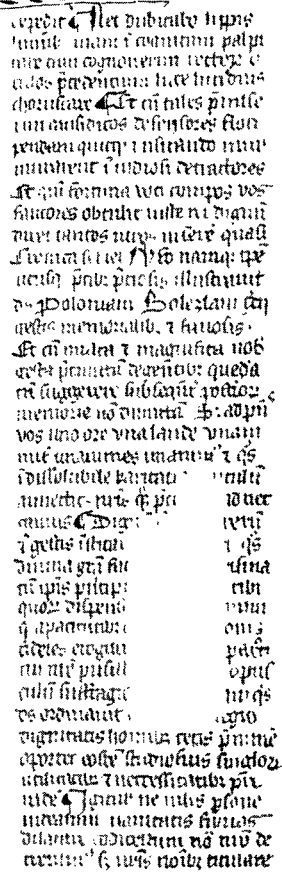
При сплошном и систематическом изучении хроники так называемого Анонима Галла (5), первого написанного в Польше (около 1113—1116 гг.) исторического сочинения, автор которого, хотя и не был, судя по всему, поляком, но был прекрасно осведомлен в польских делах, исследователю удастся, конечно, выявить ряд важных и ценных данных для изучения общественного и государственного строя раннефеодальной Польши. Тесно связанный с польским княжеским двором начала XII в. автор этой хроники широко использовал предшествующую устную традицию и возможно привлекал в своей работе некоторые неизвестные нам письменные источники. Особенно важно было бы произвести систематический анализ употребляемой этим первым польским хронистом терминологии.

Хроника так называемого Галла Анонима, сохранившая на своих страницах великопольский цикл легенд,

повествующих о возвышении в Великой Польше племенного княжества полян, является также очень важным источником при исследовании этапов формирования раннефеодальной древнепольской государственности. Другой цикл легенд, который может быть использован для изучения аналогичного процесса образования относительно крупного и сильного очага государственности в Малой Польше, содержится в хронике магистра Винцентого, называемого Кадлубком (6). В 1208—1218 гг. он был краковским епископом.

Чрезвычайно большое значение для изучения сложных социально-экономических процессов, развивавшихся в раннефеодальном польском обществе, имеют свидетельства хроники Галла Анонима и особенно памятника русского летописания — «Повести временных лет» (7) о классовой борьбе закрепощаемых крестьян и рабов против феодального угнетения. Мы имеем в виду данные о мощном антифеодальном восстании 1037—1038 гг. в Польше против христианства за реставрацию язычества.

Само собой разумеется, что приведенные примеры не исчерпывают всего объема имеющихся в наших письменных источниках свидетельств о социально-экономическом развитии польских земель в раннефеодальный период их истории. Число этих примеров можно было бы несколько, хотя и не очень значительно, увеличить. Нам, однако, важно было проиллюстрировать высказанный выше тезис, что в своей основной массе данные письменных источников относятся ко второй половине X в. и XI в. Предшествующий период времени (VI — первая половина X в.) отражен в письменных источниках неизмеримо слабее. Если не считать записанных хронистами народных легенд о происхождении польского государства (имеются в виду упомянутые выше великопольский и малопольский циклы легенд), то в нашем распоряжении окажутся три основных источника. Это, во-первых, составленное где-то в конце IX или начале X в. одним из учеников Мефодия его житие (8), упоминающее о могущественном князе в Малой Польше — «в Висле» или по другой версии «в Вислех», а во-вторых, относящиеся к IX в. и содержащие некоторые важные географические и политические сведения о странах Восточной Европы — так называемый «Баварский географ» (9) и «География» короля Альфреда (10).

7

Но если для второй половины X и XI вв. мы располагаем более значительным кругом источников, содержащим важный и относительно подробный материал о социально-экономическом развитии польских земель, чем для более раннего времени, то и этот круг оказывается, как видно из предшествующего изложения, далеко не достаточным для решения всех важнейших проблем, стоящих перед исследователями. Рассмотренные нами письменные источники X—XI вв. характеризуют не общественный строй древнепольского общества в целом, а лишь некоторые детали его, их материал иллюстрирует не основные процессы, происходившие в его базисе, а лишь отдельные явления, характерные для этого базиса. В этом отношении историк Древнепольского государства находится в несравненно более сложных и трудных условиях, чем исследователь, занимающийся Древней Русью и располагающие такими превосходными источниками, как «Русская правда» и Русская летопись, к которым прибавились теперь и новгородские берестяные грамоты (11). Сложное его положение и по сравнению со специалистом по древней Болгарии, имеющим возможность опереться в своих работах на «Закон судный людем», не говоря уже об обширном круге византийских авторов.

Положение историка Древнепольского государства еще более осложняется тем, что письменные источники фактически не содержат или содержат в самой минимальной мере сведения о трудовой жизни и быте народа, развитии сельского хозяйства и ремесла. В этих памятниках процесс развития производительных сил в раннефеодальном польском обществе нашел еще более слабое отражение, чем явления, сигнализирующие о развитии экономического базиса общества, показывающие изменения, происходившие в области производственных отношений, общественного и государственного строя.

Между тем еще 20—30 лет тому назад письменные источники были по существу единственным видом источников, на основе исследований которых историки пытались проникнуть в отдаленное прошлое польского народа. Невозможность при таких условиях нарисовать даже в самых общих чертах трудовую жизнь и быт народных масс, очевидная недостаточность данных для восстановления социальной организации общества открывала ши-

рокие перспективы для высказывания самых крайних и противоречивых точек зрения, ни одна из которых не могла быть достаточно солидно обоснована свидетельствами источников.

Положение постепенно стало меняться, по мере того, как начал накапливаться археологический материал. В научный оборот стал поступать новый вид источников — памятники материальной культуры. Перед историками оживали картины суровых человеческих страданий, воскресли подвиги упорной человеческой мысли и труда. Каждое новое открытие археологов позволяло историкам все более полно восстанавливать прошлое. История простых крестьян и ремесленников приобретала все больше живых и ярких красок. Забытое навсегда далекое прошлое, казалось, поднималось из земли, воскреслило перед внимательным взором исследователя.

Достаточно крупных успехов в изучении древнепольского общества польская археологическая наука достигла еще до Второй мировой войны, прервавшей на ряд лет систематические раскопки на территории Польши (12). После войны в народно-демократической Польше археологические исследования были не только возобновлены, но и очень значительно расширены. Они получили небывалые до того времени масштабы. Огромное значение для подъема археологических работ имело создание «Руководства исследованиями о начале Польского государства», развернувшего в 1949—1952 гг. большую детально спланированную научную деятельность. С 1953 г. главная роль в археологических исследованиях перешла к созданному в системе Польской академии наук Институту истории материальной культуры, продолжившему работу, начатую «Руководством».

В результате интенсивных раскопок польских археологов был изучен ряд поселений, имевших оборонительные укрепления, так называемых «гродов» (аналогичных древнерусским «градам»), в том числе и несколько «гродов», относящихся ко времени до середины X в. Особенно важно было изучить неукрепленные поселения раннефеодального периода — селища. В настоящее время раскопано несколько таких поселений. Большой и интересный материал (прежде всего для изучения процесса социальной дифференциации в древнепольском обществе) удалось собрать

польским археологам при раскопках могильников (13).

Вполне естественно, что данные археологии характеризуют прежде всего и главным образом материальную жизнь общества. Опираясь на достижения археологии, историки получают возможность уверенно судить о состоянии производительных сил, внутреннего и внешнего обмена в раннефеодальный период польской истории.

Менее яркое непосредственное отражение в памятниках материальной культуры находят явления, характеризующие социальный строй общества, производственные отношения, а также факты, показывающие развитие государственности, религии и т. д. Но и для изучения этих процессов данные археологии дают известный материал. Помогая историкам на основе изучения производственной деятельности людей восстанавливать облик раннефеодального общества, его экономический базис и надстройку, они позволяют более полно и четко понимать случайные и косвенные сведения письменных источников, дают исследователям право привлекать имеющийся по другим славянским странам, где состояние источников оказывается более благоприятным, сравнительно-исторический материал, использовать показания некоторых поздних и поэтому, как правило, более полных письменных источников, привлекать данные этнографии и языка (14).

Говоря о достижениях польских археологов за истекшее после Второй мировой войны десятилетие, нельзя не отметить, что в результате их работ сравнительно подробно обследованным оказался только период VI—XI вв. Значительно меньше археологических памятников открыто и изучено для периода IV—VI вв. (15), важного момента в истории польских земель и польского народа, когда в Европе рушился рабовладельческий способ производства. Между тем именно в IV—VI вв. польские земли переживали, по-видимому, тот переходный период, который подготовил на рубеже VI—VII вв. вступление польских славян в раннефеодальный период польской истории. Поэтому тщательное обследование периода IV—VI вв. на территории Польши остается важнейшей задачей археологии.

* * *

Но если количество археологических памятников бесспорно будет расти год от года, то в отношении письмен-

ных источников историкам на это рассчитывать не придется. По-видимому, находящийся сейчас в научном обороте круг письменных данных в основном останется неизменным и в дальнейшем. Между тем для изучения политического развития раннефеодального общества письменные источники всегда будут сохранять свое исключительное значение. Рост фактического материала, выявление новых фактов возможно в этой области только за счет более тщательной источниковедческой обработки уже имеющихся памятников, путем более вдумчивого и внимательного чтения и сопоставления их с данными археологии и языка. Количество литературных свидетельств о Польше возрастает по мере приближения к заключительным этапам изучаемого нами периода.

Окрепшее и выросшее в середине и во второй половине X в. Великопольское государство начинает играть все более активную роль на тогдашней международной европейской арене. Политическая активность Древнепольского государства, окончательно оформившегося в конце X в., еще более возрастает в начале XI в., когда Польша становится одной из могущественных и влиятельных сил в Восточной и Центральной Европе, а польская дипломатия разворачивает кипучую по тем временам деятельность во многих европейских столицах, при дворах многочисленных и сильных европейских феодальных властителей. Очевидно поэтому сведения о Польше с середины X в. все чаще попадают на страницах иностранных хроник и летописей. А вслед за тем появляются и письменные источники польского происхождения, составленные в Польше.

Ценнейший материал о Польше и польско-русских отношениях последней четверти X — первой половины XI в. сохранили памятники древнерусского летописания — источник очень сложного, сводного состава, несущий на себе следы работы ряда следующих друг за другом сводчиков и редакторов и потому требующий самой тщательной источниковедческой обработки (16).

Ряд анналов (летописей) немецкого происхождения и две крупные хроники, вышедшие из-под пера немецких хронистов, содержат многочисленные и важные сведения не только о польско-немецких, но и о польско-русских и польско-чешских отношениях, об отношении Польши с языческими племенами лютичей и поморян. Они сообщают

также подчас интересные данные о событиях, происходивших в самой Польше.

В хронике сакса-монаха из Корвейского монастыря Видукинда (ок. 925—ок. 980) (17), писавшего свое историческое сочинение в 967—968 гг. и дополнившего его в 973 г., мы находим первое упоминание о польском князе Мешко I. Сообщения Видукинда об отношениях Великопольского государства с Империей и лютичами несомненно достоверны и заслуживают внимания.

Значительно более подробные сведения о Польше и об ее международном положении, относящиеся ко второй половине X и особенно началу XI в., можно извлечь из хроники епископа мерзебургского Тигмара (975—1018) (18), работавшего над своей рукописью в 1012—1018 гг. Написанная с позиций агрессивного лагеря восточно-германских феодалов в явно тенденциозном, враждебном Польскому государству духе, хроника эта содержит обширный круг сведений о польско-немецких, польско-русских, польско-чешских и польско-лютических отношениях.

Что касается немецких анналов, то для изучения политического развития Древнепольского государства наибольший интерес представляют, во-первых, Хильдесгеймские анналы (19), доведенные до 1073 г. и в своих сведениях до 1043 г. основанные на достоверном, но не дошедшем до нас более раннем источнике, и, во-вторых, Кведлинбургские анналы (20), подробно освещающие события 985—1025 гг. Составительницы Кведлинбургских анналов (монахини Кведлинбургского женского монастыря) имели возможность пользоваться широкой и достоверной информацией благодаря близости их аббата к императорскому двору Оттона III и Генриха II (21).

Для исследования польско-чешских отношений особо важное значение имеет хроника Козьмы Пражского (1045—1125) (22), написанная им в 1119—1122 гг. В ней Козьма широко использовал устную народную и феодальную традицию, а также более ранние письменные источники чешского происхождения, документы из архива пражских епископов. Возможно, что им были использованы и источники польского происхождения — краковские анналы (23). Хроника Козьмы Пражского отражает взгляды чешского możnowładztwa на ход польско-чешских

отношений, с чем безусловно должен считаться исследователь, использующий в своей работе ее материал.

Само собой разумеется, что критической проверки и учета их тенденциозности требуют к себе не только источники немецкого, чешского или русского происхождения. Такая же осторожность необходима и при использовании польских источников, прежде всего хроники Галла Анонима, нарисовавшего в своем историческом труде яркое, образное полотно о внешнеполитическом развитии Польши в первой четверти XI в., но использовавшего свое незаурядное искусство писателя для откровенного возвышения прошлого Польского государства. В центре рассказа Галла Анонима о Древнепольском государстве стоит импонирующая воображению могучая фигура Болеслава Храброго. Автор щедро наделяет его всеми известными ему положительными качествами государя, противопоставляя его противникам с явной целью унижить и высмеять последних. Так поступает автор этого первого в Польше исторического труда с Киевским князем Ярославом Мудрым. Особенно характерна для Галла Анонима откровенно античешская тенденциозность. Источники польского происхождения начинают появляться с конца X в. Пожалуй, наиболее важным и интересным из них следует признать так называемый документ Dagome (или точнее Dagone) iudex, сохранившийся в извлечении от 1087 г. (24). Документ этот был составлен от имени Мешко I, его жены Оды и его сыновей Мешко и Ламбирехта. В нем содержится описание границ Древнепольского государства к концу правления Мешко I. Значение этого документа станет еще более очевидным, если учесть, что другой документ, используемый иногда для выяснения территориального роста Древнепольского государства в X в., — грамота 1086 г., выданная от имени императора Генриха IV пражскому епископству и сохранившаяся в хронике Козьмы Пражского, основана на совершенно очевидном фальсификате. Без всестороннего, детального критического разбора привлечение сведений этой грамоты представляется совершенно невозможным.

В конце X в. стали создаваться и первые польские анналы — рочники. Местом их возникновения были, по-видимому, Гнезно и Познань, а в XI в. летописание появилось, очевидно, и в Кракове (25). Польские рочники охватывают

сравнительно небольшой объем важных сведений. Известный интерес представляют и жития св. Войцеха, составленные в конце X и начале XI в. Их сохранилось три (26).

Таков тот круг источников, которыми располагает в настоящий момент исследователь Древнепольского государства.

Они далеко не равномерно освещают все стороны происходивших в то время сложных и длительных исторических процессов. Для изучения одних явлений мы располагаем сравнительно обширным фактическим материалом. Другие явления в источниках нашли лишь слабое, словно силуэтное отражение. О третьих приходится только догадываться. Многие вопросы и не только из области социально-экономического, но и политического развития образующейся польской народности, могут быть разрешены только гипотетично. На значительную часть из них может быть никогда и не удастся дать исчерпывающего, основанного на прямых показаниях источников ответа.

* * *

Первыми историками, интересовавшимися темой образования Древнепольского государства, были еще средневековые польские хронисты. Однако действительная разработка этого вопроса началась только в XVIII в., в эпоху Просвещения, когда в польской историографии стала развиваться методика критического использования и анализа источников.

Значительные успехи историографии эпохи Просвещения отражали общий подъем польской национальной культуры того времени, рост национального самосознания польского народа и широкий размах его национально-освободительной борьбы.

Со времени Просвещения в Польше появился не один десяток книг и статей, ставивших и обсуждавших вопросы начала польской государственности. Само собой разумеется, что в нашу задачу не может входить подробный обзор всех высказанных в историографии мнений. Для наших целей достаточно охарактеризовать лишь основные течения польской дворянской и буржуазной исторической мысли,

отметить мнения, возобладавшие в шляхетско-буржуазной литературе вопроса, и указать на те уже значительные успехи, которыми может по праву гордиться молодая польская марксистско-ленинская историческая наука в разработке сложной проблемы образования древнепольской государственности.

В целом польских дворянских и буржуазных исследователей, занимавшихся проблемой образования Древнепольского государства, можно разделить на две группы. К первой принадлежат те из них, которые приписывали заслугу создания государственной организации у польских племен иноземным завоевателям, ко второй же — те, которые пытались объяснить появление государственности в Польше эволюционным путем, ходом внутренних социальных процессов, происходивших в древнепольском обществе. Нетрудно заметить, что точка зрения первой группы польских историков очень близко напоминает нам опровергнутую советской исторической наукой так называемую «норманскую теорию» о происхождении Древнерусского государства.

Из названных двух основных точек зрения на происхождение Древнепольского государства первой была сформулирована теория завоевания (*najazdu*). В XVIII в. эта теория была господствующей в польской исторической науке. К ней обращались историки, стремившиеся уяснить себе происхождение в Польше феодализма, понимаемого ими только как совокупность характерных правовых институтов, появление в стране господствующего класса — шляхты.

Одним из первых сторонников теории *наязду* был гданьский ученый Г. Ленгних (27). По его мнению, господствующим слоем в Польше в период формирования государственности являлись лехиты. Это были иноземцы. Теорией завоевания пытался объяснить происхождение польской государственности и «отец польской историографии» А. Нарушевич (28). В течение довольно длительного времени эта теория продолжала оставаться господствующей и в XIX в. Ее придерживался не только Т. Чацкий (29), но и (до начала 20-х годов XIX в.) И. Лелевель. Пользуясь многочисленными, но неубедительными филологическими сопоставлениями, развивал свой вариант теории *наязду* А. Белёвский (30).

Наиболее показательными для сторонников теории завоевания являются, однако, работы В. А. Мацеёвского, К. Шайнохи и Фр. Пекосинского.

По мнению виднейшего знатока славянского права В. А. Мацеёвского (31), основателями польского государства были «лехи». В последних он усматривал вынужденный покинуть свою страну высший социальный слой прибалтийско-славянского общества. Благодаря соседству с немцами «лехи» усвоили идею государственности и рыцарского сословия. Поэтому, когда в VI—VIII вв. саксы принудили «лехов» оставить родину и переселиться на польские земли, последние оказались в состоянии подчинить себе польские племена, объединив их в границах созданной «лехами» государственной организации.

В отличие от Мацеёвского другой крупный представитель этого направления в польской историографии XIX в. К. Шайноха (32) считал «лехов» не полабо-прибалтийскими славянами, а норманами, завоевавшими страну и давшими ей первую династию. Этой династией был род Попелидов. Разбирая легенды польских средневековых хронистов, Шайноха считал, что эта первая норманская династия Попелидов была впоследствии оттеснена династией Пястов, за которой он был, однако, согласен признать местное славянское происхождение.

Близкое к В. А. Мацеёвскому решение вопроса предложил третий лидер теории завоевания в польской исторической науке XIX в. Фр. Пекосинский (33). Он считал, что начало Польскому государству было положено дружинами полабско-прибалтийских славян, закаленными в боях со скандинавами, вынужденными отступить на Вислу. Они принесли с собой заимствованную у врага идею государственности и организацию военных сил. Начальники дружин, вторгшихся на земли польских славян, основали династию Попелидов и Пястов. От них же берут начало и все основные шляхетские роды раннефеодальной Польши.

Фр. Пекосинский был последним крупным представителем школы «завоевания».

Во второй половине XIX в. в польской буржуазной исторической науке постепенно, но решительно берет верх другое течение, которое провозглашало эволюционную теорию происхождения Польского государства. Впрочем отдельные, хотя и слабые голоса в пользу теории завоева-

ния, все еще продолжали раздаваться. Так, например, уже в 20-х годах XX в. К. Кротоский выступил на страницах основного польского исторического журнала «Квартальник хисторичны» с гипотезой, согласно которой основателями Польского государства следует считать варягов из дружин Аскольда и Дира, скрывшихся на территории Польши (34). Гипотеза Кротоского встретила очень резкую критику и была совершенно отвергнута польской буржуазной исторической наукой (35).

Зато в немецкой буржуазно-националистической, а затем и в фашистской историографии теория «завоевания» находила полную поддержку. Она оказывалась очень удобным средством для фашистской пропаганды, отрицавшей за славянскими народами (в том числе и за польским) всякую способность к самостоятельному культурному и государственному развитию (36).

Это враждебное польскому народу общественно-политическое звучание теории завоевания ощущалось не только в XX в. Объективный общественно-политический смысл развиваемых сторонниками теории наязду исторических концепций о начале польской государственности не мог не быть чуждым национальным интересам польского народа и в 40—80-х годах XIX вв., когда публиковали свои работы главные представители школы «завоевания». Ведь это было время, когда разделившие Польшу феодально-абсолютистские режимы жестоко расправлялись с каждой попыткой польского народа добиться своего национального освобождения, когда на польских землях державами-захватчиками проводилась политика руссификации и германизации, когда, наконец, среди националистически настроенной германской и австрийской буржуазии быстро распространялась враждебная славянским народам пангерманская идеология.

В отличие от условий последней трети XVIII в., когда концепция об иноземном происхождении польской шляхты могла быть использована таким представителем прогрессивной польской публицистики, как Ф. С. Езерский для атаки на феодальную реакцию в стране, в середине XIX в., накануне национально-освободительного восстания 1863—1864 гг. высказывания сторонников концепций завоевания о «полной социальной неспособности» славян объективно могли иметь только реакционный смысл.

Наконец, немаловажное значение имела и научно-историко-ведческая сторона вопроса. Фантастические построения, основанные на произвольном сопоставлении географических названий, племенных и личных имен, как это имело место, например, в сочинении А. Белёвского, приходили во все более резкое противоречие с развивавшейся научной методикой критики исторических источников.

В известной мере отход от концепций завоевания был подготовлен еще историографией первой половины XIX в. Вслед за некоторыми другими историками от признания особой, исключительной роли иноземных «ляхов» постепенно стал отходить И. Лелевель (37), развивавший свою демократическую концепцию польской истории, в которой такое большое место заняла теория первоначального общинного устройства и в которой важную роль играла проблематика, связанная с происхождением классов.

Экономические предпосылки выделения польской шляхты из остального свободного населения страны подчеркивал немецкий ученый Р. Рёппель (38) в своем тщательно подготовленном труде о Польше, вышедшем из печати в 1840 г.

Но решительный поворот в польской исторической науке по вопросу о возникновении древнепольской государственности произошел только в 60—80-х годах XIX в., когда против теории наязду высказались три виднейших польских историка: Ю. Шуйский (39), М. Бобжинский (40) и Ст. Смолька (41). Они подчеркивали, что Древнепольское государство явилось результатом самостоятельного развития польских племен, считая главными организаторами государственности местных племенных династов. Появление института земельной собственности они считали следствием княжеских пожалований.

Важно подчеркнуть, что в рассматриваемое время противниками теории завоевания в польской исторической науке выступили отнюдь не революционно, демократически настроенные ученые. Ю. Шуйский и М. Бобжинский принадлежали к так называемой краковской школе в польской историографии, полностью порвавшей с революционно-демократическими и освободительными традициями польских восстаний. Она проповедывала соглашательство с иноземными захватчиками и воспевала пресловутую цивилизаторскую миссию на востоке польских магнатов и

шляхты. К краковской школе, отражавшей настроения крайне реакционного лагеря галицийских помещиков, принадлежал и Ст. Смолька, создавший ряд ценных по своим частным наблюдениям и выводам работ (42).

Далские от народа, неверящие в его силы, историки краковской школы, положившие начало полному разгрому реакционной теории завоевания, сами вместе с тем выступали с тезисами, оскорбительными для польского национального самосознания. Так, например, Ю. Шуйский, подчеркивая сравнительную молодость польской цивилизации, говорил о «свойственном славянской крови отсутствию смысла в области политической организации».

С иных политических позиций выступил несколько позже еще один видный сторонник эволюционной теории происхождения Польского государства и противник концепций наязду, львовский историк права О. Бальцер. По своим взглядам он приближался к буржуазным идеологам теории национальной солидарности, затушевывавшей классовые антагонизмы в капиталистическом обществе. О. Бальцер (43) придерживался той точки зрения, что польская государственность непосредственно произошла из родовой организации. Он рассматривал процесс оформления государства как результат удачных военных предприятий талантливых князей. О. Бальцер, прекрасно эрудированный в огромном сравнительно-историческом материале по другим славянским странам, нашел большое число приверженцев и последователей.

Несмотря на то, что сторонники эволюционной теории происхождения Польского государства были буржуазными историками, а часть из них придерживалась открыто консервативно-буржуазных или реакционно-помещичьих взглядов, победа, одержанная ими над теорией наязду, была безусловно положительным явлением в польской историографии. Развенчав концепцию завоевания, эволюционная школа объективно сыграла прогрессивную, патриотическую роль, противопоставив польскую историческую науку реакционной пангерманской пропаганде, а впоследствии не имевшей ничего общего с какими-либо человеческими чувствами расистской идеологии германского фашизма. Это не значит, конечно, что борясь с этими враждебными польскому народу тенденциями в немецкой буржуазно-националистической историографии, неко-

торые польские историки па впадали сами в ошибки националистического свойства. На эти ошибки указывают сейчас историки-марксисты, используя богатое наследство польской историографии.

Эволюционная теория в своей основе оказалась научно несостоятельной, и в настоящее время она отвергнута марксистско-ленинскими исследованиями, разделив в этом смысле судьбу своей предшественницы. В основе ее оказалось неисторическое толкование государства как некоего надклассового явления, которое само формирует социальные отношения в обществе, а не является закономерным результатом их развития. Однако по сравнению с теорией завоевания эволюционная теория дала толчок к появлению многих исследований, основанных на интересных и ценных частных наблюдениях и выводах. Очень многие из такого рода исследований были опубликованы еще до Второй мировой войны, другие — уже в народно-демократической Польше.

Полностью опровергнув все аргументы сторонников теории завоевания, польские ученые сумели исчерпывающе доказать не только местное происхождение польской княжеской династии и феодальной знати, но и самобытное развитие социально-правовых институтов феодальной Польши. Работы К. Потканьского (44), Вл. Семковича (45), З. Войцеховского, Ю. Видаевича (47), Г. Лабуды (48) и других внесли много нового в изучение политических условий формирования Древнепольского государства.

С начала XX в. стали появляться и монографические работы, посвященные социально-экономической проблематике раннефеодальной Польши. Очень многие из них и до сих пор не потеряли своего значения. Это работы К. Потканьского (49), Фр. Буяка (50), К. Тыменецкого (51), О. Бальцера (52), Счанецкого (53) и др. Попытка дать обобщенную картину экономического развития Польши в раннефеодальный период содержится в книге Я. Рутковского (54). Большой вклад в изучение материальной культуры древнепольского общества внесла и довоенная польская археология (55).

Крупные достижения довоенной польской историографии можно было бы отметить и в области сравнительно-исторических правовых исследований и в области источни-

коведческих разработок, не говоря уже об успехах вспомогательных исторических дисциплин.

Однако на действительно научной основе проблема образования древней польской государственности стала разрабатываться только в народно-демократической Польше в связи с успехами молодой польской марксистской исторической мысли. Польским историкам-марксистам удалось правильно показать процесс образования государства как закономерное явление, обусловленное образованием классов и развитием классовых антагонизмов. Сама государственная организация получила единственно верную научную трактовку как аппарата насилия класса эксплуататоров над классом эксплуатируемых. Польские историки могли использовать большой методологический и методический опыт советской историографии, широко развернувшей разработку сложных проблем раннефеодального периода на Руси. Работы Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. И. Тихомирова, П. Н. Третьякова, С. В. Юшкова и др. давали польским историкам большой и ценный сравнительно-исторический материал.

Важную роль в повороте исследований, посвященных проблемам образования польской государственности, на новые, строго научные пути сыграли работы, предпринятые «Руководством исследованиями над началом Польского государства» (1949—1952), продолженные в 1953 г. Институтом истории материальной культуры Польской академии наук (ПАН).

Одной из первых попыток пересмотреть с новых позиций вопросы раннефеодального периода в истории Польши явилась работа проф. С. Арнольда «Замечания о начале феодального строя в Польше» (56), в которой была подвергнута научной критике теория о происхождении государственности из институтов родового строя. Автор правильно подчеркивал, что буржуазные историки-юристы вкладывали в понятие родового строя отнюдь не то содержание, которое характеризует первобытно-общинный строй как формацию. Они смешивали понятие родового строя с понятием патриархальной большой семьи.

Главным недостатком работы проф. Ст. Арнольда был отрыв в его построениях процесса образования классов и феодализации в древнепольском обществе от процесса формирования раннефеодального государства. Следствием

этого явилось утверждение, что крупная земельная собственность возникла в Польше только на рубеже XI—XII вв. Несмотря на свои существенные недостатки, статья проф. Ст. Арнольда сыграла важную роль в разработке вопросов происхождения феодализма и образования раннефеодального государства в Польше, вызвав оживленную дискуссию как среди польских, так и советских историков (57).

Для развития дискуссии по проблемам раннефеодального периода в Польше важнейшее значение имела Первая методологическая конференция польских историков, состоявшаяся в 1951 г. (58).

В своей работе по проблемам раннефеодального периода польские историки-марксисты сосредоточивают основное внимание на изучении социально-экономического развития польских земель в эпоху VI—XI вв., внимательно исследуют производительные силы и производственные отношения, разрабатывают проблемы образования классов и феодализации общества, образования государства как аппарата насилия господствующих классов, как надстройки, помогавшей победить и развиться новому феодальному базису. Иными словами, речь идет о разработке основных, важнейших вопросов польской истории рассматриваемого периода, именно тех вопросов, исследование которых и может только обеспечить изучение процесса образования Древнепольского государства как закономерного этапа в истории польского народа.

В настоящее время уже появилось несколько крупных работ, выполненных в этом плане польскими историками-марксистами. Здесь в первую очередь следовало бы назвать работы Г. Ловмянского (59), В. Генселя (60) и А. Гейштора (61). Первые две работы содержат обширный сравнительно-исторический материал и по другим славянским странам.

Вместе с тем была продолжена критика господствовавшей прежде в польской буржуазной историографии, выдвинутой О. Бальцером, так называемой «родовой теории» происхождения польского государства (62).

С меньшей интенсивностью в настоящее время в Польше ведется разработка вопросов политического развития Древнепольского государства, хотя и здесь можно было бы отметить ряд интересных работ (63).

Большой материал, накопленный польскими историками-марксистами, позволил им выступить с обобщающими исследованиями, рисующими общую картину происхождения польской государственности. Первым опытом такого исследования была «История Польши до 1466 г.» под редакцией Ю. Бардаха (64), вышедшая в 1953 г. в качестве пособия для педагогов и слушателей Высших педагогических училищ.

В значительно больших масштабах такой опыт был предпринят несколько позже, в 1955 г., Институтом истории ПАН, создавшим макет первого тома академического труда «История Польши» (65). Вышедший в количестве 2 тыс. экз. макет первого тома является, по существу говоря, первым изданием этого капитального коллективного труда.

В советской историографии наряду с работами, посвященными отдельным частным вопросам, были опубликованы и работы обобщающего характера, показывающие процесс формирования древнепольской государственности.

Первой попыткой в этом плане была работа покойного академика В. И. Личеты «Образование Польского государства» (66), вышедшая из печати еще в 1947 г. Несмотря на то, что она по фактическому материалу в значительной своей части устарела, ее все же следует считать важной вехой в советской историографии.

Вся дальнейшая работа советских историков-полонистов над тематикой польского раннего средневековья развивалась в тесном контакте с польскими исследователями, с учетом их богатого и все более растущего опыта, с внимательным изучением их достижений. Автором настоящей книги была предпринята вторая в советской литературе попытка дать общую картину процесса происхождения польской государственности. Речь идет о страницах, освещающих этот процесс, в первом томе «Истории Польши», изданной Институтом славяноведения АН СССР в 1954 г. (67) и переизданной в 1956 г.

Достигнутые польскими историками крупные успехи в расширении источниковедческой базы исследований за счет выявления громадного нового археологического материала позволяют, как нам кажется, попытаться еще раз остановиться на теме образования древнепольского госу-

дарства, стремясь дать ей более развернутое и полное решение.

Ставя перед собой задачу написания синтетического очерка о Древнепольском государстве, очерка, который неизбежно в известной мере останется работой научно-популярного характера, необходимо использовать и обобщить достижения польской исторической науки. Одновременно важно было воспользоваться, конечно, и результатами как советских, так и вышедших в других славянских странах исследований о раннефеодальном периоде.

Работая над своим очерком, мы исходили из твердого убеждения, что и для советского читателя всегда будут представлять глубокий интерес древние судьбы польского народа, вместе с которым народы Советской России, Украины и Белоруссии принадлежат к одному могучему славянскому племени, на протяжении веков в тяжелой борьбе доказавшего свое право на свободное прогрессивное историческое развитие.

Хронологические рамки работы определялись задачей показать сложную картину происхождения польских племен. Поэтому изложение, пусть даже беглое, начинается в книге с эпохи лужицкой культуры. Затем нужно было остановиться на недостаточно еще изученной, но очень важной проблеме взаимоотношений населения польских земель с Римской империей. Дальнейшие хронологические рамки работы — VI — середина XI в. — определялись общими принципами периодизации истории Польши. Это — самостоятельный период истории польского народа, время зарождения и становления феодальных отношений и раннефеодальной государственности, формирования польской народности.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН. КРУШЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РАННЕЕ СЛАВЯНСТВО

Вопрос о происхождении славян всегда будет волновать умы ученых-историков. Десятки и сотни исследований были посвящены ему в прошлом, сотни исследований, конечно, должны будут появиться в будущем. Само собой разумеется, что ведущая роль в выяснении проблем славянского этногенеза останется при этом за учеными-славянистами стран Советского Союза, Польши и Чехословакии, территория которых являлась местом действия первых глав великой исторической эпопеи славянского мира.

В настоящее время можно констатировать довольно значительные успехи в разрешении сложной проблемы происхождения славянских племен и народностей, хотя еще очень многие звенья в цепи событий, обусловивших их формирование, не найдены. Нет и не может быть никаких гарантий в том, что ученым когда-нибудь удастся полностью восстановить все звенья этой цепи, избавить наши представления о древнейших исторических судьбах славянских народов от столь присущих им сейчас моментов условности, гипотетичности. Причины этого лежат в отсутствии для огромного отрезка славянской истории письменных источников. Их полностью не могут заменить ни сыгравшие столь важную роль в деле исследования славянского этногенеза, но не поддающиеся точной датировке без материалов письменности, данные языка, ни приобретающие теперь все большее и большее значение для выяснения вопросов происхождения славян памятники археологии.

Главное, однако, заключается не в этом. Главное состоит в том, что совместными усилиями многих лингвистов,

археологов и историков собрано уже громадное количество фактов, позволяющих представить себе в сравнительно обоснованном, хотя и схематическом виде сложный многовековой ход славянского этногенеза, наметить основные процессы, определившие появление на исторической арене отдельных славянских народностей. По мере дальнейшего накопления фактического материала находящиеся в настоящий момент в научном обороте схемы будут усовершенствоваться, исследователи будут все больше приближать их к многоликой исторической действительности.

Славянские народы являются исконными обитателями обширных территорий Советского Союза и Польши, ограниченных, как можно предполагать, течением рек — Днестра и Одры. Впрочем, как на западе, так и на востоке первоначальные границы славянских поселений недостаточно четко различимы (1). Славяне принадлежат к широко распространенной индоевропейской языковой системе, охватывающей, как известно, романские, германские и славянские языки, языки греков, кельтов, и летто-литовцев, иранцев и индусов, фракийцев, иллирийцев и части скифо-сарматских племен. Сейчас наука не в состоянии решить сколько-нибудь точно вопрос, когда и где возник праиндоевропейский язык (1а). Зато можно, по-видимому, утверждать, что уже в III тысячелетии до н. э. праиндоевропейская языковая общность, объединяющая далеко не однородную группу племен, в результате расселения и смешения с другими языками, стала дифференцироваться, распадаться на несколько языковых семей. Не случайно приблизительно около II тыс. лет до н. э. на исторической арене стали появляться определенно выделившиеся уже из праиндоевропейской языковой общности индусы, иранцы, греки (2). Из праиндоевропейской общности выделилась и группа племен, носительница праславянского или, может быть, балто-славянского языка, впоследствии распавшегося на две самостоятельные ветви — прабалтийскую и праславянскую. Следует заметить, впрочем, что гипотеза о балто-славянской языковой общности вызывает в настоящее время возражения со стороны большинства лингвистов (2а).

В данный момент нельзя еще с уверенностью судить о том, когда и при каких конкретно исторических условиях начался этот процесс дифференциации праиндоевропей-

ской языковой общности, каким образом шло выделение и обособление праславянской или гипотетической балто-славянской его ветви. К сожалению, данные сравнительного языкознания не дают твердой почвы для категорических суждений о первоначальном времени и месте формирования и развития праславянских или балто-славянских племен. Обращаясь к археологической карте Восточной и Средней Европы, исследователи пытаются отыскать следы далеких предков славян в лесных областях, расположенных между средним Днестром и Одрой, где в IV и III тысячелетиях до н. э. жила группа племен, занимавшихся земледелием (3).

Благодаря археологическим исследованиям картина этнического развития Европы несколько проясняется только около рубежа II тысячелетия до н. э.

Это было время величайших изменений в экономическом и социальном развитии европейских племен. Хотя они уже раньше были знакомы с разведением домашних животных, однако только теперь из их среды выделилась значительная группа племен, ведших по преимуществу пастушеский образ жизни. Почти повсеместно росло значение скотоводства. Одновременно начался закат каменной индустрии, игравшей в течение десятков тысячелетий столь важную роль в истории человеческого общества. На смену веку камня шел век металлов.

В тесной связи с изменениями в области экономической жизни происходили перемены и в области социального устройства. В обществе резко возросло значение мужского скотовода и металлурга. Древние формы родоплеменной организации, связанные с матрилинейным счетом родства, ветшали и приходили в упадок. Матриархальный род распадался, на его месте возникал патриархальный род и патриархальная семья (4).

В это время на огромной территории от Рейна до Волги и Кавказа и от Балтийского моря до Дуная и Балкан появились знавшие коневодство и всадные, по-видимому, кочевой образ жизни племена «шнуровой керамики» (5), получившие такое название от манеры украшать свою глиняную посуду отпечатками шнура. В дальнейшем племена «шнуровой керамики» стали вести оседлый образ жизни, а в их хозяйстве постепенно все большую роль начало играть земледелие.

Быстрое распространение культуры племен «шнуровой керамики», в которых ученые видят праиндоевропейцев, дало основание для предположения о могучей волне индоевропейской экспансии. Возникнув в одном месте, волна эта могла захлестнуть в описываемое время обширные пространства Европы. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что всюду, где археологам удалось обнаружить следы культуры племен «шнуровой керамики», позднее историческими памятниками были засвидетельствованы племена и народности, говорившие на индоевропейских языках (6).

Предположению об экспансии племен «шнуровой керамики» из одного центра противоречат, однако, некоторые данные археологии. При более внимательном чтении археологической карты выясняется, что культура этих племен в разных местах обнаруживает весьма отчетливые локальные особенности, выдающие явные связи с прочными местными традициями. Вне пределов распространения культуры пастушеских племен «шнуровой керамики» оказались области нижнедунайских трипольских племен, расположенные в среднем и нижнем течении Дуная и по Днестру. С другой стороны, оказалось, что некоторые позднетрипольские племена среднего Поднепровья и Поднестровья, находившиеся временно в границах распространения племен «шнуровой керамики», в дальнейшем, на протяжении II тысячелетия до н. э., смогли почти полностью сохранить характерный облик своей культуры (7).

Все эти факты указывают на то, что происходившие тогда в Европе этнические процессы имели очень сложный характер и что свести их к одной экспансии племен «шнуровой керамики» невозможно. Не отрицая миграций и передвижений на широком пространстве пастушеских племен, выделение которых из состава древних земледельческо-скотоводческих племен происходило, по-видимому, не в одной, а во многих областях в связи с общими социально-экономическими изменениями в обществе, следует с большим вниманием изучать развитие местных, туземных племен. Их роль в развивавшихся в Европе этнических процессах была, очевидно, весьма значительна.

Культура племен «шнуровой керамики» получила распространение и на территории современной Польши. И здесь важнейшую роль в дальнейшем этническом развитии

сыграли, по-видимому, местные племена с древними земледельческими традициями. В настоящее время на территории Польши можно выявить не менее пяти локальных групп племен «шнуровой керамики» (8).

В середине и во второй половине II тысячелетия до н. э. картина этнического развития Восточной и Центральной Европы еще более проясняется. Именно во второй половине II тысячелетия до н. э. на территории Польши формировались так называемые лужицкие племена, заселявшие бассейны Одры и Вислы, на севере — вышедшие к побережью Балтийского моря, а на юге — достигшие предгорий Карпат. Появление племен лужицкой культуры было результатом развития местных племен, корни которых уходят еще в отдаленную эпоху культуры племен «шнуровой керамики». Сложнее решить вопрос о том, какие из этих местных племен сыграли главную роль в формировании на польской территории лужицкого населения. В то время, как одни из исследователей видят непосредственных предшественников лужицких племен в тицинецких племенах, поселения которых занимали бассейн средней и верхней Вислы и доходили до верховьев Припяти (9), другие в унетицких и так называемых предлужицких племенах, живших в начале II тысячелетия до н. э. по верхнему течению Лабы, Одры и в междуречьи Одры и Вислы (10), третьи — в среднедунайских племенах (11).

Как бы, однако, конкретно не решался вопрос о взаимных связях указанных групп племен с племенами лужицкой культуры, признавать ли за одной из этих групп роль прямого предшественника лужицкого населения или за всеми вместе (12), самым важным является то обстоятельство, что лужицкие племена с близкими им племенами Подолии, Волини, Киевщины, бассейн Припяти и может быть верхнего Поднепровья, по мнению ряда специалистов, были бесспорными предками раннеславянских племен. Территория Польши была важным очагом формирования раннего славянства (13). Правда, осторожнее было бы говорить не о «славянском», а скорее «протославянском» характере культуры лужицких племен, учитывая, что только часть их была генетически связанной с ранним славянством, в то время как другие группы лужицкого населения, распространяясь на юг и запад, оказались впоследствии в составе кельтской и иллирийской племен-

ных групп (14). Территория Польши была одним из очагов формирования племен лужицкой культуры. В течение длительного времени лужицкое население, сыгравшее огромную роль в процессе славянского этногенеза, продолжало жить и развиваться на польских землях. Оказавшись таким образом у истоков формирования на территории Польши славянских племен, нам представляется необходимым сказать несколько слов о природе страны, познакомить читателя с той исторической ареной, на которой в дальнейшем будут происходить все описываемые нами события.

* * *

Польша — в основном страна равнинная. Вся северная часть ее образована Польской низменностью или равниной, которая является естественным продолжением Русской равнины на востоке, а на западе непосредственно переходит в Северо-Германскую низменность. На севере Польская низменность простирается вплоть до побережья Балтийского моря.

Современный рельеф Польской низменности обусловлен воздействием мощных ледников, в ледниковый период спускавшихся со Скандинавского полуострова и временами покрывавших большую часть ее поверхности. Ледником же были принесены сюда толщи рыхлых отложений глин, песков, гравия, образовавшихся в процессе таяния и отступления ледника на север.

В тех местах, где кончался ледник и где под влиянием климатических условий он начинал таять, возникали мощные потоки, образовавшие желобообразные понижения в рельефе местности в направлении с юго-востока и востока на северо-запад и запад. Эти понижения получили название «прадолин» или «великих долин». «Прадолины» являются наиболее характерной чертой в рельефе южной части Польской низменности.

Иначе отразилась работа ледника на рельефе северной части Польской низменности. Здесь надвигавшиеся массы льда, несшие с собой громадное количество разнообразных рыхлых отложений и валунов, образовали гряды холмов, вытянутых в широтном направлении и являющихся частью Балтийской моренной гряды. Разделяемая нижним течением Вислы, область моренных холмов получила

название Мазурского поозерья к востоку от Вислы и Поморского поозерья к западу от нее. Название это связано с наличием в котловинах между холмами многочисленных озер, оставшихся здесь от растаявшего ледника.

Далее, к северу холмы сменяются плоской низменностью, спускающейся к берегу Балтийского моря. Польское балтийское побережье сравнительно мало изрезано. Море образует здесь только два значительных залива: на западе — Поморский, на востоке, в устье Вислы — Гданьский.

От севера страны по характеру геологического строения и рельефу резко отличается ее южная часть. В основном она образована Люблинской возвышенностью, достигающей в среднем 200 м высоты над уровнем моря, к которой на западе примыкает Малопольская возвышенность. Еще далее на запад расположена Силезская возвышенность, отличающаяся сглаженным и малоприсподнятым рельефом. Рельеф Малопольской возвышенности наиболее изрезан и возвышен. В центре ее имеется значительное понижение, где расположены Нидская и Концепольская котловины. Зато восточные и западные края возвышенности образуют небольшие горы — Келецко-Сandomирские и Краковские.

Самая высокая часть Келецко-Сandomирских гор — Свентокшижский хребет. Высшая точка его — гора Лысица — является, вместе с тем, и самой высшей точкой всей Малопольской возвышенности. Она расположена на высоте 611 м над уровнем моря. В Краковских горах высшая точка — гора Замкова — достигает 504 м над уровнем моря. Протекающие в пределах Малопольской возвышенности реки образуют глубокие долины с обрывистыми краями, придавая ее рельефу характерные черты горной страны.

Настоящие горные хребты расположены, однако, только на самой южной окраине Польши, на границе ее с Чехословакией, где на польской территории находятся северные склоны двух крупных европейских горных систем — Судет и Карпат. Судеты значительно древнее Карпат. Средняя высота их не превышает 1000 м над уровнем моря. Карпатские горы в границах Польши образуют два мощных горных хребта — Западные Бескиды, возвышающиеся на 1000—1500 м (высшая точка Бабя гора —

1725 м над уровнем моря) и Высокая Татра, являющаяся самой высокой частью в Карпатской горной системе. Некоторые вершины ее достигают высоты свыше 2500 м над уровнем моря. Между горными системами Карпат и Судет расположено понижение, получившее имя Моравских ворот. Через него прорывается к Балтийскому морю одна из крупнейших польских рек — Одра. Моравские ворота, являясь единственным удобным пунктом сообщения между территорией Польши и землями, расположенными в Дунайском бассейне, сыграли крупную роль в ранней истории страны, связывая ее со странами с богатой и сложной культурой. Кроме того, в Карпатах имеется несколько удобных перевалов, по которым, в основном, осуществлялось сообщение между польскими и древнерусскими землями, Словакией и Венгрией.

Для всего хода исторического развития Польши очень важное значение имел тот факт, что все крупные реки страны принадлежат бассейну Балтийского моря. В него впадает Одра, берущая свое начало в Судетах, в Чехословакии, и текущая далее, в основном, по территории Польши. Лишь в нижнем своем течении Одра является пограничной рекой между Германией и Польшей. Важнейший левый приток Одры — Лужицкая Исса, протекающая вдоль польско-германской границы. Из правых притоков Одры следует назвать реку Варту с ее притоком рекой Нотець.

Главной рекой Польши, ее национальной рекой, является Висла. Она берет свое начало в Бескидах и далее, на протяжении 1092 км течет по территории Польши, вбирая в себя воды многочисленных притоков: Западного Буга, Вепши, Сана и Дунайца — справа и Брды, Бзуры, Пилицы и Каменной — слева. Бассейн Вислы вместе с ее притоками охватывает, таким образом, большую часть страны и с древнейших времен был ее важнейшей водной артерией, связывавшей Польшу с Балтийским морем, куда Висла впадает двумя мощными рукавами. Река Мухавец, приток Западного Буга, и Пина, приток Припяти, сближают бассейн Вислы с бассейном Днепра.

В древности течение рек направляло процесс заселения страны, ибо население продвигалось обычно вдоль рек, оседая вблизи удобных речных берегов. Польские реки в древности были наиболее удобными путями

сообщения, связывающими отдельные части страны между собой.

Значительную часть страны еще и теперь занимают болота. Их особенно много на юге Польской низменности, в понижениях «Великих долин». Свыше 22% поверхности Польши покрыто лесами. В древности болота и леса занимали, разумеется, еще более значительную часть территории Польши.

Почвенный покров страны довольно разнообразен. В северных районах Польши преобладают малоплодородные дерново-подзолистые почвы, хотя и здесь, особенно в Куявии, попадаются более плодородные почвы болотно-лугового типа. Значительно разнообразнее и в основном более пригодные для земледелия почвы — в южной части страны, в районе Силезской низменности, на юго-востоке Малопольской возвышенности, по средней Висле и на юге Люблинской возвышенности. Здесь особенно отличаются своим плодородием лёссовые почвы и небольшие площади черноземов, уже в глубокой древности обусловившие успешное ведение хозяйства земледельческого типа.

Само собой разумеется, что в древности для экономического развития польских земель не имели фактически никакого значения богатые залежи каменного и бурого угля, как и в общем небольшие месторождения железной руды. Когда же над польскими землями впервые занялся свет железного века, польские металлурги добывали железо из болотных руд, недостатка в которых не было.

Бедность Польши месторождениями цветных металлов seriously сказывалась на ее экономическом развитии. В Нижней Силезии имеются, правда, небольшие месторождения меди и никеля, но они очень невелики. Кроме того, Польша располагает скромными запасами цинка и свинца. Однако в рассматриваемое время сырье для медного и бронзового производства поступало еще за счет импорта. Не использовались в древности и громадные запасы поваренной соли на юге (Величка и Бохня) и на западе (у г. Иновроцлава) страны. Соляные месторождения Велички и Бохни в сравнительно крупных масштабах стали разрабатываться только уже в средние века. До того времени основным источником добычи соли было солеварение.

Четыре-пять тысячелетий тому назад климат, растительный и животный мир Польши были уже в основном очень близки современному. Конечно, леса и болота занимали тогда значительно большую часть страны, чем теперь. За счет осушения болот и корчевания лесов сильно возросли площади, пригодные для земледелия. В средние века и особенно в новое время развитие металлургии и других отраслей производства повлекло за собой гибель огромных лесных массивов. Девственные пущи древней Польши, тянувшиеся на десятки и сотни километров, были богаты всевозможным зверем. Стада лесных великанов — зубров не были редкостью. В болотистых зарослях гнездились тучи перелетных птиц. Более плодородные, чем ныне, когда лесов стало гораздо меньше, реки и озера изобиловали рыбой.

При таком обилии воды и леса вполне оправданно предполагать и более влажный, чем теперь, но здоровый климат страны.

* * *

Суровая природа, строгая в своей красоте, такой близкой душевно нам, жителям русской равнины, окружала лужицкого земледельца. Несмотря на богатую охоту и рыбную ловлю, лужицкие племена были прежде всего земледельческим народом. Они не только усвоили древние земледельческие традиции своих предков (15), но и в свою очередь сами достигли крупных успехов в земледелии (16), являвшемся прочной основой их экономического прогресса. О сравнительно высоком уровне лужицкого земледелия свидетельствуют находимые археологами орудия сельскохозяйственного труда. Особенно часто встречаются топоры, бронзовые серпы, каменные зернотерки. Из сельскохозяйственных злаков лужицким племенам были известны не только ячмень и просо, но и пшеница. В пищу употреблялись также бобы, горох, чечевица, репа.

Заметных успехов достигла и сама техника обработки почвы, хотя, по-видимому, продолжало господствовать мотыжное земледелие, когда земля обрабатывается каменными, роговыми или деревянными мотыгами. Лужицким земледельцам была известна уже и примитивная вспашка. Для этого употреблялась самая незатейливая

деревянное рало, первоначально чаще всего обычный большой сук дерева, возможно, влкомый быками.

Наряду с земледелием, большое значение в хозяйстве населения имело скотоводство. На это указывает тот факт, что среди костных остатков на лужицких поселениях подавляющее число находок составляют кости домашних животных.

О ярко выраженном сельскохозяйственном характере лужицкой культуры свидетельствуют и изученные поселения лужицких племен. Как правило, эти поселения (селища) располагались в долинах с плодородными лесовыми или черноземными почвами. В таких случаях земледельцы подолгу оставались на одном и том же месте, а не бродили в поисках неистощенных земель, о чем свидетельствуют обширные лужицкие кладбища с большим числом погребений, принадлежащих последовательно ряду поколений. Характерным для земледельцев был и домашний быт племен лужицкой культуры. Они жили в прямоугольных избах, сложенных из горизонтально помещенных бревен, укрепленных вертикальными столбами, с двускатной крышей. В центре жилища находился очаг. Большой глиняный сосуд, врытый в пол, служил для хранения запасов.

Формирование лужицкой культуры можно приблизительно датировать 1300—1100 гг. до н. э. Это было уже время развитого бронзового века, начавшегося на территории Польши около 1700 г. до н. э. Но бронза не была первым металлом, ставшим известным населению польских земель. Таким металлом была медь. Знакомство с нею произошло задолго до появления лужицкой культуры, в эпоху шлифованного камня — неолита. Однако у нас нет оснований думать, что неолитический человек занимался добычей меди на месте. По всей вероятности, медные изделия и слитки металла проникали в Польшу в это время путем обмена или вместе с переселяющимися на ее территорию племенами.

При таких условиях медь оставалась крайне редким и дорогим металлом. Поэтому появление ее в Польше, разумеется, не могло привести к сколько-нибудь серьезным переменам в хозяйственном быте населения. Да и по своим техническим качествам мягкие медные изделия не могли конкурировать с прочными и разнообразными нео-

литическими орудиями труда из шлифованного и искусно обработанного кремня. Поэтому медь использовалась главным образом для изготовления украшений, а основной хозяйственный инвентарь сохранял свой прежний неолитический облик.

Положение начало меняться только с появлением бронзы. Правда и бронзе не удалось полностью и повсеместно вытеснить неолитические орудия труда, поскольку она также всегда оставалась дорогим металлом. Ее распространение по территории Польши происходило весьма неравномерно. Первыми познакомились с этим металлом и использовали его в хозяйственных целях те племена, которые населяли Силезию, Великую Польшу и Поморье. Медленное развивалось бронзовое производство в Малой Польше. Еще медленнее — в северо-восточных областях страны, которые долго еще, в бронзовый век, завершившийся к 700 гг. до н. э., сохраняли неолитический культурный облик (17).

Но даже принимая во внимание все эти соображения, нельзя не согласиться с тем, что применение в хозяйстве усовершенствованных бронзовых орудий, таких, например, как топор или серп, должно было резко поднять производительность человеческого труда.

Вместе с тем изготовление бронзовых орудий,ковка и ее литье требовали большого мастерства и производственной споровки. На основании археологических данных можно утверждать, что уже в так называемом первом периоде бронзы (1700—1500 гг. до н. э.) бронзовое производство было развито в Великой Польше (18). В третий период бронзы (1300—1100 гг. до н. э.) такое производство уже известно и в Силезии (19). Литьем бронзовых изделий занимались, по-видимому, профессионалы-ремесленники. О том, что такое производство находилось в руках профессионалов, свидетельствуют погребения ремесленников. Орудия производства должны были сопровождать своего владельца в загробном мире (20).

Развитие бронзового производства неизбежно должно было привести к росту обмена, игравшего известную роль уже в эпоху неолита, когда благодаря наличию поблизости необходимого сырья, на изготовлении каменных орудий или их полуфабрикатов специализировались отдельные племена. Уже в то время изготовленные в одном

месте орудия труда или украшения распространялись на значительном пространстве. Так, например, добытый и доведенный до состояния полуфабриката кремь, шедший на изготовление каменных топороз, которые по своей форме подражали медным, распространялся из Каменок Опатовских, местности, расположенной в бассейне реки Каменной, на территорию Моравии, Великой Польши, Поморья и Волини (21).

Само собой разумеется, что распространение бронзовых изделий, изготовленных из дорогого импортного сырья, могло происходить не только в результате многочисленных военных столкновений, но и при условии хотя бы примитивно налаженного и организованного обмена. Об увеличении роли обмена в экономической жизни общества бронзового века очень наглядно свидетельствуют данные археологии. Многочисленные кладь однотипных бронзовых предметов, открываемые уже с первого периода бронзы не только на территории Польши, но и в соседних странах, например, в современных землях лужицких сербов (22), как кажется, самым определенным образом указывают на существование в тот период особой группы населения, специально занимавшейся меновой торговлей и специализировавшейся на сбыте бронзы и бронзовых изделий. Возможно, что это были бродячие купцы, более или менее регулярно совершающие свои торговые путешествия (23). Именно им в таком случае принадлежали находимые археологами кладь бронзовых вещей. Кладь эти были, по-видимому, закопаны в момент опасности их владельцами, которые по тем или иным причинам не смогли позже вернуть себе укрытое добро.

Для лужицких племен, населявших территорию Польши в период бронзового века, особенно большое значение имело наличие сравнительно оживленных по тому времени экономических связей с чешскими землями, бывшими в то время важным центром бронзового производства в Центральной Европе, а также и с другими землями Дунайского бассейна, достигшими значительных успехов в области металлургии. В то же время вырос и усилился обмен между отдельными польскими землями, неравномерно осваивавшими новое бронзовое производство.

В настоящее время трудно еще делать окончательные выводы о социальном устройстве лужицкого общества. Од-

нако имеющиеся уже в руках археологов данные о лужицких поселениях, изучение погребений лужицких племен свидетельствует, что основной экономической ячейкой лужицкого общества являлась патриархальная община или большая семья. Патриархальные общины входили в состав более крупных образований — родовых групп, совокупность которых составляла племя.

В пользу того, что хозяйство велось силами патриархальной общины говорит тот факт, что господствовавшей системой земледелия была в то время огневая. При такой системе обработки почвы на облюбованных под посев участках земли предварительно выжигались лес и кустарник. Посев производился непосредственно в оставшуюся на поверхности почвы золу. Через какие-нибудь три-четыре года обрабатываемые участки земли теряли свое естественное плодородие, и земледельцы вынуждены были выжигать другие участки леса. Только через 15—25 лет можно было вернуться к обработке заброшенных ранее полей, которые к тому времени вновь зарастали кустарниками и лесом. Огневая система земледелия была чрезвычайно трудоемкой и требовала совместных усилий больших коллективов людей. Такими коллективами и были, очевидно, патриархальные общины или большие семьи, крепкие безусловной солидарностью своих членов.

Очень яркая картина строгого патриархально-общинного быта возникла перед археологами при раскопках лужицкого поселения на Бискупинском озере (24). «Славянская Помпея», как иногда образно, хотя и не вполне точно, называют бискупинское поселение археологи, расположена в 85 км на север от современного города Познань. Плодородные почвы и прекрасные луга всегда привлекали сюда трудолюбивых земледельцев. Поводом для сравнения с погибшим при извержении Везувия итальянским городом послужила трагическая судьба этого лужицкого поселения. Во время одного вражеского нападения бискупинское поселение было уничтожено пожаром. Покинутое жителями пепелище было постепенно поглощено озером, причем в торфяных отложениях прекрасно сохранились не только многочисленные орудия труда и быта, но и остатки деревянных построек, по которым археологи с успехом восстанавливают внешний облик этого древнего городища (рис 3).

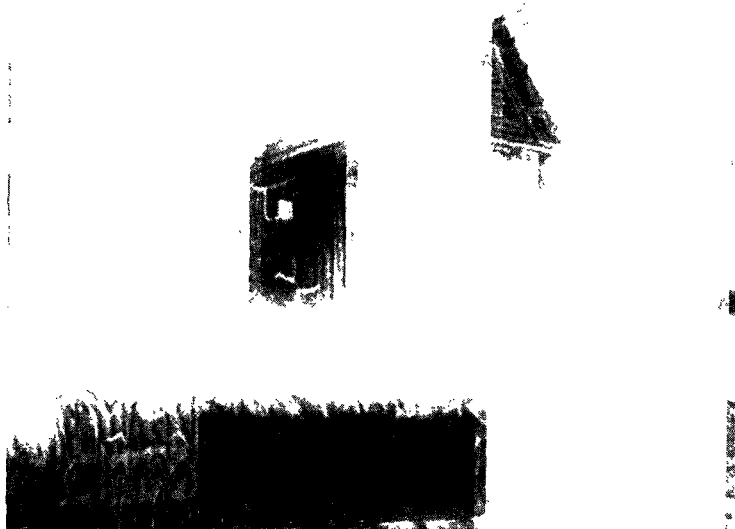

Рис. 2. Ворота укреплений Бискупилского городища (реконструкция)

Рис 3 Раскопки поселения у Бискупилского озера

Городище было расположено на небольшом овалной формы острове посредине Бискупинского озера. Оно датируется приблизительно VI—V вв. до н. э., т. е. временем, когда польские земли вступили уже в железный век, начавшийся в Польше около 700 г. до н. э. Таким образом, бискупинское городище приблизительно на двести лет моложе Рима.

Очевидно, военные столкновения были тогда обычным и частым явлением. Каждую минуту можно было ожидать вражеского нападения. Именно поэтому для поселения было избрано труднодоступное место — остров, который был обнесен могучим валом, достигавшим 6 м в высоту. Вал этот был сложен из больших дубовых бревен, положенных крест-накрест в сруб. Срубы заполнялись землею и песком. Наружная стена вала была обложена толстым слоем глины, чтобы предохранить вал от пожара во время нападения и осады. С материком остров соединялся мостом. Единственный вход в городище был с моста через массивные хорошо защищенные ворота.

Жители городища подумали и о том, чтобы предохранить свой остров от разрушительных ударов волн, вероятно, часто подымавшихся на озере и размывавших берега острова. Для этого в дно озера вокруг острова было вбито несколько рядов толстых дубовых столбов, наклоненных в сторону острова. Этот оригинальный защитный пояс достигал в ширину от 6 до 13 м.

Древнее лужицкое поселение состояло из нескольких параллельных улиц, которые были вымощены бревнами. Вокруг поселка шла кольцевая улица, объединявшая остальные. Вытянутые в несколько линий однотипные бревенчатые дома — квадратные помещения с сенями — так тесно примыкали друг к другу, что образовывали как бы несколько длинных домов, прикрытых одной тростниковой крышей.

Жители бискупинского городища были опытными земледельцами. Особенно большой интерес представляет находка еще очень примитивного пахотного орудия — рала, изготовленного из дерева, но имевшего уже, возможно, металлический наконечник — паральник. Помимо того, при раскопках было найдено несколько роговых мотыг, каменные зернотерки, бронзовые и железные серпы, многочисленные керамические изделия.

Основной сельскохозяйственной культурой было просо. Но лужицким земледельцам, жившим на бискупинском городище, были известны и три вида пшеницы, два вида ячменя, мак, лен, горох, фасоль, чечевица, репа. Крупную роль в хозяйстве играло разведение домашних животных — коров, свиней, овец, коз, лошадей, а самый старый и самый верный друг человека — собака (бискупинские собаки близки к современным овчаркам) помогала людям охранять их стада и жилища.

В торфяниках Бискупинского озера было обнаружено огромное количество костей животных. Но поразительный факт! Только 1,2% изученного костного материала оказались костями диких животных и рыб, а остальные 98,8% костей — домашних животных. Значит, уже в то отдаленное время охота и рыболовство играли ограниченную, вспомогательную роль в хозяйстве. Зато находки отдельных частей массивных деревянных колесниц свидетельствуют о наличии упряжного скота, которого, может быть, судя по находкам в Бискупине, умели уже использовать при сельскохозяйственных работах. Предположения об использовании лужицкими племенами домашних животных в качестве тягловой силы при вспашке станут более, чем вероятными, если учесть, что упряжной скот был известен в Польше задолго до рассматриваемого здесь времени. О знакомстве населения польских земель с искусством упряжки в конце неолита, около 1800 г. до н. э., говорит находка в местности Кремжница Яра (Люблинский повят) глиняной фигурки, изображающей пару волов с ярмом (24а).

Детально изученное археологами бискупинское городище не оставляет никаких сомнений в том, что попытки некоторых археологов и историков трактовать лужицкое общество как общество, разделенное на классы (25), не имеет под собой никакой почвы. Изучение бискупинского городища не даст материала для того, чтобы говорить о столь глубокой социальной и даже имущественной дифференциации общества. Городище это выглядит, скорее как типичное общинное гнездо, построенное совместными усилиями нескольких может быть связанных между собой тесными узами родства больших патриархальных семей, которые нашли за его стенами прибежище (26)

Более сложным представится нам социальный строй общества бронзового и раннего железного века, если мы обратимся от поселений к погребениям того времени.

Уже в эпоху неолита, судя по имеющемуся археологическому материалу, начинают появляться различия в погребальном обряде в зависимости от положения, занимаемого покойным в племени (27—28). Различия эти становятся еще более ощутимыми в бронзовом и особенно в раннем железном веке, когда было основано описанное выше бискупинское городище. Правда, далеко не всегда более богатый погребальный ритуал можно объяснять высоким социальным положением покойного, особенно, если речь идет о женских погребениях. Как показывает сравнительно-этнографический материал, здесь важную роль могли играть возраст женщины и положение ее в семье. Однако, когда в погребениях появляется оружие, когда, как это было в раннем железном веке, наряду с могилами, лишенными оружия, оказываются могилы, в которых покойника сопровождал конь, спутник его военных походов и меч — его верный друг в кровавых схватках (29), мы вправе предполагать, что в этом случае неодинаковость погребального ритуала отражает известную социальную неоднородность общества. В лишенных оружия погребениях можно предполагать могилы простых земледельцев, а там, где умершего сопровождают в загробный мир конь и меч, покоятся очевидно останки знатного человека.

Различия в обряде погребения покойников призваны были подчеркнуть и увековечить социальные различия живых. Тот факт, что это неравенство нашло уже свое выражение в чрезвычайно консервативном погребальном обряде свидетельствует о том, что оно не было в описываемый момент совершенно новым явлением, что процесс имущественной и социальной дифференциации начался значительно раньше, что за ним лежал уже сравнительно долгий путь развития.

Естественным следствием постепенно нарастающего процесса имущественной и социальной дифференциации, развивавшегося на базе роста производительных сил общества, были постоянные военные столкновения между племенами, вызванные стремлением выделявшейся знати обогащаться за счет военной добычи. Объединяющие многочисленные патриархальные родовые общины племена при

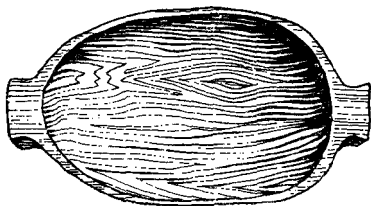
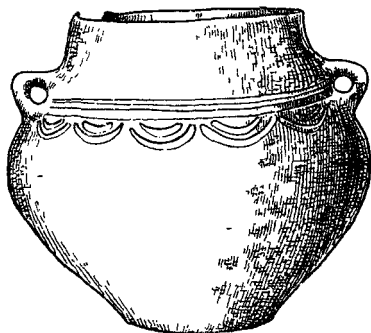
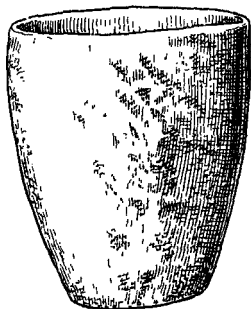
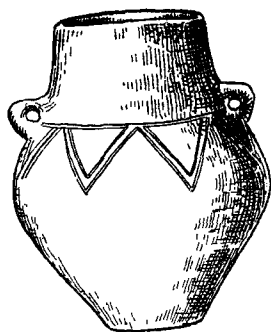

Рис 4 Глиняная посуда и деревянное блюдо (нижний правый рисунок) из раскопок в Бискупине

таких условиях в момент опасности вторжения извне или для целей экспансии могли образовывать более крупные объединения — союзы племен. Во главе таких племенных союзов стояла конечно родоплеменная знать.

О жестоких военных схватках свидетельствует и тот факт, что в конце бронзового века (900 — 700 до н. э.) появляются первые укрепленные поселения — гроды. Строительство укрепленных гродов вызывалось отнюдь не только необходимостью обороны от вторгавшихся в страну пришельцев. Кровавые столкновения то и дело происходили между соседними лужицкими племенами. Характерно, что укрепленные гроды хорошо известны археологам, например, в Силезии, которой в этот момент не угрожал никакой внешний враг (30).

Столкновения между племенами, вызывавшиеся ненасытной жадностью добычи, стремлением захватить добро соседнего племени, угнать его скот, воспользоваться собранным урожаем, приобрели особенно широкие размеры, очевидно, в период перехода лужицких племен на стадию раннего железного века. Это так называемая Гальштадтская эпоха, охватывающая в Польше период времени приблизительно с 700 до 400 гг. до н. э. Разве не о постоянном страхе перед подстерегающим каждый удобный случай для нападения неприятелем говорят нам мощные, потребовавшие такого большого труда и искусства, укрепления городища на Бискупинском озере? А ведь укрепленные «гроды» густой сетью покрывали в то время всю территорию, на которой жили племена лужицкой культуры (31). И разве не о жизни полной опасностей, отчаянных схваток, коварных засад и нападений рассказывают нам потревоженные археологами могилы знатных людей, которых провожало в последний путь оружие? Конечно, никак нельзя признать случайным, что в погребениях, датированных ранним железным веком, количество находимого оружия резко возрастает по сравнению с погребениями, относящимися к эпохе бронзы (32).

Резко обострившись при переходе к железу отношения между племенами отражали более глубокий процесс — процесс усиления имущественной и социальной дифференциации общества, выделения знати, появления такого социального слоя, в жизни которого война была основным занятием.

Начавшиеся ранее и развивавшиеся постепенно, но со все нарастающей силой процессы эти приобрели особую интенсивность в период торжества железного века. Как уже говорилось выше, бронзе никогда не удавалось вытеснить на территории Польши неолитические орудия труда. Легко (сравнительно, конечно) доступный камень, обработка которого была уже хорошо налаженным производством, оказывал упорное и отнюдь не всегда безуспешное сопротивление дорогому, издалека привозившемуся бронзовому сырью. Только с появлением железа, точнее с того момента, когда люди научились на месте добывать и соответственным образом обрабатывать новый металл, старым неолитическим орудиям был нанесен окончательный удар. Они были вытеснены из хозяйственной жизни.

Залежи железных руд в виде болотных руд довольно широко распространены на поверхности земли. Благодаря этому, а также и тому, что при необходимой обработке технические качества орудий, изготовленных из железа, оказывались значительно выше технических свойств бронзовых орудий, применение железа привело к полному перевороту в хозяйственной жизни населявших территорию Польши земледельческих племен. Употребление железных орудий в сельском хозяйстве, а также использование их для изготовления орудий труда ремесленниками в огромной степени повысило уровень производительности человеческого труда. Общество стало производить теперь намного больше, чем в эпоху камня или бронзы, и больше, чем шло непосредственно для потребления. Создавался таким образом излишек производимых продуктов, который с успехом использовался в целях обмена; этот излишек мог быть присвоен могущественным и знатным. Эксплуатация человека человеком стала приобретать необходимую экономическую основу.

С развитием производства продолжалось и развитие обмена. Для дальнейшего роста обмена большое значение имел прогресс в области разделения труда. Добычей и обработкой железа, как и бронзы, с самого начала железного века занимались, без сомнения, профессионалы-ремесленники, о чем свидетельствуют изученные погребения ремесленников. Поселения, специализировавшиеся на плавке

железа и других металлов, обычно располагались по соседству с залежами железа, меди или олова (33).

Однако, подчеркивая возросшее в период железного века значение обмена, следует отметить и тот факт, что с появлением железа, по мере вытеснения им из хозяйства земледельца бронзы, непосредственно для сельского хозяйства и отчасти для ремесла должно было падать значение широкого обмена.

Главное значение для основной массы населения приобретали связи с местными центрами железного производства, расположенными по соседству с сельскохозяйственными поселениями.

Продолжавшийся рост связей с отдаленными странами, рост широкой меновой торговли обуславливался главным образом потребностями быстро укреплявшейся родовой знати, которая и в эпоху расцвета лужицкой культуры была единственным потребителем дорогих бронзовых вещей, украшений, посуды, импортировавшихся в Польшу с юга, юго-востока, востока, из стран, расположенных в Дунайском бассейне, со Средиземноморья, Черноморского побережья и даже далекого Египта (34). Едва ли могут быть какие-либо сомнения в том, что именно для лужицкой знати привозились из скифских земель предметы убора и украшения, золотые вещи из клада, найденного в 1882 г. в Виташкове. По всей вероятности за все эти предметы роскоши лужицким племенам приходилось расплачиваться пушниной, может быть, воском и медом и уж, конечно, главным образом рабами (35), которых доставляли знати все более учащавшиеся военные столкновения.

Но не только обмен с отдаленными странами был подчинен в первую голову потребностям местной знати. Ее прежде всего обслуживали, по-видимому, и лужицкие ремесленники, специализировавшиеся на изготовлении дорогих украшений и предметов туалета, а также прекрасно отделанной тонкой расписной керамики (36).

С распространением железа такое положение, как в области международного обмена, так и отчасти в области местного ремесла продолжало сохраняться и развиваться. Предававшаяся своему излюбленнейшему занятию — войне и грабежу — родоплеменная знать, вооруженная усовершенствованным металлическим оружием, все более и более укрепляя свои особые позиции в обществе, все боль-

ше нуждалась в дорогих импортных вещах, все с большим воодушевлением взидала на редкие изделия высокого иноземного ремесла.

Эта выделившаяся из общества и стремящаяся поставить себя над ним знать — могущественные и богатые семьи и целые возвышавшиеся патриархальные роды — владели, очевидно, большими стадами скота, а во время жестоких схваток между племенами стремилась захватить и рабов, ибо рост производительности труда создавал необходимые экономические предпосылки для появления патриархального рабства, а сравнительно оживленный обмен со странами рабовладельческой цивилизации создавал условия для появления и развития работорговли.

Само собой разумеется, однако, что описанный выше и обусловивший столь существенные социальные сдвиги процесс вытеснения железом бронзы и камня из хозяйства живших на территории Польши племен был отнюдь не простым и не коротким процессом. Начавшись в период наивысшего расцвета лужицкой культуры, он занял собой довольно длительный промежуток времени и завершился тогда, когда на польских землях вместо лужицкой культуры получила распространение иная, хотя и, по всей вероятности, преемственно тесно связанная с ней, так называемая культура племен «подкопачных погребений». Свое название она получила от обычая покрывать сожженные останки покойного, сыпанные в могильную яму и частично прикрытые землей, большим глиняным сосудом часто яйцевидной формы, высотой от 30 до 120 см. Начало железного века на территории Польши относится приблизительно к 400 г. до н. э., но еще долго после этой даты железные изделия служили только украшениями, а в страну по-прежнему ввозилось бронзовое сырье, из которого изготовляли топоры и ножи, долота и иглы и другие вещи. Об окончательном торжестве железных орудий труда можно говорить, по-видимому, только в Латенскую эпоху железного века (IV в. до н. э. — начало н. э.), когда стало известным искусство добычи железа на месте, из болотных руд и когда отпала необходимость в обязательном ввозе его из-за границы. По некоторым данным можно, как будто, еще точнее определить время этого коренного перелома в развитии производительных сил, от-

неся его ко II—I вв. до н. э. (37). Вместе с тем на грани своего крушения оказался и первобытно-общинный строй.

Нам, однако, предстоит вновь возвратиться к эпохе лужицкой культуры, когда процесс разложения первобытно-общинного строя только еще начинался. Этот длительный процесс, приведший в первой половине I тысячелетия н. э. к крушению первобытно-общинного строя и появлению классов, был одновременно, по всей видимости, и тем периодом, на протяжении которого завершался процесс формирования известных нам по письменным источникам первых веков н. э. раннеславянских племен.

К сожалению, даже для рассматриваемого времени в настоящий момент мы все еще не в состоянии восстановить вполне точную картину славянского этногенеза.

Конечно, представляется весьма соблазнительным прямо признать за племенами лужицкой культуры славянский или, точнее, праславянский характер. В самом деле, как живо напоминает нам обрисованный выше хозяйственный быт лужицких племен характерные черты земледельческого быта славянства в раннефеодальный период его истории, в настоящее время сравнительно детально изученный историками и археологами. Прямые ассоциации со славянским миром вызывает и показательный для лужицких племен обряд погребения. Рядом с поселениями находились большие могильники. Покойников сжигали на кострах, а урны с прахом, покрытые мисками, хоронились в ямах на погребальном поле. Ведь обряд трупосожжения в течение многих столетий был одной из важных этнографических особенностей славянской культуры. И все же, как уже отмечалось, правильнее отказать при нашем современном уровне знаний от попыток непосредственного отождествления лужицких и славянских племен, признавая, однако, за лужицким населением важную роль в славянском этногенезе, рассматривая его как бесспорного предка раннего славянства.

Основным очагом формирования лужицкой культуры являлась территория, охватывающая бассейн Средней Оды, земли сербов-лужичан, Среднюю и Нижнюю Силезию и западную часть Великой Польши (38). В дальнейшем культура лужицких племен начала быстро распространяться во все стороны, захватывая остальную часть Великой Польши, Поморье, территорию Бранденбурга и ча-

стично Саксонию, Чехию, Словакию, отчасти Австрию и Венгрию. С признаками проникновения лужицкой культуры мы встречаемся и далее на юге — в Хорватии и Северной Италии. Разумеется, не во всех случаях, говоря о распространении лужицкой культуры, есть основания предполагать соответствующую массовую экспансию лужицких племен. По-видимому, без такой сколько-нибудь широкой экспансии происходило, в основном, продвижение лужицкой культуры на периферии, ее распространения, например, в сторону Италии (39). Чем ближе к центру, тем очевиднее следы массовых переселений лужицких племен на территории, постепенно охватываемые лужицкой культурой, например, на территорию Чехии (40).

Своего наивысшего расцвета и наибольшего территориального распространения лужицкая культура достигла в период раннего железного века. Потесненные на западе и северо-западе в конце века бронзы, племена лужицкой культуры уже тогда начали продвигаться на восток. В раннем железном веке лужицкая культура и частично лужицкое население проникают на Полесье, в глубь Волины, на Червонную Русь и Подолию. Признаки проникновения лужицкой культуры можно проследить даже за Днестром (41).

Вскоре, однако, наступил упадок лужицкой культуры. Есть все основания предполагать, что упадок этот был вызван опустошительными вторжениями скифов, нарушивших нормальное развитие лужицких племен (42). Показательно, что во многих случаях на внешней стороне валов лужицких «гродов» археологи находили характерные скифские бронзовые наконечники стрел. Очевидно, эти гроды явились жертвой скифских набегов (43).

Лужицкие племена, ослабленные жестокими набегами степных кочевников, грабивших и разорявших селения, угонявших скот и захватывавших людей в плен для продажи их на черноморском невольничьем рынке, оказались не в состоянии противостоять новой волне экспансии. На этот раз волна эта надвигалась с севера, со стороны Поморья.

Между 550 и 400 годами до н. э. на территорию Великой Польши из Поморья вторглись племена так называемой поморской культуры, сложившейся на основе местной ветви лужицкой культуры (44). Таким образом, это

было близкое, хотя вобравшее в себя иные местные этнические элементы (45), родственное по происхождению лужицким племенам, население. Характерно то, что для культуры поморских племен, несмотря на ее в общем более скромный по сравнению с лужицкой культурой облик, оказалось весьма показательным явлением наличие сильной имущественной дифференциации между патриархальными родами и семьями. Данные для такого рода суждений дали обследования погребений, раскопанных в Великой Польше. Так например, из 161 изученного погребального комплекса 97 оказалось бедных, не имеющих помимо урны иного погребального инвентаря, 13 можно было бы отнести к категории средних, но не содержащих металлических предметов. Более богатых, т. е. снабженных металлическим инвентарем, было 48 погребений и только три погребения можно было признать действительно богатыми (46). Одновременно наблюдаются и важные изменения в самом обряде погребения. Обычай хоронить в родовых могильниках уступает место индивидуальному погребению (47).

Сравнительная скромность поморской материальной культуры, насланвавшейся на лужицкую, заметный даже упадок в области производства объясняются, по-видимому, исключительными условиями, в которых происходила эканация поморских племен. Она была связана с постоянными военными столкновениями и всегда сопутствующими им разорением и опустошением. Выясняющая на основе обследования погребений ярко выраженная имущественная и очевидно социальная дифференциация общества могла развиваться только на основе достаточно высокого уровня развития производительных сил и была связана, по всей вероятности, с ростом значения в жизни населения примитивного рабства (48).

Наиболее значительных масштабов переселения северных поморских племен достигли в латенский период железного века, между 400 и 150 гг. до н. э., когда северным пришельцам удалось прорваться, с одной стороны, к Одру, а с другой — на западноукраинские земли (49).

В результате смещения лужицкой культуры с близкой ей культурой племен, вышедших из Поморья, в латенский период складывается на территории Польши новая археологическая культура, так называемых «подколпачных

погребений» (гробов клёшовых), на основе которой в I в. до н. э. возникает культура племен так называемых «ямных погребений», обязанных своим названием обычаю хоронить останки сожженных на погребальном костре в обычных, ничем не обложенных могильных ямах. Останки эти предварительно ссыпались в полотняные или кожаные мешки. Рядом с ними на дне могилы раскладывались глиняные сосуды и металлические предметы.

Так открывался тот период истории польских земель, когда завершался процесс формирования на их территории раннеславянских племен. Славянский характер населения, жившего в то время на территории Польши, не может вызвать уже никаких сомнений. Весьма показательно, что вскоре, в I—II вв. н. э. появляются и первые письменные упоминания о славянах (венетах) на территории Польши (50). Это было население, давшее начало всей западной ветви великого славянского племени.

Между тем в непосредственной близости от польских земель происходили сложные и важные явления, оказавшие глубокое влияние на социально-экономическое развитие племен, обитавших на территории Польши. До сих пор население, жившее в пределах польских земель, испытывало на себе лишь в сравнительно ограниченной степени и с большим запозданием экономическое и культурное воздействие рабовладельческих цивилизаций, расцветших под ярким небом Средиземноморья и в Причерноморьи. Социально-экономическое развитие польских земель и тогда, конечно, не происходило в состоянии изоляции. Населением Польши были усвоены многие достижения других более высокоорганизованных человеческих обществ. Путем обмена или в результате многочисленных столкновений в страну проникали изделия более высокого ремесла. Местными племенами постепенно осваивались новые отрасли производства и совершенствовались производственные навыки. Но все эти процессы происходили сравнительно медленно и оказывали на социальное развитие местного населения сравнительно слабое влияние в силу отдаленного, типично периферийного положения, которое занимали польские земли по отношению к передовым странам Европы того времени.

Положение стало резко меняться во второй половине I тысячелетия до н. э., когда кельтам, жившим тогда на

территории Чехословакии, т. е. в непосредственном соседстве с польскими землями, удалось создать свою довольно высокоорганизованную рабовладельческую цивилизацию. Источники сохранили нам названия нескольких кельтских городов. Одним из самых крупных среди них был город, обследованный археологами у деревни Страдоннице около Праги. К сожалению, нет твердых оснований для отождествления его с каким-либо из городов, известных по письменным источникам, но ясно, что это был огромный по тем масштабам город с кипучей торгово-ремесленной жизнью, с обширными экономическими связями от побережья Балтийского моря до областей Римской империи. С IV в. п. э. кельты начали чеканить собственную золотую и серебряную монету (51).

Соседство с развитыми кельтскими областями, проникновение кельтов в Силезию и в верховья Вислы в Малой Польше благоприятствовало прогрессу культуры и экономики местного населения. Малочисленные, судя по всему, группы кельтов, осевших среди местных племен, не могли, разумеется, оказать сколько-нибудь заметного влияния на общий этнический облик страны. Наоборот, под влиянием местных племен уже вскоре у пришельцев происходит смена их собственного погребального обряда (трупоположение) погребальным обрядом, применявшимся туземцами (трупосожжение) (52), что свидетельствует, без сомнения, о быстром процессе растворения кельтов среди населения культуры подколпачных погребений.

Но не сыграв фактически никакой роли в процессе этногенеза западного славянства, кельты оказали серьезное влияние своей более высокой культурой и производственными навыками на развитие материальной и духовной жизни местного населения. Так, например, благодаря им на территорию Польши распространились гончарный круг и ряд усовершенствованных методов добычи и обработки металлов (53). Характерно, что именно в это время на польских землях совершался производственный переворот, приведший к полному торжеству в хозяйстве железных орудий труда.

Может быть не безинтересно будет отметить в этой связи, что наибольшей силы кельтское влияние достигло не в период подъема, а в период политического упадка кельтов на территории Чехословакии — т. е. около I в. до

н. э. (54). Вторгшиеся на кельтскую территорию из восточного Прикарпатья геты сильно разорили страну. В дальнейшем на рубеже нашей эры ею овладели германские племена квадов и маркоманов. Однако основанная маркоманским вождем Марободом держава оказалась непрочной и вскоре пала под могучим напором Рима. Величайшая империя древности придвинула вплотную к славянским землям свои границы.

Между тем на территории Польши продолжали развиваться важные этнические и культурные процессы. На основе культуры племен подколпачных погребений, испытавшей сильное кельтское влияние, в I в. до н. э. возникает культура так называемых ямных погребений. Эта была типичная культура железного века.

В культуре племен, так называемых ямных погребений, четко выделяются две ветви: пшеворская, развивавшаяся на основной территории лужицкой культуры гальштадского времени, и оксывская — территориально совпадавшая с поморской культурой (55). Пшеворское население в основном соответствовало неоднократно упоминаемым в античных источниках племенам всетов (венедов), живших в бассейне Вислы, и лугиев, поселения которых с запада примыкали к венетским. Славянский характер лугийских племен в настоящее время признается весьма вероятным (56).

Пшеворцы жили либо в столбовых избах, либо в землянках. Могильники пшеворских племен образовывали иногда обширные «поля», насчитывавшие сотни погребений. Чаше однако пшеворские «поля погребений» содержат всего несколько десятков захоронений. Как и в лужицкое время, трупы покойников сжигались. Однако прах не собирался в урну, а просто ссыпался в могильную яму. В погребальном инвентаре обращает на себя внимание обилие железных вещей — украшений, орудий труда, оружия. Особенно показательны находки в мужских погребениях оружия: первоначально длинного обоюдоострого меча, наконечников копий, остатков деревянных щитов с железным умбоном посередине, шпор, удила и других предметов конской упряжи. Воины, очевидно, нередко сражались на конях.

Религиозные обычаи и соответствующий им религиозный ритуал не допускали, чтобы на погребальном костре

оказывались вещи покойного в целом виде. Поэтому они всегда сохраняют следы преднамеренной порчи.

Изученные погребения свидетельствуют о дальнейшем углублении процессов имущественной и социальной дифференциации. В I в. н. э. появляются погребения, снабженные богатым (серебряные и бронзовые изделия и украшения) инвентарем с большим количеством импортных вещей, проходящих из Римской империи (57).

Чтобы понять особенность дальнейшего экономического и социального развития западнославянских племен на территории Польши, необходимо коснуться вопроса об их окружении. С востока к поселениям западных славян подходили земли, по всей вероятности, занятые их ближайшими родственниками — восточно-славянскими племенами, сложившимися в бассейне среднего и верхнего Поднепровья и Поднестровья (58). Археологически культура этих восточнославянских племен соответствует культуре так называемых полей погребений, чья хозяйственная и общественная жизнь была близка жизни пшеворцев. С северо-востока к западнославянским землям по нижнему течению Вислы примыкали поселения прусских племен, отстававших от западных и восточных славян в своем социально-экономическом развитии. На близкой раннему славянству ступени развития стояли германские племена, обитавшие за Одрой в соседстве с западнославянскими племенами. Но особенно важное значение для населения польских земель, как и для восточного славянства, имели связи с рабовладельческой Римской империей. Наиболее заметное влияние этих связей сказалось в областях Польши, расположенных по соседству с кельтскими землями, покоренными римским оружием.

В I—II вв. н. э., при династиях Юлиев-Клавдиев, Флавиев и Антонинов, Римская империя достигла своего наибольшего территориального расширения. От туманной Британии до Армении и от знойной Палестины до Карпат железные римские легионы прокладывали пути для римской экспансии. С непоколебимым упорством римляне укреплялись на нижнем Дунае и в Причерноморье. Они прекрасно сознавали, что наибольшая опасность империи грозит с севера и востока, со стороны нестрого «варварского» мира. Этот мир они рассматривали как неисчерпаемый источник для пополнения массы рабов в Империи.

Опасность «варварских» вторжений, часто приводивших к тяжелым для Рима военным потрясениям, заставляла его держать именно здесь, на Рейне и на Дунае, две свои самые сильные армии.

Римская экспансия наталкивалась на ожесточенное сопротивление населения покоряемых стран. Однако, несмотря на неоднократные поражения, римскому оружию и римской дипломатии обычно удавалось все же в конце-концов добиваться своих целей. В I в. н. э. в римской политике преобладали наступательные тенденции. Уже со II в. Риму все чаще приходилось переходить к тактике активной обороны, но военный перевес все еще оставался на его стороне. Точно гигантский спрут охватил рабовладельческий Рим богатые страны Средиземноморья и Черноморья, с чудовищной настойчивостью высасывая из них жизненные силы. Основанное на каторжном труде рабов колоссальное государство не могло существовать без жестокого грабежа окрестных стран и народов, без постоянного прилива все новых и новых масс рабов из «варварской» периферии.

Рейнская и Дунайская армии, опиравшиеся на мощную систему укреплений, угрожали многочисленным племенам Центральной и Восточной Европы. Разгромив кельтов и потеснив германцев, Рим открыл себе пути для экономического и частично политического проникновения в славянские и германские области. В Словакии и Моравии появились римские легионы. Собственно чешские земли никогда не были римской провинцией, но в течение приблизительно 300 лет римлянам удалось держать их в орбите своего политического и экономического влияния. В словацких и чешских землях получила преобладание провинциальная римская культура (59).

Тяжелая поступь римских легионов никогда не раздавалась и на польских землях. Однако через территорию Чехословакии польские земли вступили в тесный контакт с провинциями Империи. Культура римских провинций стала оказывать могучее воздействие на социально-экономическое развитие польских земель.

Сравнительно высокий уровень в области производства, достигнутый к тому времени населением польских земель, был, разумеется, основной причиной, обусловившей быстрое и энергичное усвоение местными племенами мно-

гих элементов высокоразвитой материальной культуры рабовладельческого мира. К описываемому времени первобытно-общинный строй на территории Польши вступил уже в стадию своего крушения. Выделившаяся родоплеменная знать была, очевидно, уже большой экономической и политической силой. При таких условиях экономические связи с римскими провинциями, естественно, должны были приобрести характер активных двусторонних контактов (60).

Римские купцы были крайне заинтересованы в установлении регулярных торговых связей с польскими землями, через которые шел важный торговый путь к берегам Балтийского моря — месту добычи янтаря, высоко ценимого в Риме. Постоянный приток рабов нужен был Империи как воздух. Без этого громадной Римской империи грозило самое настоящее экономическое удушье. Рабы были, по-видимому, важнейшим товаром, добываемым на востоке Европы, в том числе и в польских землях. Помимо янтаря и рабов, римский рынок поглощал в большом количестве меха, мед, воск и некоторые другие продукты сельского хозяйства.

Само собой разумеется, что торговля с Римом не была равноправной. За дорогие товары, получаемые от «варваров», за живой товар — военнопленных, захваченных в бесконечных межплеменных столкновениях, римские купцы предпочитали расплачиваться дешевыми изделиями ремесла. В ход шли глиняные сосуды — *terra sigillata*, бронзовая посуда, стандартные, изготавливаемые в большом количестве, украшения, стеклянные изделия, фигурки, главным образом, из бронзы, амулеты и тому подобные предметы. Все это стоило в Империи гроши, а здесь, среди местных славянских, как и других «варварских» племен превращалось в большие ценности, с огромной выгодой для римских торговцев обменивалось на янтарь, рабов, меха (61).

Торговые связи с Римом приобрели весьма значительные, по тем временам, размеры. Об этом свидетельствуют многочисленные находки римских монет на территории Польши. Встречаются клады, насчитывающие до 2 тыс. монет. Наиболее часто вещи римского происхождения находят в районе городов Калиша, Турка, Ленчицы, Пшеволаки, Крушвицы, Могильна, Иновроцлава, Гнезно, Позна-

ни, Шамотул, в местности, расположенной между озером Гопло и Вислой. Такое размещение находок, конечно, не случайно. Оно указывает на огромную заинтересованность римских купцов в янтаре.

Ко второй половине II в. н. э. относится упоминание античным географом Клавдием Птолемеем Калисии (Калиша) в Польше. Любопытно, что Птолемей называет Калисию городом. Археологическими исследованиями территории Калиша и его окрестностей установлено существование в этой местности в то время нескольких поселений. Жители их занимались добычей железа и бронзолитейным производством. Развитию металлургии благоприятствовало наличие богатых болотных руд. Калиш лежал на оживленном торговом пути, связывавшем римские провинции с янтарным побережьем Балтийского моря. Находки монет и изделий римского происхождения в сопоставлении с упоминанием Калиша Птолемеем позволяют предполагать, что здесь находился один из важных центров, в котором римские купцы производили обмен своих товаров на балтийский янтарь, меха, шкуры, скот, мед, воск, может быть зерно, и конечно, невольников (61a).

Есть все основания предполагать, что римская монета отнюдь не рассматривалась местным населением только как предмет украшения. По всей вероятности, ею довольно широко пользовались уже как средством обмена. Особенно много римских монет, находившихся в обращении, датируется II в. н. э. В пользу приведенного выше взгляда на экономические функции римской монеты может служить, между прочим, и факт попыток изготовления монет на месте по типу серебряных римских денаров, хотя такие монеты известны в очень небольшом количестве (62). Период наибольшего оживления экономических связей польских земель со странами Римской империи (вторая половина I и II в. н. э.), начиная с III в. н. э., сменяется периодом прогрессирующего упадка многочисленных и сложных контактов западнославянского мира с римским рабовладельческим обществом.

На территории Польши можно наметить три основных района, находившихся в наиболее тесных связях с римскими провинциями. В этих районах размещаются главные находки импортных вещей римского происхождения, а материальная культура их свидетельствует о сильном воз-

действию провинциально-римской культуры. Очень важное значение имел, по-видимому, район, охватывающий восточную часть Великой Польши с Калишем, Куявы и Ленчицкую землю. Району этому, связанному с Силезией, а также остальными частями Великой Польши, северными и центральными частями Западной Мазовии принадлежала огромная роль в развитии торговли балтийским янтарем. На юге же страны особенно выделяется район Кракова, Вислицы и Сandomира. Наконец, большое количество монет и других римских вещей археологи находят на Поморье, прежде всего в его средней части, в районе Белграда и Колобжега.

Главную роль в жизни населения польских земель играл не обмен непосредственно с Римом, а с завоеванными римлянами странами — Паннонией, Галлией, прирейнскими землями. Конечно, основными предметами ввоза были предметы роскоши, которыми пользовалась местная знать. Но влияние провинциально-римской культуры несомненно не могло не сказаться на прогрессе хозяйственной и культурной жизни раннеславянского общества в целом, хотя в Польше это влияние и было значительно слабее, чем на территории Балканского полуострова, в бассейне Дуная, на территории Чехословакии. Дело в том, что польские земли, находясь в сравнительно близком соседстве с римскими провинциями, никогда не граничили с ними непосредственно.

Тем не менее, на территории Польши появлялись отдельные ремесленники из римских провинций и других стран, непосредственно граничивших с Римом. Ремесленники приносили с собой более высокие производственные навыки. Иногда среди импортированных из Империи вещей встречались и орудия труда (например, кузнечный инструмент). Влияние более высокой техники можно проследить на производстве местных ювелиров. Под воздействием римского военного искусства раннеславянское население Польши стало пользоваться более короткими, чем прежде мечами, которые служили, очевидно, уже не столько рубящим, сколько колющим оружием (63). Особенно заметный прогресс наблюдался при добыче железа и в гончарном производстве. Важно подчеркнуть, что здесь происходил не только общий количественный рост производства, но и усваивался опыт провинциальных римских

металлургов и гончаров. Стали возникать местные центры ремесла, продукция которого шла на продажу. Разумеется такие центры появлялись именно в тех районах страны, которые были наиболее тесно связаны экономически с римскими провинциями. Так, например, в Иголоми, недалеко от Кракова, археологами был изучен весьма крупный по масштабам того времени центр гончарного производства II—IV вв. н. э.

Аналогичная картина выяснилась и при обследовании района Новой Гуты, где на площади десяти квадратных километров были обнаружены сотни гончарных печей и многочисленные остатки керамических мастерских. Районы Иголоми и Новой Гуты были в то же время и важными центрами металлургии. Другие крупные металлургические центры существовали в первые века н. э. на территории Силезии, в южной части Великой Польши.

В 1952 г. на территории Силезии в Опольском повате был обнаружен крупный металлургический центр, существовавший в III—IV вв. н. э. Археологи нашли здесь сотни примитивных печей для плавки железа (63а). Одновременно наблюдался прогресс и в области сельского хозяйства, где применение железных частей для земледельческих орудий способствовало развитию пахотного земледелия в лесостепных районах страны с плодородными почвами.

Значительный подъем производительных сил не мог не вызывать серьезных сдвигов в социальном устройстве раннеславянского общества на территории Польши; усиливалось экономическое и социальное неравенство. Как указывал еще Ф. Энгельс, «Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»²⁷. Этому способствовали многочисленные и довольно интенсивные контакты с рабовладельческим миром, воздействие на общественную жизнь местного населения высокоразвитой провинциальной римской цивилизации.

Полное отсутствие письменных источников не позволяет нарисовать живую картину сложных социальных процессов, происходивших в тогдашнем обществе на территории Польши. Историк вынужден прибегнуть к гипотетическому изложению, стремясь увязать свою точку зрения с имеющимися данными о материальной культуре страны.

Развитие пахотного земледелия и подъем ремесленного производства по всей вероятности вели к тому, что наряду с патриархальными родами хозяйственную самостоятельность стали приобретать и отдельные семьи. Одновременно происходило образование новой социальной организации населения — территориальной общины, объединяющей своих членов не по принципу кровного родства, а по признаку территориального соседства. Члены общины, входившие в ее состав, малые и большие патриархальные семьи сохраняли, разумеется, долго память о своем кровном родстве, что способствовало укреплению их солидарности, столь необходимой при таких тяжелых работах, как корчевание леса или совместное использование лесных угодий, лугов, выпасов и вод (64).

В возникавшей такой территориально-общинной организации не было имущественного и социального равенства ее членов. Первая половина I тысячелетия н. э. была переломным этапом, когда население польских земель вступило в бурный период крушения и ломки первобытно-общинных производственных отношений. Мощное воздействие рабовладельческой римской цивилизации способствовало углублению и расширению давно начавшегося процесса имущественной и социальной дифференциации общества. Выделившаяся знать социально и культурно обособлялась от рядовых земледельцев-общинников. Межплеменные столкновения использовались ею для захвата военнопленных, значительная часть которых шла, видимо, на римский невольничий рынок, в то время как другая — оставалась в хозяйстве, обогащая своим трудом богатых и знатных. Эксплуатация рабского труда, военная добыча, широкие, истощавшие, правда, страну, но обогащавшие знать торговые связи с Римской империей, укрепляли политические позиции возвышавшихся богатых семей и целых патриархальных родов. О резком социальном и культурном выделении знати из окружавшей ее земледельческой среды свидетельствуют обследованные археологами

так называемые «княжеские» могилы IV в. н. э. с их очень богатым погребальным инвентарем, состоявшим, главным образом, из дорогих, происходивших из пределов Римской империи, предметов (65).

Итак, населявшее польские земли раннее славянство вступало в период образования классов. Процесс классовообразования и здесь развивался в направлении возникновения класса рабовладельцев и класса рабов. Однако рабовладельческие отношения получили отнюдь не одинаковое распространение на польских землях. Наиболее энергично рабовладельческий уклад мог развиваться в тех районах страны, которые находились в непосредственной близости к римским провинциям и поддерживали с ними постоянные и тесные экономические связи. Здесь развитие рабовладельческого уклада, по-видимому, обнаруживало тенденцию превращения в рабовладельческую систему, близкую по своему характеру к античному рабовладельческому способу производства. В упомянутых выше районах крупного гончарного и металлургического производства труд рабов использовался местной знатью не только для домашних работ, но и, как кажется, непосредственно в производстве железа и гончарных изделий (66). Можно думать, что рабовладельческие отношения выходили уже за рамки патриархального или домашнего рабства. Рабовладельческие отношения, развивавшиеся на той части польских земель, которые были теснее всего связаны с античным миром являлись как бы отростками распространявшейся по Европейскому континенту беспощадной римской рабовладельческой системы.

В условиях, когда возвысившаяся знать нуждалась в постоянном притоке рабов-военнопленных, когда военные столкновения между соседними племенами приобретали ожесточенный характер, складывавшиеся уже в предшествующие периоды военно-племенные союзы, естественно, должны были играть все более заметную и важную роль в политической жизни раннеславянского общества. Возглавлявшая эти союзы могущественная знать стремилась, разумеется, использовать их как организацию, обеспечивавшую ей господство над поработченным населением. В некоторых районах страны, наиболее развитых и тесно связанных с рабовладельческой Европой, начинался, по-видимому, процесс создания политических организаций

государственного типа, призванных обеспечить успешное развитие подымающегося рабовладельческого уклада.

С другой стороны, необходимо учитывать, что политической консолидации и территориальному росту западно-славянских военно-племенных союзов в немалой мере содействовал и внешний фактор. Борьба с индоевропейскими племенами способствовала усилению проявляемой военными вождями тенденции к превращению своей власти в пожизненную и даже наследственную.

В первые века нашей эры на территорию Польши вторглись раннегерманские племена, вынужденные отступать на восток под натиском римских легионов. В то время на Варте появились бургунды, вандалы проникли в Силезию. Германские пришельцы появились и на нижней Висле. Это были готы и гепиды, которых, по всей вероятности, следует считать выходцами со Скандинавского полуострова (67).

Подобно тому как и кельтам, сравнительно немногочисленным германским пришельцам, временно потеснившим раннее славянство на восток, не пришлось фактически сыграть никакой роли в ходе западно-славянского этногенеза. Отчасти объясняется это и кратковременностью пребывания их на новой территории. Уже во II в. н. э. началось обратное движение на запад раннеславянских племен, объединенных в сильные военно-племенные союзы, а в середине III в. н. э. можно говорить о полном отходе германцев с польских земель под натиском наступающего славянства (68).

Наряду с другими германскими племенами покинули территорию Польши гепиды и готы, двинувшиеся через польские и русские земли к берегам Черного моря. Скорее всего следует признать, что и их отход с польских земель не был добровольным, что и они вынуждены были к тому ожесточенным сопротивлением местного славянского населения. Тот факт, что из готского языка польским был заимствован термин «князь», говорит не только о наличии длительных контактов раннего славянства с готами, но и о развивавшемся у местного населения процессе быстрого роста власти вождя-военачальника.

Победоносно выйдя из столкновения с раннегерманскими племенами, западно-славянство вступило в эпоху так называемого Великого переселения народов, явивше-

гося переломным моментом не только в истории восточной, но и юго-восточной и западной Европы. Наступление раннего славянства, в том числе и его западной ветви, было важнейшим фактором в этом всемирноисторическом процессе.

В III в. многочисленному «варварскому» миру, беспощадно эксплуатируемому в течение столетий римскими рабовладельцами, противостояла уже не прежняя, несокрушимая Империя. Величайшая рабовладельческая держава переживала жестокий социальный и политический кризис. Производительные силы государства приходили в упадок. Господствующий рабовладельческий способ производства зашел в тупик, ярким показателем чего являлись все более распространявшиеся колонатные отношения, превращение разоренного общества в систему своеобразных замкнутых наследственных сословий, при которой каждый человек оказывался прикрепленным к определенному месту, должности и занятию. В то время, как классовая борьба социальных низов римского общества в сочетании с борьбой покоренных Римом племен и народностей подтачивали силы Империи изнутри, усиливалось давление «варваров» на ее границы, римские легионы уже были не в состоянии их защищать. Римским политикам все меньше приходилось рассчитывать на собственные силы Империи. О расширении границ не приходилось и мечтать. Стремясь удержать захваченное, римские политики все больше рассчитывали на использование противоречий среди наступающих «варваров», привлекая одних на службу Империи, чтобы держать в повиновении других. Резко изменился и этнический состав самих римских легионов, в которых теперь служила масса «варваров». На такую армию нельзя было уже вполне полагаться в борьбе с «варварской» периферией.

Несмотря на ряд тяжелых военных неудач, ценой отказа от некоторых окраин, империи удалось все же на некоторое время стабилизировать положение на своих европейских границах. Однако кризисные явления, происходившие в ее организме, продолжали нарастать в IV и V вв. Приближался момент неизбежной катастрофы.

Особенно резко чувствовались хозяйственный упадок и социально-политический кризис в западной части Империи, на которую беспрерывно напирала германцы. В 330 г.

император Константин перенес столицу из древнего Рима в построенный им Константинополь.

Но не прошло и половины столетия, как Империи был нанесен тяжелый удар, от которого она уже никогда не смогла оправиться. В 378 г. теснимые с тыла гуннами готы восстали против Империи и убили императора Валента. Их пришлось пустить на правый берег Дуная в качестве союзников. Но единой Империи фактически уже не существовало. В 395 г. она раскололась на две части — Восточную и Западную.

В то время, как Восточно-Римской империи удалось в дальнейшем удержаться, превратившись в средневековую феодальную Византию, на западе все очевиднее становилось приближение кровавой развязки. Спасаясь от натиска предводительствуемых Алларихом вестготов, Восточно-Римская империя направила их удар на запад. В 410 г. державный Рим был взят и разорен вестготами. Вслед за тем кровавым смерчем пронеслись над Европой явившиеся из азиатских степей кочевники — гунны. Нагнав ужас на Восточно-Римскую империю, они решительно двинулись в Западную Европу. Теснимые ими племена и народы в своем движении на запад разоряли наиболее развитые южные районы Польши. Юго-западные области страны оказались вскоре и свидетелями кратковременного гуннского нашествия (69). В Галлии, на Каталаунских полях, объединенным силам германцев и римлян в 451 г. удалось остановить гуннские орды, после чего объединенный Аттілой огромный гуннский союз, подчинивший себе множество других племен и народностей, также быстро распался, как и возник. Однако это несколько не изменило судьбы Западно-Римской империи. Наводняемая германцами, она была только слабой тенью прежней великой державы.

В 455 г. Рим вновь был разорен германцами, на этот раз вандалами, укрепившимися в Римской Африке. А когда в 476 г. последний римский император Ромул-Августул был низложен предводителем германских наемников Одоакром, современники фактически не обратили внимания на этот формальный акт, заключавший великую историческую драму. Печальная судьба Западно-Римской империи мало кого интересовала. Ее место занимали возникавшие новые «варварские» государства, которым принадлежало будущее.

Один из величайших в истории Европы катаклизмов — Великое переселение народов — не только коренным образом изменило европейскую этническую и политическую карту, но и в сочетании с борьбой народных масс в самой Империи ликвидировало очаги рабовладельческого способа производства в Европе. На смену отжившему рабовладельческому миру шел новый, феодальный. В сложном процессе ликвидации рабовладельческого мира решающая роль на территории Европы принадлежала германцам и славянам. Ведь именно они не только штурмовали твердыни рабовладения, но и создавали на их развалинах свои государства, прокладывая дорогу эпохе феодализма.

Наряду с восточной ветвью раннего славянства, его западная ветвь принимала активное участие в Великом переселении народов. Славянские передвижения явились важной составной частью этого общевропейского переворота. Оказывая давление на хлынувших в пределы Империи германские племена (70), западные славяне в IV и V вв. заселили земли между Одрой и Лабой, укрепились на территории Чехии, Моравии и Словакии, куда они проникали еще раньше, и где возможно сохранилось еще частично со времен лужицкой культуры родственное им население (71), достигли Паннонии. Между тем на рубеже V и VI вв. начались славянские вторжения в пределы Восточно-Римской империи. Балканские войны VI—VII вв., в ходе которых Балканский полуостров был колонизован славянами, явились заключительным этапом Великого переселения народов. Здесь главную роль играла восточная ветвь раннего славянства, хотя западная часть Балканского полуострова частично заселялась и группами западно-славянского происхождения (72).

К середине VII в. славяне стали господствующей силой на Балканах. В значительной мере их успех определялся той поддержкой, которую они встречали со стороны угнетенного населения Восточно-Римской империи. Балканские войны славян и их переселение в пределы Восточно-Римской империи явились важнейшим элементом общего сложного процесса, приведшего к крушению второго после Рима очага рабовладельческого способа производства в Европе. Становление феодальной Византии оказывается, таким образом, тесно связанным с могучим движением раннего славянства (73). В ходе этого движения, вместе

с тем, окончательно завершилось и формирование трех главных ветвей славянского мира — восточной, западной и южной.

По сравнению с теми громадными историческими задачами, которые были выполнены в Европе германскими и славянскими народами в период крушения рабовладельческого мира и затем становления мира феодального, появления на исторической арене того времени вторгавшихся из причерноморских степей кочевников-гуннов, аваров, болгар — представляется только в виде отдельных, пусть и очень существенных, но все же только эпизодов в истории этой невероятно бурной эпохи. Создавая свои огромные, но эфемерные политические объединения, они на известный, сравнительно короткий промежуток времени серьезно меняли общую расстановку военных и политических сил в Европе, но затем неизбежно наступал упадок, и пришельцы исчезали, погибая, или растворялись среди поработенного ими населения.

Могучий вихрь, охвативший в эпоху крушения античного мира все европейские народы и племена, увлек в свое движение и западное славянство. С силой пронесся он и над польскими землями. Для Польши последним порывом бури было, вероятно, движение аварской орды, затронувшей часть ее территории.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ПЕРВЫЕ РАНЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

После Великого переселения народов в Европе повсеместно рухнул полностью истощивший все свои возможности для дальнейшего развития, зашедший в тупик, рабовладельческий способ производства. Только что зарождавшиеся ростки рабовладельческих производственных отношений были вырваны с корнем. Европейские народы переходили к новому, более прогрессивному, чем рабовладение, феодальному строю.

В новых условиях перед польскими племенами VI—VII вв. также естественно, возникали иные исторические перспективы общественного развития, чем, допустим, в I—IV вв. н. э. Польские земли в этом отношении, разумеется, не представляли собой какого-либо исторического исключения. Новые исторические пути возникали и перед многочисленными восточно-славянскими племенами, соседями и родственниками польских славян, перед германскими народами севера Европы, летто-литовскими и финно-угорскими народами Прибалтики и Восточной Европы. В этих новых условиях единственным прогрессивным путем социально-экономического развития являлся переход к феодальному общественному строю, феодальным производственным отношениям.

Социально-экономическое развитие польских земель на рубеже новой эры и в первые века нашей эры в области производства и обмена в серьезной мере подготовило переход живших в их пределах раннеславянских племен к классовому обществу феодального типа. К моменту крушения

первобытно-общинных производственных отношений и к началу перехода на стадию классового общества раннеславянским племенам было известно пашенное земледелие, они владели искусством добычи и обработки железа, изготовления железных орудий. В условиях гибели разлагавшегося в Европе рабовладельческого строя эти производственные достижения становились материальной основой развития феодальных отношений у славян. Переход к феодальному способу производства происходил таким образом у них, как и у многих других европейских народов, без того, чтобы ему предшествовало рабовладение как социально-экономическая формация.

Такой путь исторического прогресса определялся, конечно, конкретными условиями общественного развития этих народов. Появление первых металлов — меди и бронзы — и первых металлических орудий труда не привело на востоке Европы к такому общественному перевороту, какой произошел в странах древнего Востока и античной Европы. Крушение первобытно-общинного строя у славян было связано с полным торжеством железа. Только с переходом к железной металлургии и к массовому производству железных орудий производительность труда славян поднялась до уровня необходимого для начала процесса классовообразования. Следует иметь в виду, что раннеславянские племена жили на обширной территории леса и лесостепи со сравнительно суровым климатом. Поселения обычно далеко отстояли друг от друга. Плотность населения была, очевидно, очень невысокой. Огромные расстояния неблагоприятствовали развитию обмена, всюду ускорявшего процесс социальной дифференциации общества. В этой связи нельзя не указать и на тормозящее влияние того обстоятельства, что в древности территория славян находилась далеко от основных очагов рабовладельческой цивилизации, вдали от торговых артерий рабовладельческого мира, затрагивавших только крайние области славянского расселения. Все это были явления, долгое время тормозившие развитие у славян рабовладельческих отношений, хотя и у них первые ростки антагонистических противоречий в обществе были вызваны появлением рабов и рабовладельцев.

Положение раннего славянства в этом отношении существенно изменилось только в начале нашей эры,

когда границы Римской империи вплотную придвинулись к его территории и когда славянские племена вступили в сложные и многообразные связи с рабовладельческим миром. Первые века нашей эры стали поэтому эпохой наиболее энергичного развития рабовладельческого уклада в польских землях. Археологические открытия, сделанные в недавнее время на территории Польши, позволяют предполагать применение рабского труда в области металлургии и изготовления гончарных изделий. По всей вероятности, это были слабые и не вполне определившиеся формы рабовладельческой системы, но такие, которые, как будто бы предвещали грядущее торжество античного рабовладельческого строя.

Торжества этого строя славяне, однако, никогда не переживали. Особенностью их исторических судеб было то обстоятельство, что сравнительно интенсивное развитие у них рабовладельческих отношений по времени совпало с моментом общеевропейского кризиса этих отношений. Подойдя к порогу рабовладельческого общества, славяне вступили вместе с тем в период так называемого Великого переселения народов и полного крушения античной рабовладельческой цивилизации.

Само собой разумеется, что крушение очагов рабовладельческой системы в Европе не означало полной ликвидации института рабовладения, но рабство уже нигде не определяло собой основного способа производства. Оно не исчезало и у славянских народов. Можно, однако, думать, что в ходе борьбы «варварского» мира с античным рабовладельческими отношения приобрели у них более мягкие формы. К такому выводу приводят прямые показания византийских авторов, определенно отмечавших смягченные, патриархальные формы рабовладения у славян по сравнению с жестокими формами античного рабства (1). Правда, эти показания не относятся непосредственно к племенам, жившим на территории Польши. Однако нет никаких оснований полагать, что здесь развитие общественных явлений в этом отношении могло пойти иным путем, чем у славян, штурмовавших Восточно-Римскую империю.

Но если гибель античного рабовладельческого мира всюду в Европе открывала пути для прогрессивного по тому времени феодального развития, то нельзя забывать

и того факта, что всюду события кризиса рабовладельческой системы и Великого переселения народов сопровождались огромным разрушением производительных сил, временным хозяйственным регрессом. Обстоятельство это не могло не оказывать тормозящего влияния на общественное развитие европейских народов, замедляло процесс установления новых, феодальных производственных отношений.

В V и VI вв. в хозяйственной жизни славянского населения на территории Польши также вполне определенно сказывается упадок. Об этом свидетельствует прежде всего очевидное сокращение по сравнению с предшествующим периодом времени числа археологических находок. Особенно заметный кризис переживало ремесло. Во второй половине VI — начале VII в. временно исчезает керамика, изготавливавшаяся с помощью гончарного круга. Сильный упадок наблюдается в области металлургии, хотя и нет оснований предполагать полного прекращения выплавки железа. По-видимому, в наихудших условиях оказались те отрасли ремесла, которые специализировались на изготовлении по римским образцам предметов роскоши и украшений.

Кризисные явления легко прослеживаются и в области обмена. Бурные военные и политические события эпохи тяжело отражались на связях с отдаленными рынками. Это подтверждается тем, что число находимых археологами в Польше предметов импортного происхождения крайне незначительно для описываемого времени (2).

Объяснение всем этим фактам экономического упадка следует, по-видимому, искать в конкретной обстановке V—VI вв. Сказывались здесь и колоссальные разрушения производительных сил в странах бывшей Римской империи, разрыв с ними прежних весьма оживленных экономических связей. Возможно, что еще большее значение имело и прямое разорение польских земель в результате многочисленных передвижений и перемещений племен, вызванных гуннским нашествием, когда разорению подвергались южные, наиболее развитые области Польши. Губительно могли отразиться на развитии местного населения и передвижения аваров в середине VI в., надолго оставивших у славян недобрую по себе память (3). Однако, по всей вероятности, важным был тот факт,

что вслед за двигавшимися на запад германцами с польской территории устремился огромный славянский людской поток в пределы Чехии, Моравии, Словакии и на земли полабо-прибалтийского славянства, что вызвало резкое падение численности населения в самой Польше. В условиях, когда общая численность населения быстро сокращалась, когда, по-видимому, сразу обезлюдевали целые районы, когда за пределы страны хлынула наиболее богатая и активная часть населения во главе с выделившейся знатью, во всяком случае временный упадок ремесла и торговли был очевидно, явлением неизбежным (4).

* * *

Важно, впрочем, подчеркнуть не только сам по себе временный характер происходившего в стране экономического упадка. Еще важнее отметить, что он по всей видимости не распространился на самую важную область хозяйственной жизни польских племен — земледелие. Больше того, последние исследования этого вопроса показывают, что именно в заключительный период Великого переселения народов у славянских племен не только в лесостепных, но и в лесных районах происходил решительный переход к пашенному земледелию с применением тягловой силы домашнего скота. В VIII в. можно уже говорить о повсеместном торжестве пашенного земледелия (5). Это не означало, конечно, полного исчезновения подсечно-огневого земледелия, которое к тому же всегда должно было играть первостепенную роль в борьбе человека с девственным лесом, предоставляя в распоряжение людей все новые годные для земледелия площади. Подготовленный для посева огнем и топором участок земли в дальнейшем естественно превращался в поле, возделываемое сохой или ралом (6).

Развитие пашенного земледелия с применением домашнего скота в качестве тягловой силы естественно предполагает видную роль в хозяйстве животноводства. Для пахоты и других сельскохозяйственных работ употребляли главным образом волов. Что касается лошади, то она, по-видимому, не применялась в качестве тяглового животного. Ее по-прежнему использовали для верховой езды.

Разведение коз и овец и особенно свиней составляло важную отрасль в хозяйстве польского земледельца (7).

Пшеница и рожь были известны, но они не являлись главной сельскохозяйственной культурой. Такой культурой было просо — злак, типичный для предшествовавшей собственно пашенной подсечно-огневой системы обработки почвы (8).

Только полное торжество пашенной системы обработки почвы могло подготовить решительное вытеснение проса, пшеницей и рожью (8а). Поэтому в хозяйстве земледельца пшеница могла играть видную роль именно в тех районах, где уже в предшествовавший период (римский период) в течение нескольких всков развивалось пашенное земледелие. Впрочем, следует сделать оговорку относительно яровой пшеницы. Она дает высокий урожай на гари и при подсеке (8б). Характеризуя состояние сельского хозяйства у балканских славян, византийский источник конца VI—начала VII в. отмечает: «У них (т. е. у славян.— В. К.) большое количество скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы» (8 в). Садоводство и огородничество, зафиксированные еще для периода лужицкой культуры, разумеется, сохраняли свое значение в хозяйстве. Дополнительное питание доставляли бортничество и рыболовство, охота и широко распространенное собирание ягод, грибов и кореньев. Все эти занятия были второстепенными. Но они несомненно помогали разнообразить стол земледельца, а часто и помогали ему выбраться из беды во время голода и неурожая.

Возрождавшиеся после недолгого периода упадка металлургия и ремесло снабжали сельское хозяйство железными частями для пахотных орудий и другими видами изделий. Рабочие железные части рал позволяли лучше и глубже взрыхлять землю, значительно удлиненные и более выгнутые серпы гораздо лучше прежних коротких были приспособлены для сбора урожая, распространение полукосы позволяло в достаточном количестве заготавливать сено на зиму для домашних животных.

Оценивая в целом состояние и тенденции развития производительных сил в рассматриваемое время в главной отрасли тогдашнего хозяйства — земледелии, можно констатировать, что в этой области славянский мир в основном не отставал от стран Западной Европы (9).

Рис. 5. Формы раннесредневековых рал и отвальных ножей (из раскопок в Силезии)

Рассмотренные выше сдвиги в области развития производительных сил позволяют предполагать соответствующие им изменения в области производственных отношений. Рубеж VI—VII или первые десятилетия VII в., когда начинаются все указанные новые явления в области производства, по всей вероятности, следует рассматривать как важный момент развития польского народа, открывающий раннефеодальный период в его истории — период зарождения и становления феодальных производственных отношений (10). Косвенным показателем зарождения в обществе этих новых отношений является возобновление после тысячелетнего перерыва строительства городов. Археологи отмечают, что эти города были не только местами убежища для окрестного населения, но и являлись укрепленными усадьбами знати. Очень небольшие размеры многих из них свидетельствуют о том, что они не могли использоваться всем местным населением в качестве убежища. Города-усадьбы известны в Польше, начиная с VII и даже VI в. В VIII в. их число значительно возрастает (11).

* * *

Выше, во введении мы уже останавливались на характеристике источников, освещающих период VI—IX вв., отмечая отсутствие современных письменных источников для изучения основных процессов, связанных с феодализацией древнепольского общества. При таких условиях каждая попытка воссоздания процесса зарождения феодальных отношений, неизбежно опирающаяся на сравнительно-исторический и ретроспективный метод выяснения явлений даже при самом тщательном учете имеющихся данных о материальной жизни общества, обязательно будет иметь схематический и в значительной мере и гипотетический характер. О предположительности нарисованной ниже картины социального развития VI—IX вв. мы и хотели предупредить здесь читателя.

Процесс формирования территориальной сельской общины как основной формы организации земледельческого населения, начавшийся еще в предшествующий период, в VI—IX вв. в связи с успехами пашенного земледелия достигает своего полного развития. Переход от патриархально-семейной к территориальной или соседской общине способствовал росту производительных сил в сельском хозяй-

стве. Непосредственный производитель материальных благ — рядовой земледелец-общинник был кровно заинтересован в расширении и улучшении своего хозяйства. Новая система социальной организации сельского населения благоприятствовала развитию его хозяйственной инициативы. В отличие от патриархально-семейной общины, где солидарность ее членов основывалась на общности происхождения, территориальная община опиралась на соседство самостоятельно ведущих свое хозяйство семей. Первоначально в состав территориальной общины входили главным образом так называемые большие семьи.

Одной из разновидностей большой семьи была югославянская задруга. «Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина...» (12). Важно отметить, что в состав большой семьи входили обычно не только сыновья, внуки и правнуки отца-патриарха вместе с их женами и детьми, но и не связанные с ними узами общего происхождения свободные и не свободные люди-рабы (13).

В зависимости от общего прогресса в области земледелия развивался и процесс выделения из больших семей малых, состоящих из родителей и их детей. Малая семья становилась хозяйственной единицей общества, хотя в течение очень длительного времени обе семьи — большая и малая — сосуществовали в Польше в рамках территориальной общины.

Помимо большой и малой семьи в Польше в течение многих столетий существовал еще один общественный институт, призванный обеспечить сотрудничество малых семей в случаях корчевки леса, когда хозяйственных усилий одной малой семьи оказывалось недостаточно. Это так называемые патронимии, известные в Польше в более поздний период времени — в период развитого феодализма. Они объединяли несколько живущих в одном поселении малых семей, обязанных оказывать друг другу хозяйственную помощь, совместно защищаться и мстить за своих членов (14). Для всякой территориальной общины характерна борьба общинного и частного начал в области собственности. Поэтому с течением времени, по мере

развития производительных сил, производственные функции общины все больше сужались. «...Находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общинными» (15).

В Польше территориальная община была известна под именем ополья. Это была довольно крупная организация, охватывающая район от нескольких десятков до нескольких сотен квадратных километров, в который входило несколько деревень и однодворных поселений. Центром ополья часто являлся укрепленный грод, окруженный земляными валами и деревянным частоколом. В случае военной тревоги грод этот становился естественным центром для обороны местного населения. Последнее, конечно, скрывалось в случае нападения врага и в окружающих поселениях лесах, где в почти непроходимых дебрях женщины, дети и старики могли чувствовать себя в относительной безопасности. Сюда же, видимо, угоняли представлявший огромную ценность для земледельцев скот. Таким образом, лес в период военной тревоги был и защитником и кормильцем как для людей, так и для животных.

Наряду с ополем существовала еще одна форма территориальной организации земледельческого населения, название которой — жупа — известно как западнославянским, так и южнославянским языкам. Эта была, по-видимому, значительно более, чем ополье, широкая организация, охватывавшая несколько территориальных общин (16).

Территориальные общины не были организациями, в состав которых входили экономически однородные хозяйственные единицы. Выделившаяся еще прежде родо-племенная знать, естественно, занимала привилегированное положение в ополье и жупе. Наряду с представителями старой знати, в ходе процесса экономической и происходившей на ее базе социальной дифференциации из общины выделялась и новая знать, разбогатевшие и возвысившиеся семьи. Развитие института частной собственности на землю в условиях растущей производительности труда вело ко все большему усилению процесса имущественной и социальной дифференциации среди массы свободных общинников-земледельцев. Таким образом, рождение классового

стройка было неизбежно связано с появлением крупного землевладения, с выделением слоя можных, владевших сравнительно большим количеством пахотной земли и лугов. Захватывая наделы общинников и общинные земли, слой этот постоянно укреплял свое господствующее положение в обществе, что вело к возникновению института феодальной собственности на землю. В этой прослойке крупных землевладельцев следует видеть зачатки нового класса, класса феодалов.

Итак, для появления класса феодалов определяющим являлось зарождение крупной собственности на землю. Необходимо, однако, учитывать, что возвышению можных содействовало и то, что они владели большим количеством скота. Скот, особенно тяглый, был в то время исключительной ценностью. Захват его был постоянной целью военных столкновений между племенами. Потеря же его была настоящей катастрофой для земледельца, вела к разорению хозяйства. Возможность предоставить разорившемуся общиннику не только зерно, но и скот при условии, что одолживший мог использовать труд земледельца в собственном хозяйстве или получить от него прибавочный продукт с его (земледельца) хозяйства, естественно, способствовала не только материальному обогащению феодализирующейся знати, но и формированию экономических форм феодалской поземельной зависимости (17).

В том же направлении развивались общественные процессы и в тех случаях, когда отдельные члены больших семей, выходя из них, или разорявшиеся общинники, порывая с общиной, вынуждены были оседать на земле богатых семей. Они увеличивали собой количество рабочей силы, находившейся в распоряжении богатых.

Все это были явления, свидетельствовавшие о зарождении новой прослойки зависимого населения из числа свободных общинников. Эту прослойку можно со всеми основаниями считать зародышем одного из классов антагонистов феодального общества — зависимого крестьянства.

Такие обстоятельства, как расположение поселения семьи на оживленных торговых путях, использование их для своего обогащения, разумеется, способствовали ее быстрому экономическому и общественному возвышению (18).

Для экономического и политического усиления феодализирующейся знати, для выработки новых феодальных

форм экономической и внеэкономической зависимости, по всей вероятности, очень большое значение имел и такой архаический общественный институт, развивавшийся еще в предшествующий период, как дань, получившая повсюду, в том числе и у славян (19) очень широкое распространение в эпоху Великого переселения народов. При помощи дани феодализирующаяся знать имела возможность подчинять себе целые ополья и жупы. Кроме того, для подчинения себе отдельных семей и даже общин феодализирующаяся знать могла использовать и привилегии, которыми располагали старейшины в опольях и жупаны в жупах, тем более, что именно из их среды, по-видимому, формировался в описываемое время в основном новый класс эксплуататоров. Присвоение в свою пользу некоторых повинностей, лежавших на всех членах общины, укрепляло положение знати, открывало пути дополнительной, обогащавшей ее эксплуатации населения ополья или жупы.

В сложном комплексе явлений, при помощи которых зарождающийся господствующий класс укреплял свои исключительные позиции в обществе, особое место без сомнения принадлежало рабовладению, пусть даже сохранявшемуся у славян в сравнительно смягченном виде.

Есть основания предполагать, что уже в описываемое время, помимо пленения, главного источника рабства, рабами могли стать и разорившиеся, не имеющие возможности выплатить свои долги общинники (20).

Частое упоминание, правда, в более поздних письменных источниках периода раннего средневековья о рабах (термины *servus*, холоп), т. е. людях, лишенных средств производства и прав, которых господин мог продать и убить, свидетельствует, как будто бы, в пользу того, что рабовладельческий уклад продолжал развиваться и на первых этапах раннефеодального периода. Наличие рабов, труд которых, по-видимому, сравнительно широко применялся в хозяйстве многих в период зарождения феодальных отношений (21), помогало землевладельческой знати укреплять и расширять свое привилегированное экономическое и политическое положение в обществе.

Конечно, в условиях перехода к феодальному строю рабовладельческий уклад не мог, разумеется, стать ведущим. Не рабы, а свободные общинники определяли в переходный период своим трудом производственный облик челове-

ческого общества. Свободный общинник был главным производителем материальных благ. В дальнейшем эта роль перешла не к рабу, а к феодално-зависимому крестьянину. Тем не менее рабство способствовало развитию самого феодалного уклада, усиливало могущество знати. Из числа рабов формировались готовые контингенты феодално-зависимого населения. В раннефеодальном славянском обществе путь к феодалной зависимости пролегал как от свободного общинника через его подчинение крупным землевладельцам к феодално-зависимому крестьянину, так и от раба, лишенного средств производства, через раба, посаженного на землю к крепостному.

Существование именно этого, второго пути формирования зависимого крестьянства, очевидно, определяло или благоприятствовало вызреванию такой формы феодалной эксплуатации, как примитивная отработочная рента-барщина, в то время как развитие дани вело к перерастанию ее в натуральную ренту продуктами.

Таким образом, развитие и отмирание рабствладельческого уклада оказывается самым закономерным и тесным образом связанным с процессом становления феодалных отношений.

* * *

Зарождение классов эксплуататоров и эксплуатируемых стало предпосылкой образования государственности у польских славян, которая с самого начала формировалась как аппарат насилия и угнетения в руках феодализирующей знати.

«Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится так же политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» (22).

Феодализирующаяся знать стремилась укрепить свое привилегированное положение в обществе. Для судьбы возможных особенно важно было обеспечить за собой воен-

но-политическое превосходство над зависимым населением и рабами, над массой свободных общинников.

Этим целям и служили, по-видимому, упоминавшиеся выше укрепленные поселения — «гроды». Феодализирующаяся знать использовала их в качестве своих укрепленных усадеб. Лучше всего известны такие «гроды»-усадьбы археологам по раскопкам, производившимся в Нижней и Верхней Силезии. «Гроды» эти относятся к VII—IX вв. Аналогичные гроды известны археологам и в Великой Польше (23). Можно предполагать, что в периоды военных действий сюда стекалось взрослое и боеспособное мужское население, в то время как старые и малые вместе с женщинами и назначенными для их охраны и сопровождения скота мужчинами укрывались в лесах.

Леса вообще в это время играли большую роль в жизни славян. Описывая их образ жизни, византийский автор конца VI — начала VII в., так называемый Псевдо-Маврикий, по всей вероятности византийский император Маврикий, писал: «Они (славяне. — В. К.) селятся в лесах, у непроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей» (23 а). Далее он подчеркивает умение славян использовать леса в ходе военных действий: «Имея большую помощь в лесах, — пишет Маврикий, — они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают [как бы] под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда нападающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред». ^{23б} Коротко говоря, нет необходимости подчеркивать главным образом оборонительный для окружающего населения характер городов VII—IX вв. Гораздо большую роль в развитии древнесловянского общества они играли в качестве укрепленных резиденций знати. В строительстве «городов» принимало участие население всего ополья. Таким образом, знать использовала в интересах своего укрепления старые, распространявшиеся на всю общину повинности и общинную солидарность.

«Гроды», находившиеся в руках знати, являлись центрами, в которых сосредоточивалась политическая власть, отделенная от народа и направленная против народа. Знатная семья, сидевшая в «гроде», естественно, подчиня-

ла своему влиянию окружавшее «грод» ополье. Конечно, она стремилась и к тому, чтобы подчинить себе и другие близлежащие ополья.

Это вызывало ожесточенные, кровавые схватки между знатными семьями. В таких схватках возвышались и усиливались одни знатные семьи, ослаблялись и попадали в подчинение к ним — другие, совершенно разорялись или даже погибали — третьи. Характерным было возвышение не только отдельных семей, но и целых феодализирующихся фамилий, объединяющих несколько связанных родством семей и поколений.

Возвышение целых знатных фамилий — «родов», могущих использовать в интересах усиления своих экономических и политических позиций родственную солидарность, при которой с неумолимой силой действовал старый непреложный закон родового строя — «око за око и зуб за зуб», усиливало, без сомнения, положение феодализирующейся знати перед лицом массы рабов, зависимых крестьян и свободных общинников. Так происходило приспособление некоторых пережитков родового строя к интересам слагающегося класса эксплуататоров. Именно этим, по-видимому, объясняется такой характерный факт, как сохранение в течение длительного времени в Польше периода развитого феодализма шляхетских фамилий, как их называют источники, «родов», все многочисленные члены которых были тесно связаны между собой. Лишь постепенно эти фамилии — «роды» теряли свой первоначальный характер и превращались в геральдические, т. е. лишенные кровно родственной основы. До самого конца XIII в. основная масса шляхетских родов была в Польше местного происхождения (24).

По-видимому, с самого начала ни о каком имущественном равенстве внутри таких фамилий говорить не приходится. Как показывают более поздние источники, глава (senior) фамилии был наиболее богатым членом его. В случае обеднения он немедленно заменялся другим. Наиболее бедные семьи шляхетского рода составляли что-то вроде клиентеллы при богатых (25).

В результате появления слоя богатых и можных, в связи с укреплением их привилегированного военного и политического положения падало значение в племени народного собрания, на котором решающий голос переходил к

феодализирующейся знати. В ходе столкновений между знатными семьями и фамилиями определенно усиливалась власть вождя-князя, превращаясь не только в пожизненную, но и в наследственную. Этот процесс отвечал задачам укрепления и роста в обществе феодального производственного уклада.

Князь и наиболее могущественные фамилии возможных окружали себя постоянной дружиной. Она содержалась, как свидетельствуют об этом даже данные, относящиеся к X в. (26), за счет собираемых с населения общин, подчиненных племен или их частей даней и военной добычи. Дружины эти были, по-видимому, невелики. Тем не менее они играли достаточно важную роль во внеэкономическом подавлении местного населения, являясь вместе с тем надежным орудием территориальной экспансии или обороны при нападении.

За княжескую власть в племени разыгрывались жестокие и кровавые схватки. Их итогом нередко, очевидно, была гибель старой племенной династии и выдвижение на ее место новой, поддерживаемой более могущественной группировкой землевладельческой феодализирующейся знати. Именно такой переворот произошел, по-видимому, у полян, где старая племенная династия Попслидов была изгнана или уничтожена, а место ее заняла новая династия Пястов. Этот вполне естественный и закономерный для описываемого времени эпизод получил, как и следовало ожидать, мистический смысл в феодальной традиции, сохранившейся в хронике Галла Анонима, где главным действующим лицом оказывается «король королей и князь князей» — сам господь бог (27).

Все описанные выше явления отражали общий сложный процесс формирования политической власти нарождавшегося господствующего класса, формирования государственности. Территориальные объединения VI—IX вв., которые обычно именуется племенами, опирающиеся на целую систему, «комплексы» укрепленных городов (28), и были, очевидно, организациями государственного характера, хотя и весьма еще примитивными. Поскольку политическая власть в племени принадлежала фактически не народному собранию, а землевладельческой знати, эксплуатировавшей труд зависимого населения и рабов, а во главе племени стоял самый богатый и могущественный

землевладелец-князь, постольку это уже не были племена как категория первобытно-общинного строя. К тому же последние основывались на кровнородственных, а не на территориальных связях. Точнее говоря, территориальные образования V—IX вв. вообще неправомерно именовать племенами. Более точно было бы называть их «племенными» княжествами или «племенными» государствами.

Поселения одного «племенного» княжения от поселений другого отделялись системой природных и искусственных препятствий, имевших оборонительный характер. Это были постоянно поддерживаемые населением засеки или созданные природой непроходимые леса и болота.

Размеры отдельных княжений, как и количество входивших в их состав опольев и гродов, были, само собой разумеется, весьма неодинаковы. Об этом прямо свидетельствуют показания Баварского географа. В настоящее время нельзя еще и определить точно общее число существовавших некогда в Польше этих примитивных территориальных объединений. Анализ имеющихся, в основном, гораздо более поздних, письменных источников позволил выделить в пределах Великой Польши, Куяв, Мазовии, Малой Польши и Силезии 26 таких объединений (29). Очевидно, это еще не окончательная цифра, поскольку она не включает территориальных объединений, существовавших на Поморье. Кроме того, следует иметь в виду, что в поздних документах не всегда могли отразиться черты древней организации. Да и сами эти документы сохранились в ограниченном объеме.

При крайней незначительности современных событиям письменных источников нет ничего удивительного в том, что в большинстве случаев нам остаются неизвестными древние названия складывавшихся в Польше примитивных государственных образований — «племенных» княжений. Наши сведения о них основываются главным образом на составленной в торговых целях записке Баварского географа. Согласно этой записке на территории Силезии были известны в первой половине IX в. (документ Баварского географа относится к этому времени) Дзядошане, Бобжане, Слензапе, Голеншыцы, Ополяне. Менее четки показания записки о других польских землях. Над озером Гопло были, по-видимому, расположены поселения гоплян, в

районе Сандомирской возвышенности жили лендзяне, верхним течением Вислы владели висляне. На Поморье, в низовьях Одры, находились поселения пыжычан и волянян (или велюнян). Что касается полян, сыгравших столь важную роль в истории Древнепольского государства, то первые упоминания о них относятся только к X в. Не сохранились имена «племенных» территорий в Мазовии.

Дальнейший путь образования раннефеодальной государственности шел через стадию борьбы между отдельными «племенными» княжениями к объединению и подчинению небольших племен-государств под властью наиболее сильного «племенного» княжества. Происходивший в разных частях страны с неодинаковой интенсивностью процесс этот привел к образованию нескольких соперничавших очагов формирования единого Древнепольского государства, подобно тому, как в столкновении двух или нескольких государственных центров рождалась государственность на территории Чехословакии (30) и Древней Руси (31).

В Польше такая стадия развития, при которой определенно берет верх тенденция к созданию единой государственности, была достигнута, судя по письменным источникам, только к середине IX в. Окончательное же оформление Древнепольского государства датируется второй половиной X в.

* * *

Впоследствии нам еще придется останавливаться на конкретно-исторических обстоятельствах объединения всех польских земель в рамках единого, конечно, относительно единого раннефеодального государства. В данной связи важно отметить только, что процесс образования такого государства оказался очень длительным, растянулся на целых четыре столетия и завершился намного позже, чем в ряде других славянских стран. Причина такого замедленного развития государственности в Польше лежала, очевидно, в сравнительно медленном вызревании феодальных отношений в стране, в слабом развитии экономических и культурных связей между отдельными землями, и следовательно в несколько заторможенном процессе формирования народности, образование которой всегда

происходит в переходный период становления классового общества.

Для того чтобы понять степень заторможенности происходивших в Польше в рассматриваемое время социальных процессов, достаточно сопоставить примитивные государственные образования типа «племенных» княжеств, которые существовали здесь в VII—IX вв., с возникшим в VII в. могучим Болгарским государством, с державой Само VII в., сумевшей нанести тяжелое поражение такому сильному врагу, как авары, и остановить натиск франков. Наследницей государства Само была огромная Великоморавская держава, бывшая одной из самых влиятельных военно-политических сил в Европе IX в. На рубеже IX и X вв., когда полянские князья делали только свои первые шаги на сложном пути объединения польских земель, существовала уже огромная Киевская держава, могучей рукой стучавшаяся в ворота Константинополя.

Объясняя причины заторможенности процессов феодализации и образования раннефеодальной государственности в Польше, может быть важно было бы еще раз взглянуть в предшествовавший период истории польского народа и истории других родственных ему славянских народов.

Польша никогда не знала рабовладения как социально-экономической формации. Слабые ростки античного рабовладельческого производства, возникавшие на ее территории, были легко уничтожены вихрем Великого переселения народов. Совершенно иначе складывались события на территории Чехословакии, в Хорватии, Болгарии и у паннонских славян. Славянам и их раннефеодальной государственности предшествовал на Балканах и в Паннонии развитый античный способ производства. На территории Чехословакии до славянского переселения существовала рабовладельческая кельтская цивилизация, позднее оказавшаяся в орбите провинциальной римской культуры. Часть ее территории попала непосредственно под власть рабовладельческого Римского государства. Можно ли думать, что только случай определил, что именно эти области славянского мира в ранне средневековье стали областями наиболее быстрого развития феодализма, что здесь наиболее интенсивно шел процесс образования государственности, что они легче и раньше других славянских стран

усвоили типичную для средневековой Европы форму феодальной надстройки—христианство. Очевидно, ист. Само собой напрашивается предположение, что в данном случае большая интенсивность социально-экономического развития находилась в связи с сохранением в этих странах некоторых традиций, связывавших раннефеодальную славянскую цивилизацию с предшествовавшей ей цивилизацией античного мира. Мы имеем в виду традиции в области сельского хозяйства, ремесла, градостроительства, военного дела, в области некоторых надстроечных явлений. В настоящее время степень сохранения и сила этих традиций могут являться только предметом догадок. О них самих приходится говорить только в порядке предположения. Но изучение этих традиций необходимо, и оно должно, разумеется, вестись с учетом всех радикальных этнических перемен и громадного разрушения производительных сил, которые пережили рассматриваемые территории в период крушения античного рабовладельческого мира и Великого переселения народов.

По-видимому, уже заранее можно сказать, что традиции эти сохранились в разной мере и оказали далеко не одинаковое влияние на развитие отдельных народов и государств. По всей вероятности, они прочнее оказались на территории Болгарии и в приморской Хорватии, чем на территории Чехословакии.

Чтобы показать читателю закономерность предложенной выше постановки вопроса, достаточно, думается, будет снабдить антитезу Польша — Болгария — Чехословакия параллелью из истории германских племен: ускоренный темп социальных процессов у лангобардов и франков, осевших на территории Италии и Галии, и крайне замедленное развитие их у саксов, живших в Германии.

Разумеется, сказанного еще далеко не достаточно для объяснения специфики социально-экономического развития польских земель, особенно при сравнении их с историческим путем, пройденным Киевской Русью, тоже никогда не знавшей античного способа производства. Большую роль могли играть для развития отдельных славянских стран степень и размах экономических, политических и культурных связей с передовыми феодальными странами Европы и Азии — Византией, Италией, достигшим высокого уровня цивилизации Арабским востоком. Ведь куль-

турная или экономическая изоляция никогда не благоприятствовала в истории человечества прогрессу экономики и культуры. Социально-экономическое и культурное развитие славянских народов тоже никогда не происходило в условиях их полной изоляции. Однако масштаб экономических и политических связей с передовыми феодальными странами Европы и Востока, интенсивность их культурного общения с передовыми очагами средневековой цивилизации не были одинаковыми у разных славянских народов.

Между тем эти контакты и связи имели, видимо, важное значение для создаваемой славянскими народами собственной самобытной культуры. Соседство и тесные связи с наиболее развитыми феодальными странами благоприятствовали более быстрому развитию феодальных отношений. Очевидно, именно этим в известной мере объясняется тот факт, что процессы феодализации и оформление феодальной государственности интенсивнее происходили у болгар, чехоморавских и словацких племен, хорватов и на Руси, чем в расположенных на отдаленной периферии тогдашней феодальной Европы польских и полабо-прибалтийских землях.

Да и в пределах одной страны можно наблюдать аналогичную закономерность. На Руси более тесно связанный с передовыми странами юг определенно обгонял северо-восток, в Польше Мазовия определенно отставала в своем развитии от Малой Польши и Селезии, испытывавших на себе непосредственное воздействие близкого, более развитого феодального соседства.

Периферийное положение Польши в Европе тоже было результатом Великого переселения народов. Особенно губительные последствия имело для нее вторжение в середине VI в. в Паннонию кочевой орды аваров. Покорив местные славянские племена, достигшие к тому времени высокого уровня развития, достаточного для образования раннефеодальной государственности, авары создали могучую державу, во главе которой стояла аварская знать, но материальную силу которой определяла культура и производство славянского населения. Славяне часто оказывались и важной военной силой для аварского каганата (32).

Аварская держава была страшным противником для соседних стран. Тяжелые удары наносила она Византии, франкам, соседним славянским областям. Все вокруг нее

подвергалось грабежу и опустошению. Аварское вторжение, без сомнения, сильно затормозило прогрессивное развитие паннонских славян, отрицательно сказалось на развитии словацких и чехоморавских племен, усилило периферийное положение польских славян, почти полностью отрезав их от связей с передовыми феодальными странами Средиземноморья. Для польских земель разрыв контактов со Средиземноморьем ни в какой мере не мог быть компенсирован торговлей с аварами или франками, имевшей к тому же очень ограниченный размер (33). Развитию торговли с франкской державой сильно мешало запрещение вывоза оружия, главным образом мечей, в славянские земли. Правда меры, предпринимавшиеся Карлом Великим и его преемниками не были достаточно эффективными. Франкское оружие продолжало экспортироваться, пользуясь большим спросом у славян и в восточных странах (34).

Крайне ограниченными были и торговые связи польских земель со странами арабского востока. Арабский рынок проявлял большую заинтересованность в товарах, поставщиком которых могли быть восточноевропейские земли. Особенно важным для этого рынка было массовое поступление рабов и дорогих мехов. Согласно одному позднему, впрочем, арабскому источнику, арабы завоевав Испанию, намеревались даже овладеть затем всей Европой, чтобы открыть себе круговой путь в Сирию, минуя владения византийцев (35). Плавание по Средиземному морю, кишевшему тогда сарацинскими пиратами, которые в 846 г. опустошили окрестности Рима, было сопряжено с колоссальными опасностями и неизбежными огромными потерями для купцов.

Однако восстановление старых торговых путей, связывавших страны Европы и Азии, в описываемое время, только начиналось. Важную роль в их возрождении сыграл огромный арабский рынок, пользовавшийся услугами многочисленных колоний, создаваемых еврейскими купцами. Из Испании через франкскую державу, чешские и польские земли и далее на Русь, Камскую Болгарию и хазарский каганат эти торговые пути шли в богатые страны Средней Азии, Ближнего востока и Китай. Постепенно возобновлялось движение и на морском пути вдоль европейского побережья. Этот путь связывал бассейн Балтий-

ского моря и Скандинавию с портами мусульманской Испании (36).

Но даже если и принять вполне вероятное предположение, что часть бобровых шкурок (а польские реки еще в XV в. изобиловали бобрами), попадала на арабский рынок из польских земель (37), то все же в рассматриваемый момент связи с арабским миром были слабы и непрочны. Они не могли еще оказывать сколько-нибудь заметное влияние на экономическое и культурное развитие Польши.

Положение Польши в Европе резко изменилось, когда с исторической сцены сошел Аварский каганат, окончательно разгромленный в результате натиска Карла Великого и болгарского хана Крума, и возвысилась в IX в. Великая Моравия. В X в. соседями Польши были уже развитые раннефеодальные государства — Киевская Русь и Чешское княжество, а к ее западным границам приближалась Германская империя. Выросли и окрепли экономические связи с Византией и арабами.

Новое соседство резко изменило политическое положение польских земель. Они уже не были периферией феодальной Европы.

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XI в.

Зародившиеся в польском обществе новые, феодальные производственные отношения открывали широкий простор для дальнейшего развития производительных сил. IX—X вв. и начало XI в. характеризуются весьма заметным прогрессом в области производства. Прогресс этот происходил как в главной отрасли хозяйственной жизни населения польских земель — земледелии, так и в области ремесла.

Само собой разумеется, что не во всех отраслях хозяйства прогресс был одинаков. Особенно значительные сдвиги в описываемый период были достигнуты в ремесле, менее существенные — в сельском хозяйстве. Но в этих сдвигах не всегда можно констатировать качественные изменения. Во многих случаях наблюдались, пусть и очень заметные, часто резко бросающиеся в глаза, но переменны количественные.

Очевидно, начавшийся где-то около середины IX в. процесс консолидации «племенных» княжеств, завершившийся во второй половине X в. образованием относительно единого Древнепольского государства, благоприятствовал поступательному движению в сфере производства. Дело не только в том, что с образованием относительно единого раннефеодального государства значительно сократились те бесконечные, часто бессмысленные, кровавые столкновения, которые происходили между знатными фамилиями и которые приносили громадный урон польскому земледельцу и ремесленнику. Дело еще и в том, что с образованием единого государства создавались более благоприятные условия для развития обмена между разными

польскими землями, а также между ними и другими странами, наконец, для международной транзитной торговли.

Польша была искони земледельческой страной. Поэтому характеристику ее экономического развития естественно начинать с обзора сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники. Одним из важнейших проявлений дальнейшего прогресса в области земледелия было неуклонное расширение посевных площадей (1). В связи с этим продолжалась полная внутреннего драматизма и сложных коллизий вековая борьба человека и леса. Вооруженный топором, используя огонь, человек упорно

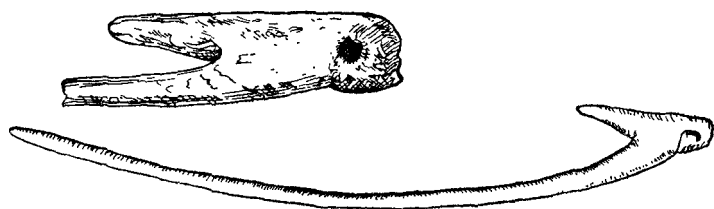

Рис. 6. Древняя соха (из раскопок в Поморье).

продвигался вглубь вековых лесов, расчищая путь для сохи и рала. Лес упорно сопротивлялся. Стоило произойти несчастью с земледельцем, как на месте бывшей пашни вновь появлялся кустарник — этот передовой отряд лесных великанов. Все же им приходилось постоянно тесниться перед человеком, и освоенные площади увеличивались из года в год за счет уменьшения лесных массивов.

Страна изобиловала лесами. Их было очень много, настолько много, что расширение пашни не могло еще изменить общего облика края. Рост посевных площадей был тесно связан со все нараставшим процессом заселения страны.

Выкорчевывая и сжигая лес, земледельцы обживали все новые и новые места. Многочисленные реки и водные потоки обычно определяли пути переселенцев.

Расширение площадей под пашню происходило, конечно, не только за счет лесных массивов. В Польше известны и лесостепные районы, в которых еще в римский период получило преобладание пашенное земледелие. Его разви-

тию благоприятствовало высокое качество почв — лессовых, степных и болотных черноземов. Такие почвы были широко распространены в Малой Польше, Силезии, на Куявах (2). Здесь, очевидно, более важную роль, чем корчевание леса, играл подъем нови. Но и ее распашка требовала тяжелого труда и тоже, видимо, происходила в условиях нарастающего процесса внутренней колонизации.

Понятно, не следует преувеличивать размеры этой стадии внутренней колонизации страны. По своей интенсивности она, конечно, не может идти в сравнение с колонизацией XIII—XIV вв. Но развиваясь гораздо более замедленными темпами, она все же была очень важным явлением в социально-экономической жизни польских славян.

В районах, где была плодородная почва (например, Малая Польша и Силезия) переход к пашенному земледелию начался раньше, чем в других районах страны. Это подтверждается находками здесь рала с железным лемехом и деревянным отвалом, которые относятся по крайней мере к периоду так называемого Великого переселения народов. Такое рало могло уже и частично превращивать подрезанные железной рабочей частью пласты земли (3). Возможно, что в древности польские племена смогли усвоить от кельтов или римлян и идсю плуга. Предположение, что часть славянских племен была знакома с плугом, изготовленным из дерева, еще до IV—V вв. подтверждается как будто бы и данными языкознания (4). Не менее обосновано и то мнение, что в рассматриваемый период, когда такое большое значение имело расширение пашни за счет леса, широкое распространение должна была получить соха, которая является более подходящим орудием для вспашки только что очищенных от леса участков земли (5). Само по себе распространение сохи, а не плуга, вопреки часто встречающемуся мнению, не может поэтому служить признаком отсталости сельского хозяйства. Справедливость такого вывода очень ярко подтверждается русским археологическим материалом (5а).

Но если появление усовершенствованных орудий вспашки датируется более ранним периодом времени, то широкое распространение их падает, по-видимому, имен-

по на IX—XI вв. Это было тесно связано с быстрым развитием металлургии и ремесла, снабжавших сельскохозяйственные орудия необходимыми железными частями. Правда, говоря о широком распространении усовершенствованных орудий обработки почвы, нельзя не считаться с присущим феодализму консерватизмом в области производства. Поэтому распространение сравнительно высокой

Рис. 7. Пахота С картины Ю Хелмонского

сельскохозяйственной техники сочеталось с сохранением примитивных орудий труда. Именно этим объясняется, что плуг и примитивное рало могли сосуществовать. На тяжком труде пахаря, опозитизированном впоследствии Ю. Хелмонским, основывалось все древнепольское общество.

Плодородие почвы поддерживалось внесением в нее органических удобрений. Об этом свидетельствуют кучи навоза вблизи хозяйственных построек, находимые при археологических раскопках (6). Возможно, впрочем, что применение навоза в качестве удобрения было известно, хотя бы части польских племен, еще до Великого пересе-

ления народов (7). Вспаханную землю бороновали. Бороны изготавливались целиком из дерева. Затем следовал сев. При сборе урожая пользовались железными серпами, которые особенно часто встречаются при раскопках. Реже находятся косы, применение которых сильно облегчало земледельцу тяжелый труд по обеспечению скота зимними кормами. Молотили с помощью цепов. Полученное после молотбы зерно размалывалось в муку на каменных жерновах, тоже часто встречающихся при раскопках. В качестве тягловой силы использовались обычно, как и прежде, волю.

Косвенным показателем тех значительных, сравнительно, конечно, размеров, которые получила в описываемое время внутренняя колонизация в лесных районах страны, является усовершенствование секиры на протяжении второй половины X — первой половины XI в. Вместо узких появляются широкие и более короткие секиры, а также получают широкое распространение топоры — орудия, гораздо лучше приспособленные для вырубki леса (8).

О том, что земледельческая культура в Польше, как и в других славянских землях, достигла в X—XI вв. достаточно высокого уровня, говорит и первое свидетельство о применении трехпольной обработки земли. Переход к трехполью был возможен только при условии широкого применения навоза в качестве удобрения (9). Вместе с тем появление трехпольной системы обработки почвы означало в сравнении с распространенной ранее двухпольной новый, громадный шаг вперед в области земледелия, заметно повышало производительность человеческого труда, позволяло на той же самой, что и прежде, территории жить и трудиться значительно большей массе населения, т. е. способствовало росту плотности населения. Наконец, трехпольная система создавала благоприятные условия для окончательного распада большой семьи и вытеснения ее малой.

О том, что трехполье применялось в середине X в., свидетельствуют слова арабского путешественника Ибрагима ибн Якуба, посетившего примерно в тот период страны Восточной Европы: славяне «сеют два раза в год — поздним летом и весной и собирают два урожая» (10).

Учитывая все описанные выше успехи земледелия, не могут вызвать удивления высказывания того же Ибра-

гима ибн Якуба об изобилии в славянских странах сельскохозяйственных продуктов. «Населяют они (славяне. — В. К.) области, наиболее подходящие для жизни [или самые урожайные] и наиболее богатые продуктами питания, — пишет он об известных ему славянских странах. (Славяне. — В. К.) с особым усердием занимаются земледелием и поисками средств к жизни, в чем они намного превосходят все северные народы» (11). Показания этого арабского путешественника имеют для нас тем большее значение, что они отражают мнение о славянском быте человека, повидавшего на своем веку много стран и народов, имевшего достаточно большой опыт, чтобы уметь правильно сравнить. Будучи купцом и путешественником он привык внимательно присматриваться к окружающим его явлениям жизни. Археологические данные полностью подтверждают это литературное свидетельство.

Польскому земледельцу IX—XI вв. были известны почти все виды возделываемых сейчас в крестьянском хозяйстве полезных злаков — просо, пшеница, рожь, ячмень, лен, конопля, как и садовых и огородных культур. Несколько странное впечатление производит то обстоятельство, что наиболее распространенным злаком в этот период высокоразвитого пашенного земледелия оставалось просо, столь типичное для подсечно-огневой системы обработки земли.

В том, что дело обстояло именно так, убеждают не только данные археологии (12) но и прямые указания Ибрагима ибн Якуба: «Больше всего сеют они (славяне. — В. К.) проса» (13).

Разгадку этого несоответствия следует, по-видимому, искать в том, что для посева проса требовалось сравнительно очень небольшое количество зерна. Если для засева 1 га было достаточно 20—25 кг проса, то пшеницы или ржи — 140—160 кг (14). Вместе с тем просо легче было хранить, чем другие злаки (14а). Зато просо приносило и меньший урожай. Возможно, что оно культивировалось главным образом в бедных хозяйствах, вынужденных экономить на посевном фонде, в то время как в более состоятельных сеемось все больше пшеницы и ржи (15). В таком случае понятно, почему именно посевы проса бросились прежде всего в глаза внимательному иностранцу.

Хорошо развито было в Польше также садоводство и огородничество. Польским славянам были известны культуры бобов, гороха, чечевицы, мака, репы. Последней принадлежала особенно важная роль в хозяйстве, близкая к той, которую играет в наше время картофель. В огороде польского земледельца рядом с этими старыми культурами выращивались морковь, чеснок, огурцы. В садах росли почти все современные виды плодовых деревьев и кустарников. Любопытно, что Ибрагиму ибн Якубу прежде всего бросились в глаза яблони и груши: «В их (славян.— В. К.) садах,— пишет он,— больше всего яблонь, груш и персиковых деревьев» (16). Со второй половины X в. в Польше стала известной и культура винограда, появление которой совпадает с принятием христианства. Виноград культивировался, очевидно, для целей религиозного культа — изготовления вина для церкви (17).

Видную роль в хозяйстве польского земледельца по-прежнему играли животноводство и птицеводство. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что при раскопках поселений свыше 90% обнаруживаемых костных остатков составляют обычно кости домашних животных. Например, в Гнезно они составляли 99,7%, столько же — в Клецке, в Познани — 98,8% и в Бискупине — 98,6% (18).

Наличие в хозяйстве тяглового скота являлось одним из важнейших условий сохранения им экономической самостоятельности. С потерей скота состоятельный хозяин мог легко превратиться в полного бедняка, попасть в самую тяжелую кабалу к землевладельцу. Правда, неоднократно цитировавшийся нами выше арабский источник утверждает, что славяне «сдят коровье мясо» (19). Однако очень сомнительно, чтобы рядовой земледелец мог часто разнообразить свой стол говядиной.

Гораздо чаще, по-видимому, в пищу шло мясо домашней птицы, а также коз, овец и, особенно, свиней. Разведение свиней получило особенно значительное распространение, так как содержание их не было связано с большими расходами и заботами. Из птиц разводили больше всего кур, главным образом из-за яиц, гусей. Возможно, что известна уже была и домашняя утка.

Лошади едва ли использовались в крестьянском хозяйстве. Как правило, лошадей разводили для военных

целей в имениях князей и крупных землевладельцев-феодалов, при этом, по-видимому, начиная с конца X—XI в. в довольно значительных размерах (20).

Косвенным доказательством большой роли скота в хозяйстве тогдашнего земледельца могут быть крестьянские повинности XIII—XIV вв., зарождение которых относится, но всей вероятности, к гораздо более древним временам. Многие из них вносились натурой — коровами, волами, овцами, свиньями. Такими повинностями были: подворовое, нарез, ополье, стан (21). Очевидно, что при очень большой слабости животноводческой базы крестьянского хозяйства такие поборы не могли бы иметь места. Широкие масштабы свиноводства могут быть объяснены отчасти и тем, что свиньи были важной частью поборов, взимавшихся феодалами и князем с крестьянского хозяйства (22).

Здесь едва ли есть необходимость распространяться на тему о старинной дружбе человека с собакой, охранявшей его жилье, хозяйственные постройки стада и помогавшей своему хозяину на охоте. Собака была приручена еще на заре истории. Зато может быть стоит упомянуть о том, что только в раннефеодальный период славянам стала известна домашняя кошка, лишь постепенно вытеснившая ласку, которую держали до тех пор, чтобы спасти свое хозяйство от грызунов (23).

Мед заменял всем славянам сахар. Из него они уже давно научились готовить опьяняющий напиток (посивший то же название), которым угощались еще в стане кровавого вождя гунов Атиллы. Об этом напитке упоминает и Ибрагим ибн Якуб (24). Первоначально вместо ульев делались искусственные дупла в деревьях в лесу. Впоследствии стали изготавливаться специальные ульи, которые помещались на пасеках.

Охота, рыболовство и собирательство (сбор грибов, ягод, корней и т. д.) в хозяйстве польских славян имели лишь подсобное значение. Только в редких случаях и для очень незначительной части населения, жившей у рек и моря, рыболовство могло быть основным хозяйственным занятием. Лишь в хозяйстве крупных землевладельцев, в княжеском хозяйстве или в хозяйстве знати, охота могла играть довольно существенную роль. Знать всегда страстно предавалась этому своему излюбленному занятию.

Часто князья и крупные вельможи в периоды, предшествовавшие началу войны, чтобы обеспечить себя запасами провианта, устраивали большие облавы на зверей, которыми изобиловали девственные пущи. Охота доставляла феодалам и необходимые им меха и шкуры. Поэтому пушнина, шкуры, а также мед и воск должны были занимать в Польше, как и на Руси того времени (24а) заметное место в системе повинностей, которые несло крестьянское население в пользу князей и знати. О той заинтересованности, которую проявляли możni к дорогим мехам свидетельствует уже один тот факт, что, согласно «Русской Правде», за кражу бобра взимался такой же штраф, как и за убийство холопа (24 б).

Области с плодородными почвами, берега рек и озер, морское побережье были наиболее густо заселенными местностями. Нет ничего удивительного в том, что население привлекали прежде всего берега рек и озер. Помимо того, что реки были тогда самыми важными путями сообщения, в их долинах всегда можно было найти удобные для распашки земли с плодородными аллювиальными почвами, богатые заливные луга с сочной травянистой растительностью — прекрасное пастбище для скота (24в). Наконец, озера и реки изобиловали рыбой. Для устройства поселения избирались чаще всего холмы, возвышавшиеся над окружающей местностью, расположенные на берегах рек, озер или моря; реже селились в низинах. Кое-где встречались и свайные постройки. Неукрепленные сельские поселения, селища, обычно встречаются в двух основных разновидностях: 1) улицовка (ulicowka) 2) околица (okolnica). В первом случае жилые и хозяйственные постройки размещаются в два ряда вдоль проходящей посередине поселения улицы, во втором — тесно примыкают друг к другу, образуя замкнутый круг или эллипс. В последнем случае деревня имеет только один вход. Околица считается более древним типом поселения. Возникновение ее обычно связывается с потребностями обороны, ибо для превращения ее в укрепленное поселение, «грод», достаточно только окружить ее палисадом и рвом (25).

Укрепленные поселения — «гроды» — по их положению на местности можно разделить на три группы: 1) «гроды», расположенные на высотах, господствующ-

щих над окружающей местностью; 2) «гроды», расположенные в низинах и, наконец, 3) «гроды», расположенные на равнине. По внешнему облику различаются кольцеобразные и подковообразные «гроды». Последние располагались обычно над обрывистыми берегами рек

Рис. 8 Детали бревенчатой конструкции гнезненского вала

и озер, так что валы призваны были охранять лишь незащищенные стороны поселения. Особый, отличный облик имели «гроды», выстроенные на скалах или холмах с обрывистыми склонами. Здесь валы были расположены только с той стороны, которая оказывалась доступной для нападения.

Первоначально «гроды» были укреплены только палисадом, перед которым с внешней стороны вырывался ров. Выбираемая из рва земля сама по себе образовывала вал. Позже появился земляной вал, состоящий из располо-

женных друг подле друга деревянных срубов, наполненных утрамбованной землей. Такие «гроды» строились у поморян еще в XI в. и позже. В Великой Польше в середине X в. наблюдался значительный прогресс в устройстве «городских» укреплений. Здесь стали сооружать более совершенные валы. Об этом свидетельствуют раскопки в Гнезно. Эти валы образовывали многочисленные слои бревен, положенные накатом сначала вдоль, затем поперек в несколько рядов. Накат скреплялся толстыми поперечными бревнами, имевшими на концах мощные суки длиной 25—40 см. Бревна с такими суками не давали разъезжаться накату (рис. 8). Гнезненские валы достигали в древности 5—6 м высоты. В Познани для устройства валов был применен наряду с деревом и камень. Не связанные никаким раствором, камни, сложенные в нижней части вала, должны были укрепить его. Ширина валов в Познани превышала 20 м. Промежутки между бревнами заполнялись песком и глиной. Над воротами и вдоль вала были расположены деревянные башни.

Таким образом, это было настоящее крепостное сооружение. Несомненно местный характер произведенных усовершенствований в строительстве «городов» в середине X в. свидетельствует о быстром прогрессе польских славян в области военного и строительного дела (26).

Однако подобные крупные сооружения — отнюдь не частое явление в Польше X—начала XI вв. Основная масса «городов» строилась еще традиционным способом. Вот как описывает строительство обычного «города» у западных славян Ибрагим ибн Якуб: «Славяне строят большую часть своих «городов» таким образом: они направляются к лугам, изобилующим водой и зарослями, и намечают там место круглое или четырехугольное, в зависимости от формы и величины, которую желают придать «городу». Затем они выкапывают вокруг (намеченного места.— В. К.) ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши ее досками и сваями наподобие шанцев, пока вал не дойдет до желаемой высоты. Тогда отмеряются в нем ворота, с какой стороны им угодно, а к воротам можно подойти по деревянному мосту» (27). Само собой разумеется, что подавляющее большинство «городов» по-прежнему являлось центрами опольев, укрепленными усадьбами, «замками» землевладельческой знати.

Находимые в пределах «гродов» и вокруг них предметы ремесленного производства или даже следы поселений ремесленников часто могут рассматриваться лишь как свидетельство появления вотчинного ремесла, обслуживавшего потребности феодального владельца. В связи с развивавшимся процессом образования относительно единого раннефеодального государства росло значение «гродов» как административных центров.

Значительная часть «гродов» могла служить и для чисто оборонительных целей. Такие «гроды» стали особенно многочисленны в эпоху оформления древнепольской государственности, когда из них составлялись на рубежах целые оборонительные укрепленные линии, защищавшие страну от вторжений извне или служившие для расширения границ образующегося Древнепольского государства. Но и внутри страны, где находилась основная масса «гродов», они продолжали сохранять важное оборонное значение. За их валами в военное время, укрывалась часть окрестного сельского населения. Сосредоточенное в их пределах боеспособное мужское население оказывало вооруженное сопротивление врагу. «Гроды» являлись естественными центрами обороны против вторгшегося в страну неприятеля. А вооруженные столкновения, большие и малые войны были ведь в то время частым, если не сказать, обычным явлением. Многие из этих «гродов» имели постоянное население, занимавшееся, главным образом, сельским хозяйством. В сущности это были просто укрепленные села. Примером такого укрепленного села может быть Ветшнув, расположенный на польско-русско-словацком пограничьи, и датирующийся X—XII вв. Население села — «города» насчитывало около 200 человек, живших в 30—40 избах. Любопытно, что Ветшнув был расположен на месте древнего, может быть тоже укрепленного лужицкого поселения (27а). Наконец, известная часть «гродов» выполняла, очевидно, функцию центров религиозного культа.

О том, какое важное значение придавалось со стороны усиливавшейся княжеской власти, отражавшей интересы поднимавшегося господствующего класса феодалов, «городам» как военным центрам и центрам управления, способным отразить неприятельское вторжение, а главное, держать в повиновении массы эксплуатируемых непосред-

ственных участников производства, лучше всего говорят могучие крепостные укрепления Гнезно и Познани.

* * *

Для всего дальнейшего экономического, а следовательно, и социального развития польских земель в данный момент, главным, однако, было не существование «города»-усадьбы, «города»-военного и административного центра. «Гроды», выполнявшие такого рода функции, существовали и в предшествовавший период польской истории. Главным был тот факт, что известная часть выполнявших эти функции «гродов» одновременно служила местом сосредоточения ремесла и торговли, превращалась в экономические центры определенной, пусть еще очень ограниченной, сельскохозяйственной округи. Здесь появлялось постоянное население, занимавшееся ремеслом и торговлей. Вокруг укреплений с течением времени возникали посады, где и сосредоточивались дома и полуземлянки ремесленников и торгового люда. Именно эти торгово-ремесленные посады знаменовали собой появление в Польше нового, возникавшего только в рассматриваемое время социально-экономического фактора — города (28) как центра ремесла и торговли, как экономического центра. Иногда посады или, как их еще можно было бы называть, переводя латинский термин *suburbium*, подгродья, в свою очередь обносились валами. Такое укрепленное подгродье было обнаружено при раскопках в Клецке (29) .

Возможно, однако, что двучленное строение города — «грод» и подгродье — не всегда было обязательным правилом. В дальнейшем некоторые укрепленные «гроды» могли возникать сразу как города — центры ремесла и торговли. Примером такого одночленного города может служить Ополе в Силезии, возникшее во второй половине X в. (29а). С самого начала в Ополе жили не только мелкие феодалы со своей челядью, но и ремесленники и торговцы. Возникновение на месте прежнего неукрепленного поселения «города»-города обуславливалось как наличием достаточно густонаселенной сельскохозяйственной округи, способной поглотить продукцию городского производства, так и удобным географическим положением на оживленных торговых путях. В строительстве таких поселений

была заинтересована и княжеская власть. В случае с Ополем налицо были все эти условия: оно находилось в центре довольно густонаселенного сельскохозяйственного района; через него проходили важные торговые пути из Праги на Краков и от Моравских ворот к Балтийскому морю; в конце X в. Силезия была лишь недавно возвращенным от Чехии краем, поэтому в строительстве здесь «городов» была крайне заинтересована княжеская власть (296).

«Гроды» со следами ремесленных занятий — явление сравнительно раннее. Такими были уже в IX в. Гнезно, Познань и, может быть, Крушвица. В Бискупине ремесленные занятия населения устанавливаются для VIII и даже VII в. В IX в. известны поселения по типу занятий их населения, близкие к городским, у полабо-прибалтийских славян (30). Все это указывает, конечно, на сравнительно долгий и самобытный путь возникновения городской жизни в славянском обществе.

Нужно, однако, иметь в виду, что не всегда присутствие ремесла превращало «грод» в город. В очень большом числе случаев, как указывалось выше, следы ремесленного производства могли означать и развитие вотчинного ремесла. Поэтому появление города, как экономического центра в Польше следует датировать X в. Это вполне определенно устанавливается как на основании археологических данных, так и на основании свидетельств письменных источников (31).

Относительно поздняя в сравнении с другими славянскими странами (32) кристаллизация польского города являлась, разумеется, важным показателем известной заторможенности основных социально-экономических процессов, происходивших в польском раннефеодальном обществе. О зарождении городов в полабо-прибалтийских землях мы уже говорили. Без сомнения, значительно раньше, чем в Польше, развилась городская жизнь в Болгарии. На территории Великой Моравии зачатки городов, возможно, относятся еще к VIII в. О существовании городов здесь в IX в. уже не приходится сомневаться. Во всяком случае, с IX в. можно говорить о существовании городов как центров ремесла и торговли на Руси.

Обзор археологической карты Польши X в. свидетельствует о довольно широком распространении в польских

землях «гродов» с подгродьями. Такие «гроды» с подгродьями появляются во всех польских землях, хотя, разумеется, и не везде они достигают одинаково крупного масштаба. Типичными для X—XI вв. были, по-видимому, небольшие поселения городского типа, о которых мы можем судить по раскопкам в Ополе. Здесь на небольшом пространстве, ограниченном валами, удалось открыть свыше ста тесно примыкавших друг к другу жилых помещений. Раскопки помогают установить, что население занималось ремеслом. Значительная часть ремесленных мастерских находилась за пределами валов, в предместьях. Токари, бондари, колесники обрабатывали дерево. Отдельные специальности представляли металлурги, кузнецы, слесари, гончары и даже сапожники. Отдельные ремесленники занимались изготовлением игл и ножей. Были в Ополе и свои ювелиры (33). Совсем маленький центр зарождавшейся городской жизни был обнаружен в Старом Бродце, около Варшавы, в Мазовии (34).

Но наряду со сравнительно скромными торгово-ремесленными центрами уже в X в. появились по тем временам и довольно значительные городские поселения. Такими крупными городскими поселениями были Волин, Колобжег, Гнезно, Познань, Крушвица, Вроцлав и Краков (35). Что касается Волина и Кракова, то прямое указание на них как на центры городского типа (36) содержится в известной записке о славянах Ибрагима ибн Якуба. Для нас особенно важно, что в качестве городов в середине X в. рассматривает их именно купец, а кому было в то время лучше разбираться в такого рода вещах, если не купцу. В Волине он определенно видит крупный город: «Есть у них (волянян. — В. К.) сильный город над океаном [или Балтийским морем] с двенадцатью воротами. Город этот имеет пристань...» (37). Очевидно, основы более позднего расцвета Волина, ведшего обширную торговлю на Балтике, были заложены уже в X в. В XI в. он считался, по словам Адама Бременского, в ряду крупнейших европейских городов.

Отличительной чертой городской жизни была сравнительно большая плотность населения. Если в деревне в среднем она составляла 50 человек (обычное число жителей силезских деревень) (37а) и в редких случаях —

150—200, то даже в небольшом городке она уже тогда достигала несколько сот человек. В таком среднем по размерам городе, как Ополе, проживало в X в. около 800 человек, а если считать и предместья, то, вероятно, не менее тысячи (37б). Гораздо большей была численность населения в таких городах как Волин, Щецин, Краков, Познань или Гнезно, где она достигала нескольких тысяч человек (37в). Весьма показательно появление уже в X в. в польских городах мощенных деревом улиц. Такие улицы были обнаружены при раскопках Ополя (37г).

Как правило, города возникали вокруг старых «гродов». На генетическую связь территориальной общины или, точнее, ее центра с позднейшим городом указывает сравнение ст. 13 Краткой со ст. 34 Пространной Русской Правды, в которых альтернативно употребляются термины «город» или «град» и «мир» (38).

Для возникавших вокруг гродов подгродий немаловажное значение имело их географическое положение. В том случае, если город был расположен на перекрестке оживленных торговых путей на переправе или в часто посещаемом и удобном для возникновения порта устье реки, для его развития создавались исключительно выгодные условия. Наличие в той или иной местности постоянного торга, куда стекалось окрестное сельское население и куда приезжали иноземные купцы, могло определять возникновение именно здесь города (38 а).

Главным, однако, для городов в целом была степень связи их с формирующимся локальным рынком, способным потребить производимую городскими ремесленниками продукцию. От этого прежде всего зависела судьба основной массы возникших в X в. городов. Не все они смогли в дальнейшем вырасти в крупные ремесленные и торговые центры. Многие из них быстро захирели, иные, пришли в упадок в результате неприятельского разорения, не сумев восстановить своего бывшего значения, как например, Гнезно в XI в. Но какова бы ни была судьба отдельных городов, городская жизнь, возникшая в Польше в X в., в дальнейшем становилась все более интенсивной, играла все большую роль в феодальном обществе.

В точном смысле слова городская жизнь в X—XI вв. развивалась главным образом в подгродьях. Здесь, как

правило, теснились постройки ремесленников и купцов и происходили торги. Сюда устремлялись порывавшие с общиной ремесленники, тут же находили приют, а если считали выгодным, и продавали свои товары проезжие купцы — как польские так и иностранные. Последних, впрочем, рады были видеть в самом «городе», так как их товар был рассчитан главным образом на знатных и возможных.

В подгородьях сосредоточивались главным образом такие ремесла, которые требовали большой и специальной

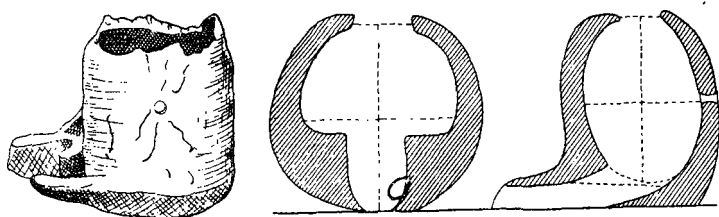

Рис. 9. Плавильная печь (из раскопок в Силезии)

выучки, сравнительно сложной организации производства и которые не могли обеспечить постоянный сбыт своей продукции в деревне. В первую очередь здесь развивались добыча железа, производство железных орудий труда и оружия, ювелирное дело, гончарное производство, обработка рога, а зачастую и изготовление колес, бочек и других изделий из дерева. Особые ремесленники трудились над изготовлением обуви и одежды.

Нечего и говорить, что население подгородий X—XI вв. не порывало и с сельским хозяйством. Даже значительно позже занятие земледелием, наличие своего скота и птицы были типичным явлением для феодального города. Для многих сельское хозяйство оставалось, вероятно, и в условиях жизни в подгороде главным занятием. В этом отношении любопытна одна деталь в рассказе Галла Анонима о начале династии Пястов. Описывая события, связанные с возвышением новой династии, хроникер между прочим упоминает, что ее легендарный основатель Пяст был земледельцем, дом которого был расположен

в подгородье Гнезно — укрепленной резиденции Попеля (39). Галл Аноним рассказывал об этом как очевидец жизни современного ему города начала XII в., где фигура земледельца — жителя посада, очевидно, была нередким явлением. Тем более типичной она должна была быть для города X—начала XI в.

Появление городов в раннефеодальной Польше свидетельствовало о быстром развитии начавшегося значительно ранее процесса отделения ремесла от земледелия. Выделение городов как центров ремесла и торговли из сельскохозяйственной округи было подготовлено успехами ремесленной техники и ростом значения обмена в жизни общества, являлось закономерным этапом в его развитии. Первоначально торговоремесленное население городов состояло из выходцев из деревни. Деревенские ремесленники прибывали в города и в дальнейшем, увеличивая собой численность городского населения. Городское производство оказывалось таким образом неразрывно связанным с сельским ремеслом, выросло из него, впитывало его многовековые традиции (39а). В свою очередь, города явились в дальнейшем могучими рычагами прогресса в области производства и обмена, не говоря уже об их роли в развитии культуры.

* * *

Каким бы, однако, огромным шагом вперед не представлялось нам появление городов, все же необходимо отметить, что в X—XI вв. они играли сравнительно небольшую роль в жизни народа. Крестьянин-земледелец сам строил свое жилье, сам возводил хозяйственные постройки. Крестьянская семья не нуждалась в том, чтобы покупать на рынке в подгородье простое платье или грубую обувь. Почти все свои потребности в ремесленных изделиях сельское население удовлетворяло само. Такие отрасли ремесла как ткачество или плотничество, имели характер домашних ремесел. Земледелец сам изготовлял в основном и свой несложный хозяйственный инвентарь. Зависимость от ремесленника-профессионала появлялась тогда, когда необходимо было приобрести железные части рала или плуга или другие металлические изделия. Но здесь на помощь крестьянину приходил чаще всего местный сель-

ский кузнец, пользовавшийся у населения, которое приписывало ему искусство чародея, огромным уважением и авторитетом. Во многом силами живших в их владениях зависимых ремесленников удовлетворяла свои потребности в ремесленных изделиях и землевладельческая знать. Несмотря на это, именно она, княжеский двор, княжеские дружинники и дружинники, находившиеся на службе możnych, купцы были главными потребителями изделий, производившихся городскими ремесленниками.

Городское ремесло было еще очень невелико по объему своей продукции и едва удовлетворяло потребности укрепляющегося государства, купцов и усиливавшейся знати. Небольшие населенные ремесленным людом посады с трудом удовлетворяли даже очень ограниченную сельскохозяйственную округу, где главный спрос на их продукцию предъявляли, видимо, сельские ремесленники и значительно реже крестьяне-земледельцы. Не всегда во-время удавалось им, наверное, обслужить своим трудом и постоянно растущие как административные и военные центры «гроды». А развернувшаяся в X в. борьба за объединение польских земель, а затем, в XI в. активная внешняя политика Древнепольского государства требовали все большего и большего напряжения от ремесленников.

В услугах польского городского ремесла нуждалась и транзитная торговля. Наконец, нельзя не учитывать, что в отдельных, впрочем, случаях ремесленные изделия польских мастеров находили себе довольно широкий рынок сбыта и за пределами страны. Так изготовленные специалистами-каменщиками жернова (одна из мастерских по изготовлению жерновов открыта у горы Собутка в Силезии) находили себе сбыт даже в Шлезвиге. Иными словами, несмотря на абсолютно нетронутый натуральный уклад экономической жизни общества, между производственными возможностями ремесла и потребностями в его продукции существовал значительный разрыв. Повсеместное появление в Польше в X—XI вв. ремесленных подгородий как будто бы полностью подтверждает такое предположение.

Технический прогресс, достигнутый в описываемый период в области ремесла, легко прослеживается на гончарном производстве. Ручной гончарный круг был давно

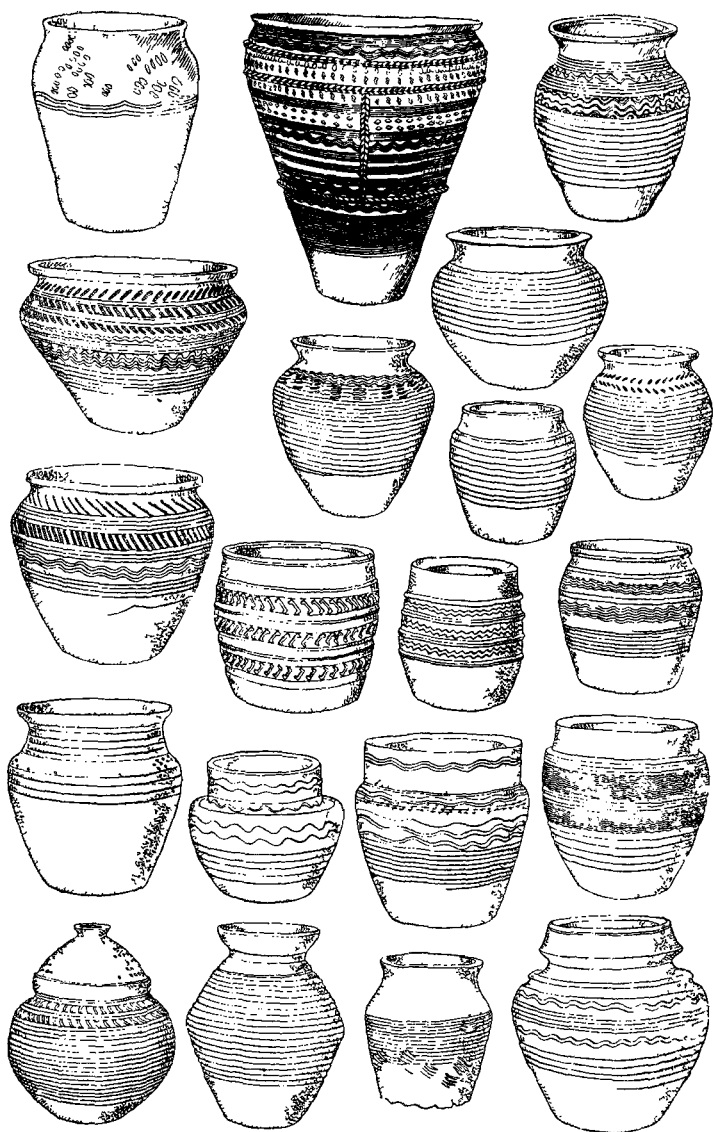

Рис 10 Керамика раннефеодального периода

известен польским славянам. В половине X в. был, по-видимому, применен уже и ножной гончарный круг, вызывавший быстрый количественный рост производства гончарных изделий (40). Известно, что его применение всюду определяло выделение гончарного дела в специализированную отрасль ремесла, имело своим следствием появление гончара-профессионала (41). Именно в середине X в. появляются многочисленные мастерские гончаров, расположенные на подгородьях или в ближайших к «городам» деревнях. На своих изделиях они уже ставят клейма. Одновременно наблюдается процесс упрощения и стандартизации орнамента. Все это свидетельствует о том, что производство гончарных изделий приобретало массовый характер, появилась конкуренция между мастерскими и между отдельными ремесленниками (41a).

О высоком уровне развития гончарного ремесла в Польше говорит и тот факт, что польская керамика являлась предметом вывоза из Поморья в Швецию и что она оказала весьма заметное влияние на развитие гончарного производства в Германии и Прибалтике (42).

Высокого уровня и сравнительно широких масштабов достигло в то время и производство железа. В области металлургии самым важным явлением было, очевидно, датируемое X в. знакомство со способами получения стали, являвшейся тогда сравнительно дорогим металлом (42a). В этот исторический период польские металлурги овладели также, по всей вероятности, и секретом добычи железа не только из болотных, но и из содержащих большой процент металла (до 70—80%) гематитовых руд (43), что значительно повышало производительность труда.

Успехи металлургии обеспечивали технический прогресс и во всех других, связанных с обработкой металла, областях производства, прежде всего, в производстве оружия. О больших достижениях польских металлургов говорит такой яркий факт, как самостоятельное открытие ими секрета изготовления дамаской стали. Вслед за русскими польские металлурги уже в XI в., как показали раскопки в городе Ополе, сумели овладеть этой важной производственной тайной, над разгадкой которой напрасно бились оружейники средневековой Европы (43a).

Отмечая успехи ремесленного производства нельзя не коснуться ювелирного дела. В поделку шло главным обра-

зом серебро. Можно предполагать, что в небольших размерах серебро добывалось в самой Польше, однако, в основном оно ввозилось (44). Сюда оно попадало как в виде сырья, так и в виде монет и дорогих украшений. При отделке серебра употреблялась филигранная и грануляционная (орнамент составляется из мелких зерен) техника обработки. Впервые эта техника появляется на территории Польши на рубеже II—III в. н. э. После продолжительного перерыва мы встречаемся с ней только в X в. На этот раз она была воспринята с востока (45).

В то время, о котором идет сейчас речь, добыча каменной соли скорее всего не была еще известна польским славянам. Распространенным способом добычи соли было вываривание ее из соляных источников. Известная часть соли, потребляемой в стране, ввозилась из-за границы.

* * *

По мере развития ремесла увеличивался и обмен, в свою очередь способствовавший количественному и качественному росту ремесленного производства. В IX—XI вв., когда международное положение Польши столь радикальным образом изменилось (об этом мы уже говорили в другом месте), значительно более широкие, чем прежде, возможности открылись и для внешней торговли. Для развития обмена внутри страны первостепенное значение имело оформление единой государственности. К сожалению, наши сведения об обмене внутри страны очень ограничены.

Археологические данные дают слишком мало материала для характеристики внутренней торговли. Все же сам факт существования вокруг «гродов» ремесленных поселков позволяет считать, что изделия ремесленного производства находили сбыт на местных рынках. В них нуждались знать и дружинники, княжеская администрация, купцы и сельские ремесленники. «Грод» с торгово-ремесленным подгродьем непосредственно экономически связывался с окружающей его сельскохозяйственной округой. По-видимому, внутренняя торговля развивалась главным образом в форме меновой торговли. Впрочем, последний вывод нуждается, возможно, в некоторых коррективах. Анализ

археологического материала, относящегося к Поморью дает основание предполагать, что в X в. серебро, бывшее до того лишь товаром в меновой торговле, начинает выполнять функцию средства обмена.

В качестве денег употреблялись куски арабской серебряной монеты и просто куски серебра. Важно отметить, что усиленный приток серебра с Востока и Западной Европы приходится в Поморье на середину X в., совпадая по времени с подъемом ремесленного производства (46). Но так могло быть только в передовых, связанных с внешним рынком областях страны. Платочки из очень топкого материала, о которых упоминает Ибрагим ибн Якуб как о платежном средстве, заменяющем деньги в Чехии (47), едва ли могли получить широкое распространение и долго удержаться в обороте. Однако показателен сам факт, что по его словам, платочки эти являлись в Чехии «богатством и ценой [всех] вещей». Обстоятельство это свидетельствует о том, что внутренняя торговля достигла такого размера, когда отсутствие денег как средства обмена чувствовалось очень остро. Такое положение, видимо, создавалось и в Польше. Не случайно, что при Мешко I (960—992) и Болеславе I (992—1025) в Польше появилась собственная монета.

Торговые связи с заграницей поддерживались главным образом с помощью купцов-посредников из соседних славянских стран, скандинавов и евреев. Последние были хорошо известны в Польше уже в X в. Торговля с заграницей и транзитная торговля играли заметную роль в жизни многих польских городов, лежавших на важных торговых путях. Особенно, может быть, показателен в этом отношении пример Ополя, бывшего в X—XI вв. городом среднего масштаба. Археологическое обследование слоев, датируемых X—XII вв. показало, что в это время Ополе участвовало в широкой международной транзитной торговле между Европой и Азией. Среди найденных вещей попадаются и предметы, происходящие из Фландрии или Пиренейского полуострова, из Чехии, Киевской Руси, Ближнего Востока, Малой и Средней Азии и даже из стран Дальнего Востока, — Китая и Индии (47а).

О большом внимании и заинтересованности в торговле, определенно говорят такие факты, как постройка

«городов» при переправах через реки, устройство мостов, гатей и т. д. Важно отметить, что предметом внешней торговли были не только дорогие вещи, украшения и оружие, но и предметы массового потребления. В Германию, например, вывозились каменные жернова местного польского производства. В Скандинавию шла польская керамика. Из Киевской Руси, наряду с украшениями и шлемами, ввозили с начала XI в. в очень большом количестве пряслица из розового шифера. Об очень тесных торговых связях польских земель с Киевской Русью свидетельствуют факты сильного влияния древнерусского гончарного искусства на польское, особенно заметное в технике цветной поливы (48). Тесные торговые связи существовали также между польскими славянами и Чехией и Германией. Торговые сношения с последней поддерживались в основном через купцов-посредников. Предметом ввоза были мечи и монеты. Менее изучены торговые связи с Восточной Пруссией и Прибалтикой. Известные пока данные не дают оснований предполагать оживленного торгового обмена с этими странами. Зато несомненно очень оживленной была торговля со Скандинавией, куда вывозились мед, гончарные и ювелирные изделия и откуда поступало оружие, серебряные изделия и монеты. Наиболее тесные торговые связи существовали между Скандинавией и Поморьем, если судить по данным археологических раскопок. С X в. поморские города во главе с Волином начинают играть все более заметную роль в развитии торговли и мореплавания на Балтийском море.

Через Скандинавию польские земли оказывались связанными с обширным арабским рынком, поглощавшим огромное количество рабов и мехов, поступавших из северных стран, в том числе и из Польши. Из польских земель в этой торговле участвовали главным образом западные и северо-западные части страны (Поморье и Великая Польша), связанные многочисленными торговыми путями с Балтийским морем. По-видимому, нельзя считать случайным тот факт, что к востоку от Вислы почти не встречаются на польских землях клады арабских монет (49).

Балтийская торговля способствовала быстрому подъему и расцвету поморских городов — Волина, Колобржега, Гданьска, особенно заметному в первую треть XI в., и

отчасти может быть великопольских городов — Гнезно и Познани (50).

Для юго-восточной части польских земель (Малая Польша) наибольшее значение имели торговые связи с Киевской Русью. Через нее шли торговые пути, связывавшие Запад и Восточную Европу с Византией и странами Средней Азии, Ближнего Востока, Китаем. Когда в причерноморских степях появились воинственные кочевники — печенеги, торговые пути Руси и Византии с Хазарским рынком оказались под угрозой. Главное значение для транзитной европейской торговли приобрела круговая дорога от расположенного в устье Волги Хазарского Итиля на Великие Булгары и Киев. На этом пути вырос в качестве крупного центра транзитной торговли и стал подлинным городом к середине X в. — Краков, откуда шла торговая дорога с одной стороны через Ополье, Вроцлав, Клодзко и Либнице на Прагу, с другой — на Киев через Перемышль — Галич (51). В качестве важного торгового центра выдвигался Перемышль, где скрещивались дороги на Русь, Словакию и Венгрию. Здесь был найден большой клад серебряных куфических монет чеканки среднеазиатских Саманидов (874—998) (52). Этот торговый путь имел очень важное значение и для Германии, особенно после того, как в начале X в. под ударами венгров пала Великая Моравия и торговый путь по Дунаю был на долгое время прерван.

5 РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В IX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XI в. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Прогресс в развитии производительных сил повлек за собой быстрое развитие во второй половине IX, X и первой трети XI вв. феодальных производственных отношений. Ярким показателем роста в это время феодального уклада является многочисленность городов, разбросанных по всей территории Польши. Только на территории современного Опольского воеводства для периода IX—XIII вв. зарегистрировано около 200 «городов». Известная часть их уже существовала, конечно, и в рассматриваемый нами момент. В большинстве случаев эти «города» являются типичными феодальными усадьбами и располагаются в основном в наиболее плодородных, удобных для сельского хозяйства районах (1).

Энергично укреплявшая свое исключительное политическое положение в обществе землевладельческая знать стремилась подчинить своему господству свободных общинников, завладеть их землями. В зависимость от богатых и знатных попадало все большее число как отдельных общинников, так и целых общин. В ходе феодального наступления вырабатывались юридические формы зависимости и методы эксплуатации непосредственного производителя материальных благ — крестьянина.

В X — первой трети XI в. в Польше можно говорить уже о сформировавшемся в основном феодальном обществе, в котором господствующее положение занимал феодальный уклад. Рабовладение играло в этом сложном историческом процессе своеобразную вспомогательную роль, способствуя росту экономического, а следовательно,

и политического господства растущей землевладельческой знати, создавая благоприятные условия для быстрого количественного роста зависимого населения и оформления феодальных форм эксплуатации.

О том, что Польша X—начала XI вв. уверенно шла по феодальному пути развития, бывшему, бесспорно, прогрессивным для того времени, самым недвусмысленным образом свидетельствует факт появления городов и городской жизни. Появление городов везде в человеческом обществе было связано с переходом к классовому строю, везде оно означало смерть старого, основанного на родовых началах, общественного строя. Эту закономерность подчеркивал еще в свое время Ф. Энгельс: «Подаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию» (1а).

Получивший широкое развитие процесс укрепления феодальных производственных отношений происходил в Польше, как и во всех странах, в тесной связи с развитием государственности как аппарата господствующего класса для подавления сопротивления класса эксплуатируемого. Возникнув на основе столкновения антагонистических классовых противоречий, государство — эта важнейшая часть феодальной надстройки — сыграло огромную активную роль в укреплении и оформлении нового, феодального производственного базиса. Главной задачей государства как надстройки, как аппарата господства меньшинства над громадным большинством населения было прямое политическое подавление основного производителя материальных благ в обществе — крестьянина-общинника. Создание государственной организации вполне отвечало основным классовым интересам землевладельческой знати, классу феодалов в целом, несмотря на то, что в ходе ее образования могли пострадать и пострадают имущественные и политические интересы отдельных знатных семей и даже целых групп знати. Это не была, разумеется, слишком дорогая цена для всего господствующего класса. Сказанное выше объясняет, как кажется, почему степень интенсивности формирования единого феодального государства может служить в известной мере показателем темпов развития в древнепольском обществе феодальных производственных отношений.

Первыми примитивными формами раннефеодальной государственности в Польше были так называемые «племенные» княжения — территориальные организации сравнительно небольшого масштаба. Позднее, около середины IX в., в историческом развитии страны вполне определенно начинает браться верх тенденция к образованию крупного раннефеодального государства, что свидетельствовало, очевидно, о резко возросшей интенсивности процессов феодализации в древнепольском обществе. Обстоятельство это и позволяет рассматривать середину IX в. как важный рубеж в истории раннефеодальной Польши — начальный период образования Древнепольского государства.

* * *

Образование единого раннефеодального польского государства шло путем постепенного объединения под главенством наиболее сильного княжества многочисленных племенных княжений. Процесс этот начался в середине IX в. Он развивался неравномерно в разных частях страны создавались самостоятельные очаги, вокруг которых происходила консолидация отдельных княжеств. Этот процесс закончился во второй половине X в., когда под властью великопольской династии Пястов объединились все польские земли. Внешняя опасность, необходимость совместных усилий для обороны могли лишь ускорить процесс консолидации племенных княжений.

Довольно рано тенденции к консолидации племенных княжений в рамках более крупной государственности наружились на Западном Поморье. Удалось установить, что строительство здесь новых «гродов» велось с таким расчетом, чтобы нарушить старые границы «племенных» княжеств и ликвидировать племенную обособленность. Это свидетельствует как будто бы о попытках усиливающейся центральной власти подавить племенной сепаратизм. Однако складывавшаяся здесь в IX—X вв. политическая организация оказалась довольно непрочным объединением (2).

Возможно, что первоначально наличие внешней угрозы, прежде всего со стороны вторгавшихся с моря дружин скандинавских викингов и датчан, способствовало процес-

су консолидации отдельных племенных княжений. Однако в дальнейшем условия постоянного враждебного окружения (помимо скандинавов, давление на Поморье осуществлялось в X в. как со стороны Лютического союза, так и со стороны великопольского князя) должны были серьезно затормозить процесс укрепления центральной власти, ослабить ее возможности в борьбе с сепаратистскими тенденциями отдельных групп знати и мелких «племенных» династов. Эта отрицательная, в данном случае для политического развития Поморья, роль внешнего фактора, быть может, тем более заметна, что в IX—X вв. территория поморян являлась экономически одной из наиболее передовых польских земель.

Особенно характерной чертой западнопоморского союза в X—XI вв. была оживленная городская жизнь. Одним из древнейших польских городов был Волин-Иомсбург (3). Позже выдвинулся Щецин. В X в. городом был уже Колобжег, а на Восточном Поморье — Гданьск, который был расположен несколько в стороне от современного Гданьска. Уже в X—XI вв. поморские города вели значительную внешнюю, в том числе транзитную торговлю (4). Сами поморяне были природными моряками. Их легкие суда бороздили балтийские волны. Морская торговля сочеталась с пиратством — этим неизбежным спутником торговли на море в средневековье.

Показателем развитой городской жизни на Поморье были быстрые темпы имущественного и социального расслоения в городах. Интересы богатой и знатной верхушки поморянского общества были тесно связаны с морской транзитной торговлей. На Западном Поморье уже в тот период начали складываться богатые города-республики, в которых главной силой являлась знать. Фигура сильного князя отнюдь не устраивала этих могущественных землевладельцев, полу-купцов, полу-пиратов. При таких обстоятельствах не было благоприятных условий для формирования сильной центральной княжеской власти. Развитие Поморья является в этом отношении ближайшей исторической аналогией для развития нашей Новгородской Руси.

Особенностью социальной организации у поморян было и наличие мощного жреческого сословия, придававшего возникшему государственному объединению теократический оттенок. Развитое жреческое сословие, так или иначе

противопоставлявшее себя князю, разумеется тоже мешало формированию у поморян сильной центральной власти (5).

Значительно большей внутренней консолидации достигла, по-видимому, крупная государственная организация в Малой Польше. Здесь, в основном, так же как и в других польских землях, но в отличие от Поморья, господствующий класс в целом поддерживал растущую княжескую власть. К сожалению, в письменных источниках очень скупо освещена история Малопольского государства. Сохранившийся в Великопольской хронике (6) так называемый малопольский цикл легенд свидетельствует, правда, о том, что образование относительно крупного государства в Малой Польше также шло за счет консолидации и поглощения мелких «племенных» княжений более крупным или сильным. Пока нет возможности точно установить, когда начался этот процесс. Не исключено, что он мог уже обозначиться к началу IX в. (7). Инициативу объединения взяло, по-видимому, на себя «племенное» княжество вислян, живших в окрестностях Кракова и подчинивших постепенно своей власти племенное княжение сандомирян (8). В результате восточной экспансии молодого государства в его состав оказалась включенной и люблинская земля, этнически более близкая к Мазовии (9). Таким образом, возникло довольно большое государство. Житие Мефодия, составленное в конце IX или начале X в., но во всяком случае, не позднее первой половины X в. говорит о том, что во главе этого государства в последней трети IX в. стоял сильный князь «в Вислех» (10).

К сожалению, источники ничего не говорят о внутренней организации Малопольского государства. Одно только, по-видимому, вполне очевидно: княжеская власть у вислян достигла большого развития. Не случайно в житии Мефодия подчеркивается, что речь идет о могущественном князе. На показания автора жития, которому были известны такие выдающиеся и могучие государи феодальной Европы, как Ростислав или Святополк Моравские, можно здесь вполне положиться. По-видимому, усилившемуся вислянскому князю удалось не только объединить малопольские земли, но и ликвидировать или поставить под жесткий контроль местные династии в отдельных «племенных» княжествах.

Дальнейшее развитие Малопольского государства, перед которым возникала заманчивая перспектива стать центром, объединяющим вокруг себя остальные польские земли, оказалось, однако, прерванным в результате великоморавского завоевания. Это произошло между 874 и 885 или, может быть, между 876—879 гг. (11). Местная польская династия, по-видимому, была свергнута. Вплоть до падения Великой Моравии политическая история малопольских земель была частью политической истории Великоморавской державы, обеспечившей себе после разгрома вислянского князя господствующее положение на важном торговом пути, шедшем через Моравские ворота на Краков и Русь.

Освободившись после 906 г. от великоморавской зависимости, висляне затем оказываются в составе Чешского княжества (12). Ибрагим ибн Якуб в 966 г. определенно говорит о принадлежности Чешскому государству Кракова (13), Последний, по свидетельству Козьмы Пражского, лишь в 999 г., при Болеславе Храбром вошел в состав Древнепольского государства.

Великоморавское завоевание Малой Польши было тесно связано с проблемой христианизации вислян. Согласно житию св. Мефодия, христианство начало проникать к ним еще до завоевания, но встречало упорное противодействие со стороны княжеской власти. Житие дает даже основание полагать, что к князю вислян была направлена из Великой Моравии специальная миссия из учеников Мефодия. Только после неудачи ее могущественный сосед приступил к прямому завоеванию Вислянского княжества. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что князь вислян оказывался таким упорным противником христианства. В окружавших его конкретных исторических условиях принятие христианства неизбежно должно было означать политическую зависимость Малой Польши от Великой Моравии.

О том, что в Великой Моравии думали прежде всего о политическом подчинении вислян, через территорию которых проходил важный международный торговый путь, лучше всего свидетельствует сама трагическая судьба княжества.

Вслед за завоеванием последовало крещение по славянскому обряду. Очевидно, великоморавский правитель

очень высоко ценил свое новое приобретение и стремился укрепить там свое влияние. В Кракове было, по всей вероятности, учреждено даже отдельное епископство. Известны имена краковских епископов конца IX и начала X в., служивших, конечно, на церковно-славянском языке: Прохор и Прокул. Зато с ликвидацией власти Великой Моравии в стране временно могло вновь возобладать язычество (14).

Можно предполагать, что аналогичные тенденции к образованию на основе поглощения «племенных» княжений более крупными государственными образованиями существовали и в Силезии и в Мазовии. Если, однако, около середины IX в. такой процесс и происходил в Силезии (15), то вскоре он должен был быть прерван чешским завоеванием. Что касается Мазовии, то здесь на пути достаточно интенсивного развития объединительных тенденций стояла общая социально-экономическая отсталость края.

При таких условиях инициатива объединения всех польских земель в единое государство естественно переходила к Великой Польше. Первоначально, правда, сравнительно крупную государственность удалось, по-видимому, создать князю гоплям с центром в Крушвице. Под властью гоплян в первой половине IX в. могли находиться Куявы и значительная часть Великой Польши. На такую мысль наталкивает сообщение Баварского географа о том, что гопляне имели 400 или даже более того опольев или «гродов». Следовательно, это было сравнительно крупное объединение (16).

Однако уже вскоре руководящая роль перешла к князю полян с центром в Гнезно. На Гнезно как на первоначальную столицу подымавшегося Великопольского государства прямо указывает в своей хронике Галл Аноним (17). Легенды, записанные в его хронике, позволяют восстановить в самых общих чертах начальную историю Великопольского государства. Согласно им, первой княжеской династией, правившей у полян в Гнезно, была династия Попелидов. Кажется, нет оснований отвергать это показание хрониста (18).

Тем более, нет оснований отрицать исторического значения за сообщением хроники о происшедшей у полян смене династии, в результате чего Попелиды сошли с исторической сцены, а власть в княжестве полян перешла к новой

династии Пястов. Нет оснований и не признавать историческими лицами первых князей из новой династии, названных в хронике Галла Анонима. Тот факт, что он писал на основании сохранившейся при дворе традиции, не стремился приукрасить свой рассказ о первых Пястах какими-либо подробностями, ограничившись довольно сухой характеристикой, — все это придает цену его показаниям (19).

К сожалению, нет возможности точно определить время, когда произошел династический переворот у полян. Во всяком случае, его следует датировать временем не позже конца IX в. (20), если не раньше.

По преданию первым представителем династии Пястов был Земовит, затем — Лешек и Земомысл. Ничего или почти ничего не известно об их государственной деятельности. Трудно нарисовать их портреты. Все же можно думать, что первые Пясты были людьми сильной воли, по-своему обладавшими недюжинными дипломатическими способностями. Это были, конечно, мужественные воины, большая часть жизни которых проходила в походах и схватках. Только такие люди могли выйти победителями из сложной, полной неожиданностей, интриг и коварства борьбы за власть между могущественными фамилиями. Пусть кругозор их, на наш взгляд, и был еще очень узок, но они упорно добивались своих, пока еще не слишком отдаленных, целей и придавали высокое значение своему княжескому сану. Едва ли будет ошибкой предположить, что их образ жизни мало чем отличался от образа жизни русского Святослава, который «ходя воз по собе не возяще, ни котла, ни мяс варя но по тонку изрезав конину ли (21), зверину ли или говядину, на углех испек ядяху, ни шатра имяше, но подъяклад послав и седло в головах» (22).

Как хорошо согласуется такое представление о первых Пястах со скупыми словами хрониста об их славных бранных подвигах и о быстром территориальном росте Великопольского государства при предшественниках Мешко I: «Земовит же, достигнув княжеского сана, свою молодость проводил не в бесцельных забавах, но трудом и мечом заслужил себе громкую славу и честь. Он же границы своего княжества больше расширил, чем кто-либо до него. После его смерти место его занял сын Лешек, рыцарские подвиги которого по мужеству и отваге равнялись подвигам

гам отца. Лешку наследовал Земомысл, его сын, достоинством и потомством устроивший память о предках» (23),

К сожалению, этих показаний хрониста мало, чтобы восстановить по этапам процесс территориального роста Великопольского государства. Более или менее точные сведения о его размерах поступают только со времени сына Земомысла — Мешко I (960—992). Возможно что территориальный рост княжества Пястов был ускорен под влиянием внешней опасности, в первую очередь под влиянием воликоморавской экспансии в последней четверти IX в.

Рост и укрепление Великопольского государства шел за счет поглощения им отдельных племенных княжений.

Помимо Куяв, а также Ленчицкой и Серадзской земель, уже в самом нача-

ле правления Мешко I в состав Великопольского государства должна была входить и Мазовия. Об этом, без сомнения, свидетельствует показание Ибрагима ибн Якуба, писавшего, что страна Мешко «самая большая из их [славян] стран» и что на востоке она граничит с Русью (24). Состояние источников таково, что не дает права ничего более определенного сказать о времени присоединения Мазовии к Великопольскому государству.

Первые сообщения о современных событиях письменных источников, относящихся к половине X в., рисуют нам Великопольское государство ориентированным на запад. Это впечатление полностью подтверждают и археологические данные — результаты раскопок древнепольских «городов» второй половины X в., расположенных таким образом, чтобы облегчить продвижение великопольской экспансии на запад.

Не случайно, по-видимому, первое упоминание о Великопольском государстве в хронике сакса Видукинда под 963 г. говорит о столкновении Мешко I с лютичами и нашедшим у них убежище саксонским графом Вихманом. Подчинение Западного Поморья, где сталкивались интересы великопольского князя и Лютического союза, было,

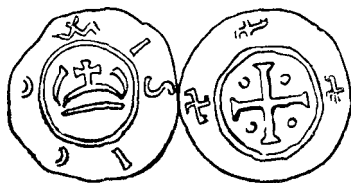

Рис 11 Монета Мешко I

очевидно, в первый период правления Мешко I, главной задачей его внешней политики (25). Это положение полностью подтверждают слова Ибрагима ибн Якуба, писавшего в 966 г.: «Воюют они [волиняне] с Мешко, а их военные силы велики» (26). Борьба за Поморье была упорной. Это была борьба за контроль над богатой балтийской торговлей, в которой активно участвовала Великая Польша.

Первое столкновение было неудачным для Мешко. По словам Видукинда, Вихман «короля Мешко, под властью которого находились славяне, называемые лщикавиками» (27), дважды победил, брата его убил и захватил богатую добычу» (28). Участие в борьбе Вихмана, заклятого врага императора Оттона I, не может, конечно, служить доказательством причастности провозглашенной в 962 Германской (Священной Римской) империи к поражению Мешко на Поморье (29), тем более, что в дальнейшем Видукинд неоднократно будет называть Мешко «другом» императора (30).

Завязавшийся здесь сложный для Великопольского государства узел противоречий определялся напряженностью польско-лютических, датско-немецких и датско-польских отношений. Известно, что Вихман находился в тесных сношениях с датским королем Гаральдом Синезубым, тоже являвшимся противником Оттона I (31).

О том, что конфликт на Поморье был частью более широких европейских противоречий, свидетельствует весь последующий ход событий. Столкнувшись с коалицией волинян и входивших в Лютический союз ратарей, за спиной которых стояла Дания, великопольский князь, который болезненно переживал свое поражение, оказался перед необходимостью поисков союзников для завершения борьбы на Западном Поморье. Очевидно, он достаточно хорошо разбирался в европейских отношениях и ему нетрудно было определить, с какой стороны можно было ожидать в данный момент поддержки. Такую поддержку могла оказать империя, ведшая борьбу с полабско-прибалтийским славянством и враждовавшая с Данией. Сближение с ней облегчалось тем, что она сама была заинтересована в это время в польском союзе. По-видимому, в 963 г. между Мешко I и Оттоном I при участии маркиграфа Герона был заключен договор. Нам неизвестны в точности его условия. Возможно, что одним из них было признание за Мешко

земель на восток от нижней Одры под условием уплаты дани (32). Однако, если даже элементы вассалитета и имелись в трактате 963 г., что вполне закономерно, учитывая высокие представления императора о мировом значении его власти, то фактически зависимость великопольского князя от Империи была, скорее всего, номинальной. Это подтверждает, между прочим, и тот факт, что Видукинд употребляет по отношению к Мешко титул король (гех), который обычно в средневековых нарративных источниках означал самостоятельного, хотя и неособенно коронованного, государя (33).

Одновременно происходило польско-чешское сближение, скрепленное браком Мешко I и дочери Болеслава I Чешского Дубравки.

Бесспорно, что в самой непосредственной связи с этими дипломатическими шагами великопольского князя стоит и факт принятия им в 966 г. христианства по латинскому обряду. Христианизация должна была серьезно укрепить международные позиции молодого государства, обеспечить великопольскому князю подобающее ему место среди феодальных государей Европы. Она давала в его руки новые возможности для широкой дипломатической акции, направленной на укрепление государства. В 966 г. христианизация способствовала скреплению союза с империей и Чехией, являлась политическим актом, оправдывавшим борьбу с волоньями-язычниками. Возможно, что, принимая христианство, Мешко думал и о необходимости нейтрализовать на будущее опасность, которую потенциально представляла для растущего польского государства Империя. Однако в 966 г. соображение это могло быть только последним в ряду других внешнеполитических расчетов великопольского князя.

Отдаленная от Польши полабско-прибалтийским славянством и сама заинтересованная в польском союзе империя не была в рассматриваемый момент такой силой, которая могла бы угрожать независимости польского государства, которая могла бы навязать ему свою религию (34). Принятие христианства, сыгравшее важную роль во внешнеполитическом развитии польского государства, имело, однако, еще более важное значение для внутреннего развития, свидетельствуя о большой политической и классовой зрелости польских феодалов. Отражая широкое

развитие феодальных отношений, акт принятия христианства, создания польской церкви сыграл огромную роль в укреплении феодального способа производства.

Для христианизации Польши важное значение имело соседство со славянской Чехией. Чешские священники появились, очевидно, при дворе Мешко I вместе с Дубравкой (965 г.). Около 968 г. прибыл в Польшу и первый польский епископ Иордан, большей частью находившийся в Познани. Он был, как кажется, уроженцем современной Бельгии. Именно благодаря ему получил такое большое распространение при дворе Пястов культ св. Ламберта (35). Епископство Иордана было миссионерским и подчинялось непосредственно Римскому престолу (36). Претензии Магдебургского архиепископа на верховную власть над польской церковью основывались на подделке, на фальшивой папской грамоте, сфабрикованной между 1004 и 1012 гг (37). Обстоятельство это представляет большой интерес. Оно свидетельствует о том, что принятие великопольским князем христианства не было связано с подчинением страны Империи в церковном отношении.

Сближение с Империей и особенно с Чехией, принятие христианства значительно упростили задачи, стоявшие перед Великопольским государством на Западном Поморье. Вторично вооруженный конфликт с волоньянами разгорелся в 967 г. И на этот раз во главе их стоял граф Вихман. Одновременно саксонские князья вели войну с ратарями, которые не могли поэтому оказать существенной помощи своим поморским соседям. Во главе похода против волоньян встал сам Мешко, получивший в помощь от чешского князя два отряда конницы. В решительном столкновении волоньяне были разбиты. Вихман погиб во время бегства. Саксам также удалось разбить ратарей и принудить их заключить мир. В результате похода 967 г. Западное Поморье оказалось включенным в состав Великопольского государства (38).

Что касается Восточного Поморья, то оно, по-видимому, еще раньше вошло в состав Великопольского государства, а правивший в Гданьске племенной князь вынужден был признать свою зависимость от Мешко I (39).

За пределами государства, превращавшегося таким образом из Великопольского в общепольское, оставались

все еще две большие коренные польские области: Силезия и Малая Польша. Обе они находились в руках союзника Мешко I — чешского князя. Очевидно, присоединение их становилось теперь основной целью внешней политики Древнепольского государства. И Силезия, и Малая Польша должны были естественно привлекать внимание его правителя. Это были богатые земли, расположенные на перекрестке важных транзитных торговых путей международного значения. Нельзя было не принимать во внимание стратегического положения в Силезии и Малой Польше, открывавших пути для наступления в центральные районы страны с юга и запада. Тем не менее в ближайшее после 967 г. время польско-чешского конфликта не произошло. Причиной тому было обострение польско-германских отношений.

Обстоятельства, приведшие к вторжению на территорию Польши маркграфа Одона в 972 г., в точности неизвестны. Фактом остается, однако, что поражение маркграфа, действовавшего, видимо, в контакте с волинянами или ратарями и стремившегося подорвать успехи польского оружия на Поморье (40), привело к резкому обострению польско-немецких отношений. Очевидно, успех польского оружия в битве под Цыцзыней на юго-запад от Щецина сильно встревожил императорский двор. Быстрый рост молодого славянского государства, опиравшегося на союз с Чехией, побудил германских феодалов пересмотреть свой взгляд на польско-германские отношения. Сильная Польша могла быть не только союзником, но и опасным противником. Поэтому германские феодалы стремились крепче привязать ее к себе, поставить в зависимое от себя положение. Император Оттон I использовал разгром Одона для того, чтобы, вызвав Мешко на съезд в Кведлинбурге (973 г.), принудить его отдать в качестве заложника своего семилетнего сына Болеслава, впоследствии занявшего отцовский престол. Стремясь избежать решительного столкновения с Империей, к которому Польша не была готова, Мешко пошел на эту тяжелую уступку.

Одновременно он попытался, однако, использовать в своих интересах противоречия между Империей и Римским престолом: волосы Болеслава были отправлены в Рим. Тем самым наследник престола ставился под опеку папы (41). Правда, в то время соотношение сил между

Империей и Римом было таково, что ставить большую ставку на использование противоречий между ними не приходилось. Важен, однако, сам факт активности дипломатии Мешко I, его умения предугадать неизбежность схватки между двумя самыми могущественными силами феодальной Европы.

Вместе с тем в политике польского князя четко выявляется курс на укрепление союза с Чехией и ослабление Империи изнутри. Здесь можно было воспользоваться оппозицией части феодальной знати, недовольной саксонской династией и мечтавшей свергнуть ее. После смерти Оттона I (973) Мешко вместе с Болеславом II Чешским поддерживает претендента на императорский трон Генриха Баварского против Оттона II. Той же самой тактики будет держаться он и в 984 г., после смерти Оттона II в момент восшествия на престол Оттона III (42). Напряжение в польско-германских отношениях спадет только к середине 80-х годов. В это время возникла новая и серьезная угроза для польского князя на Западном Поморье, которая создалась в результате победоносного восстания прибалтийско-полабского славянства против немецких феодалов-захватчиков в 983 г. Восстанием были потрясены основы немецкого владычества на восток от Лабы. Но возникла и реальная опасность нового вмешательства языческих лютичей в дела Западного Поморья. Не меньше должна была беспокоить Мешко I и перспектива языческого восстания в центральных областях государства, где вокруг борьбы за реставрацию язычества и ликвидацию христианства могли объединиться социальные низы польского феодального общества. Наконец, языческими лозунгами могла воспользоваться и часть знати, тяготившаяся сильной властью центрального князя, всегда готовая возобновить старое соперничество с возвысившейся фамилией Пястов.

Положение особенно обострилось в 986 г., когда датский король Гаральд Синезубый овладел Волином. Выступление датчан побудило Мешко I изменить свой прежний внешнеполитический курс. С одной стороны, он вновь сближается с Империей и принимает участие в немецких экспедициях против лютичей, с другой — заключает союз со шведским королем Эриком Победителем. Союз со Швецией был скреплен браком Эрика и дочери Мешко I

Святославы. В результате совместного польско-шведского выступления Волин был вновь возвращен под власть польского князя (43).

Успех на Западном Поморье, сближение с Империей, сильно стесненной в своих действиях восставшим полаб-прибалтийским славянством, так что она временно не могла представлять опасности для Древнепольского государства,— все это создало для польского князя новую внешнеполитическую ситуацию, позволившую ставить вопрос о Силезии и Малой Польше. Наступило обострение польско-чешских отношений, перешедшее в вооруженный конфликт между двумя соседними славянскими государствами.

Перевес в борьбе был на стороне Польши. Очевидно, в 990 г. Мешко I удалось овладеть Силезией (44). Помимо того, в руках польского князя оказалась по всей вероятности, и значительная часть Малой Польши. Однако Краков все еще находился во владении чехов, о чем определенно свидетельствуют источники: хроника Козьмы Пражского и так называемый документ *Dagome iudex* (45).

Очевидно, в связи с польско-чешским конфликтом наметилось в конце жизни Мешко I польско-венгерское сближение. Гейза, великий князь венгерский, был женат на сестре Мешко Аделаиде — «Белой княгине». Можно предполагать, что между 980—990 гг. сын Мешко Болеслав, оставив первую жену, взял себе другую из Венгрии. Он от нее имел сына Бесприма (46).

Итак, к моменту смерти (992 г.) Мешко I удалось объединить под своей властью, за исключением части Краковской земли, все коренные польские области. Это было, без сомнения, очень крупным достижением политики польского князя. Со смертью Мешко с исторической сцены сходил выдающийся государственный деятель, человек самого трезвого и реального ума, широкого кругозора, большого дипломатического чутья и умения, на целую голову возвышавшийся над своими противниками — «племенными» династиями и может быть предшественниками, дело которых он столь искусно продолжал. Едва ли возможно какое-нибудь сомнение в том, что этот, по всей вероятности, почти необразованный, жестокий и мстительный князь был одним из самых талантливых го-

сударей тогдашней Европы. И уж во всяком случае нельзя сомневаться в том, что у него была тяжелая рука, что олицетворяемая им княжеская власть была суровой и сильной, ибо только такой власти требовали тогдашние политические условия, только такая власть могла обеспечить коренные классовые и политические интересы господствующего класса в целом.

В годы правления Мешко I польско-русские отношения развивались, по всей видимости, мирно. Пет никаких оснований говорить о возможности вооруженных столкновений между Русью и Польшей.

Сообщение русской летописи о походе князя Владимира «к ляхом» в 981 г. и о возвращении будто бы захваченных ими Червенских городов возникло, очевидно, в результате позднейшей редакции или обработки летописного текста. До того, пока польский князь не овладел Малой Польшей, он не мог практически овладеть Червенскими городами и осуществлять там свою власть (47).

При Мешко I Древнепольское государство не только значительно расширилось территориально, но и превратилось в одно из ведущих государств на Балтийском море. Можно сказать больше: оно стало активным участником политической жизни тогдашней Европы. Польская дипломатия успешно действовала при дворе германского императора, в Швеции, Венгрии, Чехии. Стремясь обеспечить государственные интересы своей страны, она завязывает связи с далеким Римом и ведет серьезные интриги в Империи среди непокорных вассалов императора.

Для польско-германских отношений особенно важное значение имело присоединение Силезии. Отныне польские владения вплотную подходили к владениям Империи. В случае вооруженного столкновения вторжение немецких феодалов на широком фронте могло действительно составить смертельную угрозу для молодого государства. Поле для предстоящих кровавых схваток Болеслава Храброго с императором Генрихом II было подготовлено. Очевидно, предчувствуя будущие конфликты, Мешко I перед смертью (990 - 992) объявил Польшу леном Римского престола (48).

Столкновение между Империей и Польшей произошло, однако, не сразу. Умирая, Мешко, по-видимому, разделил государство между сыновьями (49). Сейчас трудно ска-

зять, каким образом были распределены между ними польские земли. Важен, впрочем, иной факт. Первые годы правления Болеслава прошли в борьбе за восстановление государственного единства. Около 995 г. борьба эта была успешно доведена им до конца. Младшие братья вместе с мачехой Болеслава Одой бежали из страны. Поморье признало свою зависимость от центрального польского князя (50).

Успехи объединительной политики Болеслава I определялись расстановкой классовых сил внутри страны, заинтересованность основной массы польской знати в сильной центральной власти, которая гарантировала бы ей «право» на эксплуатацию

Рис. 12. Монета Болеслава I

феодално-зависимых крестьян. Но междоусобия в стране не могли не повлиять на характер внешней политики польского князя. Болеслав I все это время продолжает держаться мирных и союзных отношений с Империей. В 992 г. он посылает военную помощь Оттону III под Бранибор, в 995 г. лично участвует в походе на ободритов (бодричей). Зато отношения с Чехией по-прежнему остаются весьма напряженными. Резко ухудшаются, по-видимому, и польско-венгерские отношения (51).

В период мирных польско-германских отношений завершился процесс объединения польских земель в рамках единого государства. Воспользовавшись смертью Болеслава II Чешского (999 г.), польский князь присоединил к своим владениям Краков. Присоединение Малой Польши было событием громадного значения для исторического развития Древнепольского государства. Дело не только в том, что с этого момента в его состав входила одна из богатейших польских земель со сравнительно, конечно, развитой городской торгово-ремесленной жизнью, что в руках польского князя оказывалась ключевая позиция на одном из наиболее оживленных торговых путей ранне-средневековой Европы (путь из Киева в Прагу и далее на запад), но и в том, что с окончательным присоединением территории бывшего княжества вислян Польша на большом протяжении пограничной линии оказывалась сосед-

кой Древней Руси. Это соседство имело огромное значение для дальнейшего развития польско-русских отношений, изобиловавших не только многочисленными вооруженными столкновениями, но и отмеченных оживленными экономическими связями.

Разумеется, первым следствием присоединения Малой Польши было усиление польско-русских торговых связей, которые именно теперь достигли довольно значительных размеров. Древнерусское влияние обнаруживается, как будто, в государственной организации страны: в отношении княжеской власти к церкви, в формировании понятия о неограниченной власти государя. Благодаря посредничеству Киева в Польшу проникало влияние византийской культуры, в то время безусловно более высокой, чем культура Западной Европы (52).

Для такого молодого, находившегося в опасном соседстве с Империей, раннефеодального государства, каким была Польша, особенно важное значение приобретали вопросы церковной организации. Создание своей, независимой от имперской, церковной организации должно было обеспечить и политическую независимость страны. Наоборот, подчинение польской церкви имперскому епископату создавало серьезную угрозу внешнеполитическим позициям государства. В этом свете и следует рассматривать приглашение в Польшу бывшего пражского епископа Войцеха. Это приглашение было для Болеслава Храброго, разумеется, прежде всего дипломатическим маневром. С одной стороны, делался дружественный по отношению к императору Оттону III жест (о нем было известно, что он горячо сочувствует аскетическим идеалам Войцеха и, само собой разумеется, осуждает политику чешского князя, принудившего епископа бежать из страны), с другой — производилась открытая демонстрация враждебности по отношению к Болеславу II Чешскому.

Войцех происходил из семьи либицких князей Славниковцев, истребление которых привело к ликвидации Либицкого княжества (995) и было последним актом объединения чешских земель. Приглашение Войцеха должно было быть приятно Оттону III потому, что в числе лиц, враждебных бывшему пражскому епископу, находился и Генрих Баварский, который при воцарении Оттона III претендовал на императорскую корону (53).

Политические цели преследовались Болеславом в первую очередь и тогда, когда он отправлял Войцеха в качестве миссионера к языческим пруссам. Для Империи и Рима организовывалась демонстрация, ставившая целью показать, что Польша является авангардом христианства на северо-востоке Европы. В случае успеха миссии Войцеха христианизация пруссов должна была открыть у них дорогу польскому политическому влиянию. Гибель Войцеха, убитого пруссами (997), тоже была немедленно использована польским князем, выкупившим останки «мученика» и торжественно похоронившим их в Гнезненской базилике.

Болеслав рассчитывал использовать смерть Войцеха для приобретения Польшей полной церковной самостоятельности от Империи, что, как говорилось, было гарантией ее государственной независимости. Об основании самостоятельной польской митрополии думал, по-видимому, еще Мешко I, при жизни которого велись переговоры об организации польской церкви. Видимо, в связи с этим и был составлен упоминавшийся выше документ «*Dagome iudex*», содержащий описание границ Древнепольского государства в конце правления Мешко I. Таким образом, предпринимая шаги к организации самостоятельной польской митрополии, Болеслав I только продолжал дело, начатое его отцом (54).

Возможно, что уже приглашая св. Войцеха в Польшу, Болеслав твердо рассчитывал на то, что впоследствии ему удастся получить для него архиепископию, в пределы которой вошли бы все польские земли (55). Конечно, аскетическая фигура будущего мученика представлялась более чем подходящей для исполнения этих планов польского князя. Но и смерть его оказалась вполне удобным предлогом для переговоров с папой и императором, закончившихся полным успехом польской дипломатии. В 999 г. на синоде в Риме было принято решение об образовании нового Гнезненского архиепископства. Первым архиепископом гнезненским должен был стать Гаудентий (Радим), брат св. Войцеха (56).

В Польшу Гаудентий прибыл вместе с императором Оттоном III. В Гнезно должно было состояться торжественное основание нового архиепископства и ряда епископств. В общем церковная сторона Гнезненского съезда

1000 г. была заранее настолько подготовлена, что фактически на съезде, где помимо императора Оттона III, присутствовало несколько кардиналов и епископов, все дело свелось к формальному, хотя и торжественному, провозглашению решений римского синода

В состав нового архиепископства вошли вновь основанные епископства в Колобжеге, Вроцлаве и Кракове. Два последних охватывали Силезию и Малую Польшу, т. е. те области, которые до 1000 г. подчинялись по всей вероятности, Пражскому епископству, а через него Магдебургскому архиепископству (57)

Епископ Унгер, который сменил умершего Иордана и который оставался епископом «*in partibus infidelium*», т. е. миссийным епископом, с постоянной резиденцией в Познани, превратился в Познанского епископа, но не был подчинен Гнезну. Познанское епископство непосредственно подчинялось Римскому престолу (58)

Таковы итоги гнезненского съезда в области церковной организации Польши. Основание архиепископства и епископств в Гнезно, в Колобжеге, Вроцлаве и Кракове помимо внешнеполитического значения имело большое значение и для внутripолитического развития страны — оно способствовало консолидации отдельных входивших в ее состав земель. Положение это станет вполне ясным, если учесть, что при слабости княжеской канцелярии того времени церковные органы выполняли целый ряд чисто административных функций. Границы новых церковных диоцезов, нарушая границы старых племенных княжений, способствовали серьезному ослаблению элементов племенного сепаратизма, все еще сильно дававших себя чувствовать в монархии первых Пястов (59)

Значительно труднее судить о светской стороне Гнезненского съезда. Одно абсолютно ясно: дань, которую обязан был уплачивать императору с Западного Поморья Болеслав и его отец, была отменена (60). Польша освободилась таким образом от всякой тени зависимости от Германской империи. Но ликвидацией дани дело не должно было ограничиться. Очевидно, в принципе между Болеславом и Оттоном III был решен и вопрос о коронации польского князя королевской короной. Решение это стояло, по-видимому, в связи с планами императора основать универсальную монархию со столицей в Риме, в которую на

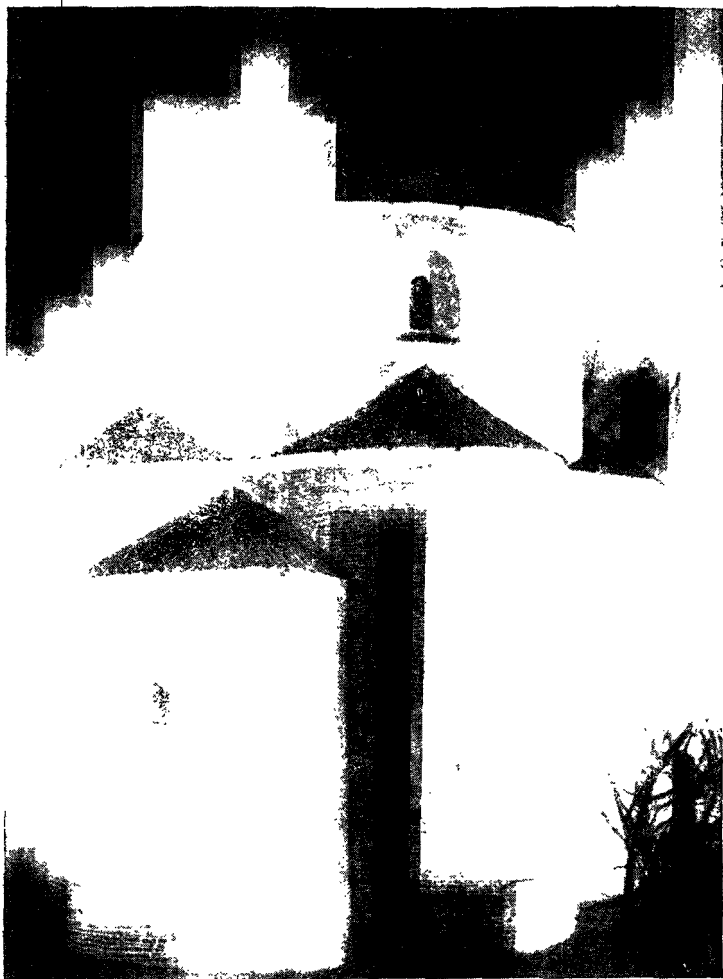

Рис 13 Ротонда св. Феликса и Адаухта на Вавеле в Кракове
XI в. (реконструкция)

равных правах должны были войти четыре члена. Италия, Германия, Галлия (т. е. территория современной Западной Германии и Бельгии) и Польша, представляющая всех славян (61).

В целом Болеслав Храбрый мог уверенно считать Гнезненский съезд огромным успехом польской политики. Так расценивали его результаты и современники. «Пусть бог простит императору, что, делая подданного (*tributarius*) господином (*dominus*), вознес его (Болеслава.—В. К.) так высоко, что тот, забыв о том, как вел себя его отец, осмеливался понемногу подчинять себе выше его стоящих ...» (62). ... писал Титмар Мерзебургский.

* * *

Во второй половине X в. завершился процесс образования относительно единого Древнепольского государства. Польша при Мешко I и Болеславе I была сильной раннефеодальной монархией, игравшей видную роль на международной арене и сумевшей добиться полной государственной независимости.

Основная историческая задача, стоявшая перед раннефеодальными государствами, заключалась в том, что они, «сплачивая доселе разрозненные племена, устанавливая свои политические границы и организуя силы для их защиты, дают возможность для дальнейшего роста производительным силам страны, способствуя расширению и усилению крупного землевладения за счет крестьянских общин, увеличению числа крупных землевладельцев, распространению их власти над целыми общинами и отдельными их членами, создавая таким образом условия и предпосылки для развития крепостнического строя» (63).

Подобно тому, как это было в Киевском государстве IX—X вв., в Польше X—начала XI в. основным производителем материальных благ был в обществе свободный крестьянин-общинник, самостоятельно ведущий свое хозяйство. Пахотные участки давно уже перешли в полное распоряжение отдельных семей, так что уже в XII в. в Польше исчезли какие-либо следы переделов земли между общинниками. Память о переделах настолько стерлась, что Галл отмечает обычай переделов как отличительную черту общественной жизни у прусских племен (64).

Главная масса сельских территориальных общин не была, по-видимому, еще включена в систему феодальных владений, хотя феодальный уклад непрерывно рос и развивался, а в феодальную зависимость попадало все большее число прежде свободных и самостоятельных общинников. Наряду с феодально-зависимым населением, существовали и рабы.

Основным источником рабства оставался плен. В рабское состояние мог попасть и свободный человек. Так, судя по житию Пяти братьев-мучеников, составленному в начале XI в. св. Бруно, в рабов могли обращаться преступники, которые и заменялись казнью потерей свободы (65). Дети рабов наследовали рабское состояние своих родителей (66).

В качестве рабочей силы рабы использовались в хозяйстве крупных землевладельцев, выполняли функции дворовых слуг при князьях и знати. Тот факт, что при использовании раба как рабочей силы в крупном хозяйстве оказалось выгодным предоставлять в его пользование небольшой участок земли, сыграл большую роль в процессе сближения рабства с феодальной зависимостью (67).

По всей вероятности, рабы применялись не только в сельском хозяйстве; в городах, как и на Руси, в то время труд рабов могли использовать богатые ремесленники и купцы. Значительная часть рабов продавалась на внешних рынках. О вывозе рабов из западнославянских стран упоминает Ибрагим ибн Якуб. По его словам работорговля находилась в руках еврейских и венгерских купцов (68).

Ведущим и развивавшимся в экономическом строе Польши X — начала XI в. являлся феодальный уклад. Феодально зависимому крестьянству противостояли крупные землевладельцы-феодалы, те самые «оптиматы», которые окружали Мешко I и о которых упоминает Видукнид. Они эксплуатировали в своем хозяйстве одновременно и труд бывшего свободного общинника и труд раба.

Рост феодального землевладения шел за счет захвата знатью (и князем) общинных земель и превращения свободных общинников в феодально зависимое население. К сожалению, состояние источников таково, что они почти ничего не говорят о размерах крупного феодального

землевладения. Поэтому особое значение получают свидетельства сохранившегося в Киево-Печерском Патерике рассказа о Моисее Угрине, попавшем в 1018 г. в плен к Болеславу Храброму. В качестве пленного он был отдан некой женщине «от великих», которая была вдовой какого-то вельможи. Желая убедить Моисея жениться на ней, женщина эта стала показывать ему свои владения: «...всаждает его на кони, с многими слугами, и повеле водити его по градом и по селам, яко же доволест ей, глаголющи ему: «сиа вся твоя суть; яже угодна суть тебе -- твори, яко же хочещи о всем». Глагола же и к людемь: «се господин вашъ, а мой мужъ. Да вси, сретающе, поклоняйтеся ему». Бяху бо мнози служаще тои рабы и рабыня» (69). «Грады» или по-польски «гроды», упоминаемые в рассказе о Моисее Угрине, это, конечно, укрепленные усадьбы, обычные резиденции землевладельческой знати.

Конечно, были в Польше в описываемое время более крупные и более мелкие феодалные имения.

С усилением центральной княжеской власти, присвоившей себе верховное право на землю, крупное феодалное землевладение стало формироваться из отдельных лиц, главным образом из бывших княжеских дружинников, путем передачи им, обычно на условиях несения службы в пользу князя, населенных земель. Так формировалось условное феодалное землевладение, и наряду со знатью стала появляться служилая прослойка класса феодалов (*milites*). Об одном из таких случаев пожалования земель за заслуги рассказывает Галл Аноним, описывая борьбу Казимира I за присоединение восставшей Мазовии. Простой воин, спасший жизнь князю, был щедро награжден. Казимир «и грод ему дал и возвысил до положения знатного» (70). Такие пожалования практиковались, само собой разумеется, не только в 40-х годах XI в., но и значительно раньше того времени (71). Пожалования эти давались не только в условное, но и в вечное наследственное владение. Об этом свидетельствует практика конца XI -- начала XII в. (72).

Параллельно росту княжеских земельных пожалований постепенно должно было сокращаться значение системы, определенной К. Марксом как феодализм без ленного пожалования, или лены, состоявшие из даней. Источники засвидетельствовали наличие такой системы

эксплуатации населения в Киевской Руси. Разумеется, она была и в Польше, хотя интенсивное ее развитие особенно характерно для более ранних стадий образования государства и развития феодальных отношений.

Активную роль в укреплении феодальных отношений в обществе играло не только государство, но и христианская церковь. Сам факт принятия христианства в Польше, как и в других странах, был прямым следствием развития этих отношений. Почти у всех европейских народов именно христианская церковь являлась важнейшей частью феодальной надстройки, санкционировавшей и помогавшей развиваться феодальному базису.

Правда, христианство или соперничающие с христианством другие мировые феодальные религии (магометанство, нуданзм) не были единственной формой идеологической надстройки, помогающей развитию феодального базиса. Например, у полабо-прибалтийских славян и поморян, у которых тоже шел процесс становления феодальных отношений, эту задачу осуществляло трансформировавшееся язычество с богатым и влиятельным жреческим сословием и развитым пантеоном, возглавляемым верховным божеством (73). Следовательно, славянское язычество имело в себе элементы, которые позволяли ему становиться идеологической надстройкой феодального базиса. В этом плане особенного внимания заслуживает попытка религиозной реформы князя Владимира на Руси накануне принятия христианства. Очевидно и здесь речь шла о намечавшемся приспособлении язычества к функциям феодальной надстройки. К сожалению, то немногое, что известно нам о польском язычестве, не дает оснований судить о степени интенсивности процессов приспособления его к функциям феодальной надстройки.

Как бы то ни было, главным остается факт, что полабо-прибалтийские славяне и поморяне, развившие у себя языческую форму феодальной идеологической надстройки, оказались исключением среди славянских, шире, среди европейских, народов. В других славянских странах повсюду утвердилось христианство. То обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев славянские народы порывали с язычеством, а из соперничающих христианских религий усваивали именно христианство, объяснялось конкретными политическими и культурными условиями

развития, связями с передовыми странами феодальной Европы, а в некоторых случаях может быть даже и традициями, уходящими своими корнями еще в античную эпоху. Интенсивность усвоения новой религии стояла в прямой зависимости от степени развития этих связей и сохранения античных традиций в отдельных странах. В Болгарии и Великой Моравии, например, христианство имело более подготовленную почву для своего распространения, чем в Польше или северо-восточных русских землях.

В раннесредневековой Европе принятие христианства укрепляло политические позиции славянских государств, благоприятствовало развитию письменности. Его развитию на родном языке особенно благоприятствовало у славянских народов принятие христианства с церковно-славянским языком богослужения, в то время как латинский обряд затормозил, например, развитие польского языка и литературы (74). Христианизация способствовала более тесному общению славян с другими народами. Тот факт, что одна часть славянских народов приняла христианство из Константинополя, а другая — из Рима в его латинской форме, тоже, очевидно, объяснялся конкретными политическими обстоятельствами, степенью интенсивности культурных, экономических и политических связей с разными очагами феодализма и феодальной цивилизации в Европе. Конкретными политическими причинами легко объясняется и успех христианства у полабско-прибалтийских славян и поморян, для которых христианство неразрывно ассоциировалось с иноземным гнетом.

Принятие христианства не означало еще конечно его распространения среди населения. В течение длительного времени оно было совершенно чуждым народу, свято хранившим старые языческие представления и с ненавистью относившимся, как это недвусмысленно показали события 1037–1038 гг. в Польше, к новой религии, несшей народным массам новое угнетение. Всего прочнее христианство укрепилось, по-видимому, в Малой Польше, где оно начало значительно раньше распространяться, чем в других польских землях. Раньше, чем в других польских землях, должно было распространиться христианство и в Силезии, долгое время входившей в состав христианской Чехии. Но и в Силезии местное население долго было привержено к старой языческой религии. По словам

Титмара Мерзебургского еще в начале XI в. гора Сленжа была местом совершения «проклятых языческих обрядов» (75). Христианство совсем не затронуло Поморья

В Мазовии оно прививалось медленнее, чем в центральных областях Древнепольского государства. Поэтому, как опять-таки покажут события 1037—1038 гг., о которых речь пойдет ниже, церковный гнет был в Мазовии несравненно слабее.

С принятием христианства в Польше стало развиваться церковное землевладение. Правда, первые польские миссионерские епископы, по-видимому, не располагали собственными земельными владениями. Содержание их падало на княжескую казну, производилось за счет собираемой с населения дани. Однако уже при основании Гнезненского архиепископства церковь должна была получить значительные земельные пожалования. Этого, бесспорно, добивался Римский престол (76). Польский же князь был слишком заинтересован в результатах Гнезненского съезда, чтобы отвергнуть это требование.

Под 1025 годом, годом коронации Болеслава Храброго, Я. Длугош сообщает о земельных пожалованиях в пользу польской церкви. Хотя сведения его и не повторяются в современных событиям источниках, их можно считать вполне вероятными (77). Земельные пожалования получали, по-видимому, и появившиеся в Польше общины монахов. О заинтересованности возникавших монастырей в рабочей силе говорит упоминавшееся уже выше Житие Пяти братьев-мучеников. Первоначально, правда, и монахи содержались за счет княжеских доходов (78).

Укреплявшему свои позиции в государстве крупному светскому и церковному землевладению противостояла масса свободного и феодально зависимого крестьянства. Помимо примитивной отработочной ренты и натуральных повинностей в пользу своих господ феодально зависимое население наравне со свободным должно было нести достаточно обременительные повинности в пользу князя.

В условиях энергично развивавшегося процесса укрепления феодальных отношений в половине X—начале XI в. многочисленные отработочные повинности, которые обязаны были выполнять в пользу государства свободные и зависимые крестьяне-общинники (они обязаны были работать на постройке укреплений, мостить дороги и гати,

строить мосты), а также многочисленные дани и пошлины, уплачиваемые ими князю на содержание государственного аппарата, княжеской дружины и расквартированных по городам гарнизонов, превращались в конечном итоге в одну из форм феодальной ренты. Это были централизованные формы отработочной ренты и ренты-палога, которыми пользовался в конечном счете господствующий класс феодалов и при помощи которых он укреплял и политические и экономические основы своего государства.

Развитие феодальных отношений сопровождалось ожесточенной классовой борьбой. Вероятно, уже в то время зависимое население прибегало к такой естественной форме сопротивления как бегство. Спасаясь от феодального гнета, крестьяне переселялись на новые места, распахивали пустоши и корчевали леса. Свободное население, объединенное в территориальные общины, оказывало упорное сопротивление крупным духовным и светским землевладельцам, стремившимся овладеть его землей и поставить его в личную зависимость. Территориальная община, крепкая единством своих членов, часто сохранявших память об общности своего происхождения и связанных круговой порукой, была той формой организации непосредственных производителей, которая облегчала им совместную борьбу против феодалов. Лозунги реставрации язычества и уничтожения христианской церкви, стоявшей в первом ряду феодального наступления, служили идеологическим оформлением антифеодальных выступлений народных масс, в средневековые неизбежно проходивших в форме религиозных движений.

Антифеодальное движение зависимого крестьянства смыкалось с классовой борьбой рабов и той массы свободных крестьян-общинников, которые не попали еще в хозяйственную систему крупного землевладения, но положение которых значительно ухудшилось в результате роста даней и повинностей в пользу князя.

Противоречие между эксплуатируемыми массами свободных и феодально-зависимых непосредственных производителей-крестьян и рабов, с одной стороны, и господствующим классом феодалов, -- с другой, было основным антагонистическим противоречием в Древнепольском государстве. С появлением городов как центров ремесла

и торговли в нем стало развиваться и еще одно социальное противоречие — противоречие между феодалами и горожанами. Сам внешний вид польских городов представлял собой яркую иллюстрацию этого нового противоречия в раннефеодальном польском обществе. Укрепленные «гроды», резиденции феодалов, чаще всего княжеских чиновников, где находились вооруженные гарнизоны, естественно противопоставлялись окружающим их подгродьям, где трудилось ремесленное население. В описываемое время в Польше не сложилось еще особого городского права.

В правовом отношении горожане ничем не отличались от сельского населения и были обременены теми же самыми натуральными и отработочными повинностями, что и крестьяне-общинники.

В первую очередь задачам подавления классового сопротивления непосредственных производителей служили органы местного управления Древнепольского государства, опиравшиеся на разветвленную систему «гродов». Во главе их стояли назначенные князем чиновники-комесы (79), которым были подчинены местные вооруженные силы. Они были наделены и судебными полномочиями, судили население прилежащей к «гроду» округи, собирали с него дань, привлекали его к исполнению различного рода отработочных повинностей.

Надо думать, однако, что не вся территория Польши была охвачена в равной мере в описываемое время этой системой управления. Отдельные части страны, по всей вероятности, все еще находились под властью старых «племенных» князей, признававших свою зависимость от центрального князя, обязанных уплачивать последнему дань и приводить с собой на службу в случае войны вооруженные отряды. По-видимому, именно о таких племенных династиях говорил Галл, упоминая о «князьях» из окружения Болеслава Храброго (80). В настоящее время можно совершенно определенно говорить о существовании самостоятельных княжеских династий на Поморье. При общей несовершенности центральных и местных органов власти большую роль в управлении государством играли церковные органы.

Во главе государства стоял князь, основной функцией которого было командование войском во время войны.

Судя по рассказу Галла, очень важное значение имели и судебные функции княжеской власти. Первоначально князь судил лично (81). С выходом Польши на широкую международную арену очень серьезное место в деятельности главы государства заняли вопросы внешней политики. Здесь главными сотрудниками князя, участвовавшими в переговорах с другими европейскими государями, были лица духовного звания, хотя мы можем отметить среди них и отдельных представителей знати, членов правящего княжеского дома, например, сына Болеслава I — Мешко II.

Как и в других раннефеодальных государствах, при польских князьях существовали, по-видимому, советы, в состав которых входили представители знати и отдельные наиболее близкие князю дружинники. Именно о таком совете, предшественнике феодальной курии, говорит, по всей вероятности, Аноним Галл, сообщая о том, что Болеслав I имел «двенадцать друзей и советников, с которыми, вместе с их женами, часто освобождаясь от забот и дел, любил предаваться веселому пиршеству и беседе, с ними же проводил он откровенно тайные совещания о делах государства» (82).

Тот факт, что государственный аппарат призван был подавлять классовое сопротивление феодально зависимого и свободного крестьянства, обусловил и сильную военную организацию Древнепольского государства. Значительных и хорошо организованных вооруженных сил настоятельно требовало и сложное международное положение страны.

Одной из наиболее важных военных опор княжеской власти была княжеская дружина, которая насчитывала при Мешко I до 3 тыс. человек, а при Болеславе Храбром достигала, по-видимому, 4—5 тыс. (83). Как сообщает Ибрагим ибн Якуб, дружина эта в середине X в. содержалась за счет средств князя и была по тем временам весьма значительной силой. По его словам, собираемые Мешко I дани «идут на содержание его людей. Каждый месяц каждому из них приходится определенная часть из них. Имеет он три тысячи панцирных воинов, разделенных на отряды, а сотня их стоит десяти сотен других воинов, дает он этим людям одежду, копей, оружие и все, в чем они только нуждаются» (84). В состав дружины

входили, по-видимому, не только лица польского происхождения.

Первые Пясты были заинтересованы в привлечении в ряды дружинников иноземцев, которые в силу необходимости чувствовали себя наиболее тесно связанными с княжеской властью (85). По-видимому, и при Болеславе Храбром, как и при Мешко I, дружина содержалась на средства князя.

Необходимость содержать численно значительную дружину может объяснить в известной мере причины восточной экспансии Польши против богатой Киевской Руси в начале XI в. (86).

Разуместно, не будет слишком рискованным предположить, что именно княжеская дружина в первую очередь была призвана подавлять и те сепаратистские тенденции, которые обнаруживала часть местной знати. Привлекая в состав дружины представителей наиболее знатных землевладельческих родов, потомков «племенных» династий, князь подчинял их требованиям суровой военной дисциплины, отрывал от родовых гнезд, воспитывал в них идею единства польского государства, приучал к беспрекословному подчинению своей власти (87).

Часть княжеской дружины была расквартирована по «городам», распределение которых на территории государства отражает стремление княжеской власти нарушить границы бывших «племенных» княжеств, чтобы подавить сепаратистские устремления части землевладельческой знати (88).

Остальная дружина находилась непосредственно при князе.

Разуместно, положение дружинников не было одинаковым. Как и в Киевской Руси (89), в Польше только небольшая часть дружинников могла составлять «старейшую» дружину. Это были приближенные и советники князя, помогавшие ему в управлении государством. Большую часть дружины образовывала, пользуясь языком древнерусских памятников, — «молодая дружина», «отроки» и «детские» — рядовые воины, бывшие только соратниками князя, исполнителями его воли.

Свой, но конечно меньшие, чем у князя, дружины могли иметь и наиболее богатые и знатные феодальные семьи.

Помимо дружины существовало, по-видимому, и феодальное ополчение. Сообщение Галла о почти 20-тысячной армии, которую имел Болеслав Храбрый и которая была размещена в главных центрах страны — Познани, Гнезно, Гече, Влоцлавке, — свидетельствует о существовании в Древней Польше более мощной военной силы, чем княжеская дружина (90).

Следует отметить, что Галл говорит не об общей численности польских вооруженных сил в эпоху Болеслава Храброго.

Цифры эти он приводит всего лишь для иллюстрации своих слов о военном блеске правления Болеслава. С другой стороны, необходимо отметить ту строгую грань, которую проводит он между различными родами войск. Согласно его показанию

из Познани являлось:	1300	панцырных	и	4000	щитников
из Гнезна	"	1500	"	и 5000	"
из Геча	"	300	"	и 2000	"
из Влоцлавка	"	800	"	и 2000	"

Итого: 3900 панцырных и 13 000 щитников (91).

В панцырных воинах Галла следует, по-видимому, усматривать тяжело вооруженную кавалерию (92), в состав которой входили не только бывшие дружинники, получившие от князя землю на основе рыцарского права, но и восннные отряды феодальной знати, дружины кое-где сохранившихся еще племенных династов. Это — прообраз позднее ставшего главной военной силой феодальной Польши феодального ополчения. «Щитники» очевидно являлись самостоятельной частью вооруженных сил Древнепольского государства. Это — пехота, вооруженная луками и щитами (93), которая формировалась за счет свободных общинников. Наличие в составе вооруженных сил Польши первых Пястов многочисленного народного ополчения было источником большой силы Древнепольского государства, позволившей ему устоять в трех кровопролитных войнах против могущественной Германской империи.

Описанная воснная организация Древнепольского государства, охватывавшая феодальное и народное ополче-

ния, опиралась на разветвленную систему «гродов», во главе которых стояли комесы (позднее каштеляны). В обязанности последних входило в случае необходимости собирать воинов и вести их на службу к князю.

Несмотря на столь внушительную военную систему, Древнепольское государство было лишь относительно единым. При большой слабости экономических связей между отдельными польскими землями, связей, почти не затрагивавших основ сохранявшего абсолютную нерушимость натурального

уклада хозяйственной деятельности громадного большинства населения, те центробежные силы, которые существовали в древнепольском обществе, представляли несомненно большую угрозу для сохранения целостности государства. Речь идет о сепаратистских тенденциях части бывшей «племенной» знати, о стремлении не исчезнувших еще в отдельных областях племенных династий освободиться из-под тяжелой руки центральной власти, противопоставляя на местах свое политическое влияние влиянию польского князя. Сильная, мощная и знатная

часть господствующего класса, разумеется, меньше была заинтересована в могущественном правителе, чем феодалы средней и мелкой руки. Она чаще роптала против тех значительных повинностей, с которыми было связано существование центральной власти и ее органов правления. Но средних и мелких землевладельцев было значительно больше, чем крупных и знатных, они были крайне заинте-

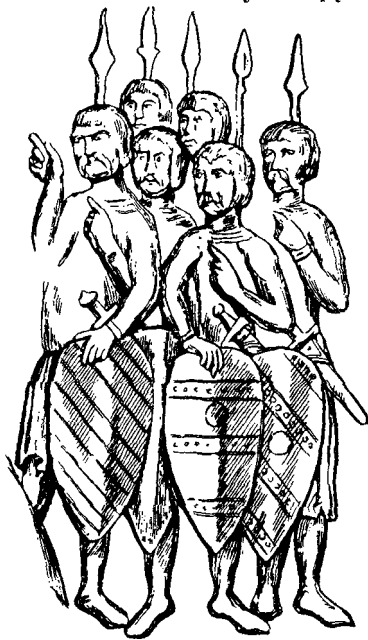

Рис. 14. Войны (фрагменты скульптурных украшений Гнезненского собора)

ресованы в сильном государственном аппарате, гарантировавшем им «право» на феодальную ренту. Они и составляли основную социальную опору первых Пястов. Горячими сторонниками идеи сильного князя были, безусловно, и те круги господствующего класса, которые находились в тесной связи с княжеской дружиной, богатели на удачных походах, захватывали массы пленных.

Именно эти круги прежде всего и были заинтересованы в активной внешней политике Древнепольского государства.

6 ВОЙНЫ С ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ. ДРЕВНЕПОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КИЕВСКАЯ РУСЬ

Если по традиции, сложившейся вероятно еще при жизни Болеслава Храброго, Галл Аноним называл его «великим» — «*magnus Boleslaus*» (1), то немецкий хронист Титмар Мерзебургский не жалел бранных слов для могущественного врага немецких феодалов (2). Несмотря на то, что Болеслав был опасным соседом для Киевской Руси и победоносным противником для ее князя, у русских книжников достало благородства справедливо оценить этого выдающегося польского государственного деятеля, современника и противника таких крупных политических фигур, как русские князья Владимир и Ярослав Мудрый или король Стефан Венгерский. Русская летопись тоже называет его «великим» (3). «Болеслав... бяше смыслень» (4) — так характеризует польского князя летопись, описывая окончившуюся полным поражением для Ярослава битву на реке Буге в 1018 г.

Суровый и отважный воин, чьи бранные подвиги долго сохранялись, если судить по рассказам о нем Галла, в преданиях и вероятно стали темой не одной рыцарской песни, Болеслав Храбрый «Великий» был вместе с тем и опытным политиком, дипломатом, блестящим продолжателем государственного дела своего отца. Это был политический деятель европейского масштаба, умевший с пристальным вниманием следить за сложной и многообразной международной жизнью своего века.

Едва ли будет ошибочным предположить, что высокое представление о своем сане главы государства сочеталось у него с беспощадной мстительностью и жестокостью к политическим противникам. Взбунтовавшийся вельможа

не мог рассчитывать на пощаду. Его уделом была смерть или ослепление. Так еще у порога своего правления он расправился со своими приближенными Одыленом и Прибивоєм, вероятно вступившими в контакт с ненавистной ему мачехой. Оба они были ослеплены (5).

Горячий и самолюбивый, Болеслав никогда не смог примириться с отказом киевского князя отдать ему в жены свою дочь. Завладев Киевом в 1018 г., польский князь, как рассказывает IV Новгородская летопись, постарался больно оскорбить русскую княжескую фамилию, насильственно сделав Предславу своей наложницей.

Но, конечно, не такие личные качества, как мстительность, жестокость или коварство, были наиболее отличительными сторонами характера польского князя. В этом отношении он едва ли во многом отличался от своего отца Мешко I и от своих современников — Стефапа в Венгрии, Владимира и Ярослава на Руси или императора Генриха II в Германии. В свойствах характера Болеслава I были другие черты, которые отчетливо проявлялись в его политической деятельности и которые контрастировали с характерными свойствами ума и таланта его великих современников. В дипломатическом мастерстве и ловкости Болеслав едва ли уступал Ярославу или Стефану, а в качестве полководца, без сомнения, был счастливее и выше их. Зато его политическим предприятиям и планам часто не хватало того трезвого расчета, которым руководились русский и венгерский государи или его отец Мешко I, всегда умевшие соразмерять поставленные задачи с реальными возможностями. Чувство реальности часто изменяло ему.

Любовь к риску проявлялась не только в политической, но и полководческой деятельности Болеслава Храброго. Опасность овладевала его воображением и на поле боя. Поэтому фигура Болеслава Храброго так сильно напоминает историку легендарные образы русских князей — Святослава и Мстислава Тмутараканского. Такие качества не могли не imponировать и его современникам. По-видимому, стоит привести очень показательный в этой связи рассказ русской летописи о битве на Буге в 1018 г.: «Приде Болеслав с Святополкомъ на Ярослава с Ляхы, Ярослав же совокупив Русь и Варягы и Словене, поиде противу Болеславу и Святополку, [и] придет Волюню и стаща обопол

реки Буга. И бе у Ярослава кормилец и воевода именовъ Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя, да то ти прободем трескою череву твою толстое, бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на кони не могы седети, но бяше смыслень. И рече Болеслав к дружине своей, аще вы сего укора не жаль аз един погыну. Всед на конь, вбрде в реку, и по немь вои его. Ярослав же не утягну исполчигися и победи Болеслав Ярослава» (6).

Рис 15 Оттон III и подвластные ему страны (миниатюры из Бамберского евангелия. Государственная библиотека в Мюнхене)

Даровитый полководец, рядившийся зачастую в смиренные одежды убежденного почитателя и бескорыстного защитника христианской церкви, — такой человек очевидно очень импонировал императору Оттону III, аскету, мистику и мечтателю, носившемуся с фантастическим планом основания универсальной монархии. В нем он увидел как раз подходящего соратника в исполнении своих несбыточных планов, которые — император не мог сомневаться в этом — должны были встретить ожесточенное сопротивление в Германии. Но идея универсальной монархии, где одним из ее четырех самостоятельных членов должна была стать Славия, возглавляемая польским князем, с переносом центра политической жизни Империи в столицу западного христианства — Рим, вполне понятно,

привлекала и Болеслава Храброго. Осуществление планов юного Оттона III означало потерю германскими феодалами руководящей роли в Империи, прекращение грабительских походов в богатую Италию, полный провал феодальной экспансии на восток, где Германии противостояла бы колоссально усилившаяся, возглавившая другие славянские народы Польша (Славия).

Если такая перспектива вполне устраивала польского государя, то она совсем не улыбалась германским феодалам. Гнезненские переговоры Оттона III и Болеслава I вызвали бурю недовольства в феодальной Германии. Особенно негодовали саксонские феодалы, попытавшиеся даже составить заговор против императора (7).

Нет надобности гадать, как развивались бы в дальнейшем события в Империи, если бы не смерть в 1002 г. императора Оттона III, умершего на 21 году жизни. Важно, что с его смертью германским феодалам удалось окончательно похоронить идею универсальной монархии, противником которой выступил и Римский престол (8). Папе римскому, которому перенос центра Империи в Рим угрожал полной зависимостью от императорской власти, планы юноши-императора были столь же ненавистны, как и саксонской знати. В Империи явно брали верх силы, враждебные Древнепольскому государству и его честолюбивому правителю, стремившиеся аннулировать результаты Гнезненского съезда.

Так полностью провалились коронационные планы Болеслава Храброго. Посланный для переговоров в Рим немец Астрик-Анастазий изменил ему. Королевская корона, предназначавшаяся Болеславу, досталась Стефану Венгерскому. Сам Астрик стал архиепископом Остригомским (9). Очевидно, неудача Болеслава с королевской короной в Риме стояла в связи с той оппозицией, которую встретили планы Оттона III в Германии, и с тем сопротивлением, которое оказывал им папа Сильвестр II (10).

Противопоставление поднимающейся Польше усиливавшейся Венгрии было очень серьезным успехом немецких феодалов, которые в равной мере были раздражены итогами Гнезненского съезда в церковном вопросе. Именно в связи с Гнезненским съездом появился знаменитый фальсификат, который должен был оправдать претензии Магдебургского архиепископства на польские земли (11).

Господствующее в правящих кругах германских феодалов настроение разумеется не могло укрыться от внимания Болеслава Храброго (12). Не мог не понимать он и того, что со смертью Оттона III и восшествием на престол Генриха II (1002) в Империи не было больше сил, способных поддержать идею универсальной монархии.

Однако Болеслав Храбрый был не из тех людей, которых изменившиеся обстоятельства могли заставить быстро и решительно отказаться от раз принятого решения. Весь дальнейший курс его политики в отношении полабо-прибалтийского славянства и Чехии, которую он попытался подчинить своей власти, и даже Киевской Руси, которую он тем или иным образом стремился поставить под свое исключительное политическое влияние, о чем нам придется говорить несколько позже, свидетельствует о том, что гнзненские переговоры оказали глубокое влияние на образ мыслей польского князя и надолго определили его военную и дипломатическую деятельность. Не отказался Болеслав и от плана коронации королевской короной.

Когда выяснилось, что планы Оттона III потерпели полный крах и на поддержку нового императора нельзя будет рассчитывать, польский князь попытался осуществить ту часть их, которая непосредственно касалась Польши, самостоятельно, вопреки императору и группировавшимся вокруг него германским феодалам.

Разумеется, Болеслав не мог не понимать, что всякая попытка добиться осуществления своих обширных и в целом, конечно, нересальных планов неизбежно будет сопряжена с самой жестокой схваткой с Империей. Но он пошел на этот риск. Единственным оправданием его смелого и рискованного шага могло являться сознание неизбежности в недалеком будущем столкновения с Империей. Это столкновение должно было представляться тем более неизбежным, что саксонские феодалы занимали по отношению к Польше открыто враждебную позицию.

* * *

Болеслав очень торопился с открытием военных действий, стремясь использовать то обстоятельство, что выборы нового императора временно отвлекали внимание

Империи от пограничных дел. В 1002 г. он овладел Лужицами, Мильском и Мишной. Лужицкая и Мишенская марки, о присоединении которых думал, возможно, еще Мешко I (13), имели очень важное стратегическое значение для Польши. По-видимому, первоначально сам Генрих II был готов пойти на довольно серьезные уступки польскому князю, чтобы обеспечить себе его помощь и избежать преждевременного столкновения с ним (14). На съезде в Мерзебурге он согласился, однако, передать в лен Болеславу лишь Лужицы и Мильско. Мишенская марка должна была перейти к родственнику Болеслава — Гунцелину. В Мерзебурге Болеслав принес ленную присягу императору за уступленные ему области. Генрих II не намеревался, однако, выполнять условий своего соглашения с польским князем, о чем свидетельствует тот факт, что при выезде последнего из Мерзебурга на него было произведено покушение (15).

Именно покушение в Мерзебурге и является тем обстоятельством, которое может оправдать предварительные наступательные действия польского князя в 1002 г. Готовясь к схватке с Империей, Болеслав принимал энергичные меры к обороне государства. Им была создана мощная система укреплений, образованная целым комплексом «гродов», выстроенных на западной границе. В некоторых случаях ширина валов и рвов «гродов» достигала 45 м. «Гроды» эти в основном датируются временем ок. 1000 г. (16). Укрепления на западной границе лишней раз говорят о том, что польский князь серьезно готовил страну к реализации принятой им в Гнзено политической программы.

Первая атака Болеслава на Империю, как мы видели, не привела к войне, ибо в 1002 г. Империя не была еще готова к ней. Война разразилась в следующем, 1003 г. Поводом для нее явились чешские события. Используя феодальную междоусобицу в Чехии, Болеслав Храбрый принял приглашение одной из соперничавших групп знати занять чешский престол и захватить Прагу. Одновременно с Чехией была присоединена и Моравия (17). Энергично действовала в этот момент и польская дипломатия, стремясь закрепить достигнутые успехи. С этой целью было заключено соглашение с Генрихом Швейфуртским, владевшим баварской маркой (18). Не исключено, что

Болеслав успел войти в сношения и с другим восставшим в Империи феодалом, маркграфом Ардуином, распоряжавшимся фактически в северной Италии и даже провозгласившим себя ломбардским королем (19).

При таком положении дел в Империи Генрих II не считал, правда, и 1003 год подходящим моментом для начала войны с Польшей. Поставив своей целью выиграть время, он предложил Болеславу Храброму принять Чехию в качестве имперского лена. Но Болеслав отказался от соглашения.

Трудно сказать, насколько обоснованными являются сведения биографа императора Генриха II Аделболда о намерении Болеслава сделать Прагу столицей своей монархии. «Прекрасная страна чешская стала провинцией княжества польского, веселая Прага — столицей Болеслава», — пишет он (20). Прага действительно была в то время крупнейшим западнославянским городом, игравшим важную роль в торговых связях Востока и Запада. Слова Аделболда приобретают особый интерес, если сопоставить их с теми переговорами, которые велись в Гнезно в 1000 г. между Оттоном III и польским князем, с планами создания обширной славянской монархии в качестве четвертого члена Империи.

Как бы то ни было, Болеслав не намеревался ни с кем делить власть над Чехией. Вместе с тем он предпочитал не выжидать, а торопить события. В то время как польский князь делал ставку на феодальную уособицу в Империи, Генрих II мог рассчитывать на союз с Венгрией и лютичами (21).

Отказ польского князя принять Чехию в качестве имперского лена ускорил военное выступление Империи. Первая польско-германская война началась. Исход ее был определен двумя обстоятельствами: разгромом Генриха Швейнфуртского, которого Генриху II удалось одолеть, несмотря на присланную Болеславом военную помощь; поражением Ардуина, с одной стороны (22), развитием событий в Чехии, с другой.

На пути действительного политического слияния Чехии с раннефеодальной Польшей стоял далеко продвинувшийся процесс формирования чешской народности. Против захвативших страну польских феодалов началось всеобщее народное движение. Непосредственной причиной,

вызвавшей восстание, было, очевидно, буйство польских отрядов, ведших себя в Чехии как в завоеванной и покоренной стране (23).

Потеря Чехии (1004) с полной очевидностью продемонстрировала нереальность и авантюристичность плана создания обширного славянского государства, охватывающего несколько самостоятельных народностей. Такое государство не могло иметь твердой базы и должно было держаться только при помощи военной силы. У польского князя, учитывая его конфликт с Империей, такой силы не было. Иначе, чем в Чехии, развивались события в Моравии, которую Болеславу удалось удержать на некоторое время в рамках Древнепольского государства. Моравяне в дальнейшем участвовали в его войнах с Империей (24).

Так с 1004 г. Польша одна противостояла могущественной немецко-венгерско-чешско-лютической коалиции. В конце 1005 г. Генрих II попытался нанести сокрушительный удар своему противнику. Немецкая армия углубилась на территорию Польши, подошла к Познани. Не имея сил противостоять имперцам в открытом бою, Болеслав с успехом применил против них партизанскую тактику, очевидно опираясь на всеобщее сочувствие населения и используя народное ополчение. Тактика эта дала блестящие результаты (25). Император вынужден был пойти на мирные переговоры с польским князем. Правда, условия мира 1005 г. были чрезвычайно тяжелы для Польши: она потеряла все свои приобретения 1002 г. За ней сохранилась только Моравия (26).

Вскоре положение Польши еще более ухудшилось. Обострение отношений с Данией (27) крайне осложнило обстановку на Западном Поморье, где восстал Волин. Чехия, лютичи и восставшие волиняне энергично добивались при императорском дворе объявления войны Болеславу. Последнему удалось, по-видимому, все же к 1008 г. восстановить свою власть на нижней Одре (28). Сложным положением Польши воспользовался Генрих II для возобновления против нее военных действий. В целом, однако, на этот раз военное положение не было для Древнепольского государства столь критическим, как в 1004—1005 гг. Феодалыные усобицы в Чехии и Германии, итальянские дела отвлекали военные силы Генриха II, не давали ему возможности сконцентрировать их против Польши.

Военные действия начались в 1007 г. Наиболее активными союзниками лембских феодалов оказались языческие лютичи. Болеслав, разумеется, тоже стремился использовать в своих интересах прибалтийско-полабское славянство. Известны его попытки в 1010 г. связаться с племенем гаволян, жившим в окрестностях современного Берлина, известны факты поддержки Болеслава I сербамилужичанами (29). Однако прочной связи с полабо-прибалтийским славянством установить не удавалось. Союза феодальной христианской Польши с полабо-прибалтийским славянством, страстно приверженным к язычеству, не могло быть, поскольку такой союз мог повести к потере Поморья, к взрыву языческих восстаний в самой Польше, к подрыву социальных основ раннефеодального государства.

Зато временный союз Генриха II с лютичами был использован Болеславом для организации антиимператорской пропаганды в самой Германии. В доказательство можно сослаться на знаменитое письмо св. Бруно из Кверфурта, бывшего приверженца Оттона III, направленное в конце 1008 г. императору, в котором Генрих II открыто порицался за союз с язычниками против христиан, а поведение главы Германской империи противопоставлялось поведению польского князя, озабоченного распространением христианского учения среди пруссов (30).

Не имея сил для продолжения серьезной борьбы с Польшей, Генрих II в 1013 г. вынужден был пойти вторично на мир с Болеславом I. Предварительные переговоры о мире вел сын Болеслава — Мешко, впоследствии занявший польский трон (31). Заключительная стадия переговоров пала на период Мерзебургского съезда 1013 г., на котором присутствовал и Болеслав Храбрый. Согласно условиям мира к Польше вновь отходили Лужицы и Мильско в качестве имперского лена.

Успеху мирных польско-германских переговоров в небольшой степени способствовало то обстоятельство, что внимание Болеслава отвлекали русские дела, а Генриху II предстояло совершить поход в Италию и короноваться императорской короной. Возможно, что, обращая свой взор на восток, Болеслав прежде всего руководствовался обычными для феодальной владыки расчетами на богатую добычу. Ограбить Киев, слывший на востоке Европы вто-

рым после Константинополя городом по богатству и роскоши, разумеется было очень соблазнительно для могущественного, но все же бедного в сравнении с киевским польского князя. «В этом огромном городе, — пишет о Киеве Титмар Мерзебургский, — находится больше, чем четыреста, церквей, восемь рынков, численность же населения его невозможно определить» (32).

Думается, однако, что не одними расчетами на богатую добычу руководствовался в своей политике по отношению к Руси Болеслав Храбрый. Были у него, по-видимому, на востоке и более широкие политические планы. Еще до 1013 г. он внимательно следил за ходом дел на Руси. При дворе князя Владимира побывал упоминавшийся выше св. Бруно, отправившийся далес к печенегам. В результате его миссии возник даже проект организации епископства у печенегов (33), что должно было бы, конечно, способствовать укреплению у них польского влияния. Вслед за св. Бруно на Русь был отправлен епископ колобжегский Рейнберн. Наконец, на дочери Болеслава был женат старший сын Владимира Святополк, тоже поддерживавший связь с печенегами — союзниками польского князя (34). Таким образом, перед глазами историка возникает целая система мероприятий, в числе которых немалая роль отводилась церковной пропаганде, мероприятий, долженствовавших прочно закрепить Киев в орбите польского политического влияния.

Принимая во внимание честолюбивые замыслы польского князя создать на востоке Европы могущественную славянскую монархию, становится очевидным, какое большое значение в своей политике он должен был придавать восточному соседу, как важно ему было поставить под свое исключительное влияние киевский двор. Враждебная позиция Киевской державы грозила полным крахом всего политическою курса Болеслава Храброго, особенно в условиях перманентного конфликта с Империей.

В 1013 г. вся столь последовательно создаваемая Болеславом система отношений с Русью разом рухнула. Святополк, готовивший, по-видимому, восстание против отца, был арестован вместе с женой и епископом Рейнберном. Совместный поход Болеслава с печенегами на Русь был ответом на это мероприятие князя Владимира, отстранившего старшего сына от наследования киевского

престола. Поход 1013 года не принес никаких результатов. Союзники перессорились между собой. Расправившись с печенегам, Болеслав вынужден был возвратиться в Польшу.

Недаром Генрих II на съезде в Мерзебурге обещал Болеславу оказать военную помощь для похода на Русь (35): в любом случае он оставался в выигрыше. Во-первых, поход отвлекал Болеслава от жизненно важных задач Польши на западе и развязывал императору руки для похода в Италию; во-вторых, в случае неуспеха Болеслава на востоке, Империя естественно приобретала себе эвентуального союзника против Польши в лице Киевской Руси.

Неудачи на востоке лишь отчасти могли компенсировать успехи польской политики на северо-западе. Речь идет о заметном улучшении польско-датских отношений с момента вступления на датский престол Канута Великого (1014) (36). Главным результатом этого сближения было укрепление власти польского князя на Западном Поморье. Польша не должна была больше опасаться здесь датской диверсии. Это было, конечно, важное обстоятельство, значительно облегчавшее позиции Древнепольского государства накануне третьей войны с Империей.

О том, с какими трудностями приходилось иметь дело на Западном Поморье Болеславу Храброму, может свидетельствовать тот факт, что в результате восстания волинян, проходившего, очевидно, под лозунгами восстановления язычества, было ликвидировано епископство в Колобжеге (37). Тем самым был решительно прерван процесс христианизации Поморья, а процесс сближения, консолидации его с остальными частями государства был самым серьезным образом ослаблен.

Последствия неудач 1013 г. сказались в ходе третьей польско-немецкой войны. Готовясь к ней, Болеслав попытался в 1015 г. достичь соглашения с Олдржихом Чешским о совместных действиях против Империи. Переговоры, ведшиеся его сыном Мешко, окончились, однако, полным провалом. Болеславу приходилось считаться с тем фактом, что ему вновь придется иметь дело с немецко-чешско-лютической коалицией. Приходилось считаться на этот раз и с возможностью вмешательства в войну против Польши Киевской Руси.

Война началась в 1015 г. Подготовленный Генрихом II поход вглубь Польши не имел, однако, успеха. Положение Болеслава серьезно осложнилось в 1017 г., когда военные действия против него начала Киевская Русь, где после смерти Владимира вокняжился Ярослав Мудрый, изгнавший из Киева своего старшего брата и тайного союзника Болеслава Святополка. Однако действия Ярослава не были достаточно энергичными (38), а немецкий поход 1017 г. не принес императору лавров. При отступлении немецкое войско понесло очень большие потери.

Обе стороны были утомлены долгой борьбой. Особенно сильно чувствовались трудности войны в Империи. В результате Генрих II, не знавший, правда, о начавшейся борьбе на восточной польской границе, хотя и предупрежденный Ярославом о предстоящем выступлении Руси, вынужден был пойти на мирные переговоры. Мирный договор был заключен в 1018 г. в Будишине, следовательно, на территории Древнепольского государства. Лужицы и Мильско были сохранены за Польшей. На этот раз Болеслав, однако, получил их не в качестве имперского лена. Земли лужичан и мильчан были прямо включены в состав Древнепольского государства (39).

Очевидно, одновременно с заключением мира с Империей был заключен мир и с ее союзницей Венгрией (40). Источники сохранили, правда, весьма неполные сведения о развитии польско-венгерских отношений в правление Болеслава Храброго. О польско-венгерских войнах упоминает Аноним Галл. На основании его показаний можно утверждать даже, что в ходе этих войн была присоединена к Польше Словакия (41). Трудно определить время, когда произошло ее присоединение, но сам факт вхождения ее в состав государства Болеслава Храброго не вызывает сомнений (42).

* * *

Нельзя не отметить бросающегося в глаза параллелизма событий, связанных с Мерзебургским съездом 1013 г., и событий, ознаменовавших собой заключение Будишинского договора. И на этот раз обе стороны, Польша и Империя, стремились как можно скорее покончить

Древнепольское государство в конце X — первой четверти XI в.

1. Границы Древнепольского государства в конце X в. 2. Границы территориальных завоеваний при Болеславе I Храбром

с войной, чтобы развязать себе руки для новых политических и военных мероприятий. Генриха II должны были особенно сильно беспокоить военные успехи византийцев в южной Италии, определившиеся к концу 1017 г. В числе византийских войск находились и русские отряды (43), что давало основания рассматривать Киевскую Русь как союзника византийского двора. Что касается Болеслава, то его вновь отвлекали на восток русские дела. В Польше шли полным ходом приготовления к походу на Киев.

Анализируя обстоятельства начала XI в., можно высказать несколько предположений о причинах восточной экспансии Древнепольского государства. Возможно, что она находилась в связи с обнаружившимся в конце X в. упадком арабской торговли, вызванным успехами турок-сельджуков в Иране (44), что сильно увеличило для стран Восточной и Северной Европы значение торговли с Византией. Поэтому и в Польше главное внимание стали привлекать транзитные торговые пути, связывавшие ее с востоком; поэтому же одной из целей Киевского похода 1018 г. мог быть захват Червенских городов — чрезвычайно важной позиции на торговом пути Киев — Краков — Прага.

Как и в 1013 г., в 1018 г. серьезное значение могли иметь соображения грабежа. Военная добыча для Болеслава Храброго была лучшим средством удовлетворить и сохранить дисциплину в его многочисленной дружине (45).

Были однако другие важные политические причины, толкавшие Болеслава I на вмешательство в русские дела и связанные с общим направлением его политического курса. Сохранившиеся источники позволяют сравнительно более подробно осветить политические задачи, которые ставил перед собой Болеслав, организуя поход на Киев в 1018 г.

Слова IV Новгородской и Софийской летописей «...И седе (Болеслав.— В. К.) на столе Володимире» (45) — можно толковать в том смысле, что, отправляясь на Русь, польский князь и определенная часть его окружения отнюдь не ставили целью только восстановление на Киевском престоле свергнутого Ярославом Святополка. Речь, возможно шла о прочном подчинении Киевской Руси власти польского князя, может быть даже о захвате Болеславом киевского стола. Рассказ Галла Анонима о пребывании Болеслава I в Киеве (этот рас-

сказ, правда, грешит анахронизмами, вызванными тем, что в нем сплетены и перепутаны события киевских походов Болеслава I и Болеслава II) подтверждает, как будто, именно такую трактовку приведенного выше летописного текста. По словам Галла Анонима перед возвращением в Польшу Болеслав поставил вместо себя в Киеве некоего русского из своего рода (46). Здесь имеется в виду, конечно, Святополк, по жене бывший родственником польского князя.

Впрочем, если даже у Болеслава I и были планы захватить самому киевский стол, то он должен был скоро отказаться от них, ограничившись тем, что поставил в зависимость от себя князя Святополка. В таком случае и вся дальнейшая борьба Ярослава со Святополком оказывается явлением гораздо более значительным, чем борьба двух претендентов на киевский стол. Речь шла о ликвидации зависимости от иноземной власти.

Еще в Будишине Болеславу была обещана императором вооруженная помощь. В Киевском походе, помимо собственных сил польского князя, участвовало 300 немецких рыцарей, 500 венгров короля Стефана, союзника Генриха II, и 1 000 печенегов.

Начало Киевского похода было необычайно удачным для Болеслава Храброго. Разбив Ярослава в битве на реке Буг, польский князь, быстро продвигаясь, 14 августа 1018 г. занял Киев. Оккупации Киева предшествовали опустошительные набеги на город печенегов, о которых упоминает Титмар (47). В Киеве Болеслав пробыл, по-видимому, один-два месяца (48). Столица Древней Руси, судя по словам Титмара Мерзебургского, составлявшего свой рассказ о походе 1018 г. на основе рассказов очевидцев (49), произвела сильное впечатление на польских и немецких участников войны. Это был на самом деле величайший город Европы с огромным по тому времени количеством населения, город не только невиданный в соседних западнославянских странах роскоши и богатства, но и действительно крупнейший центр ремесла и торговли.

Еще во время своего пребывания в Киеве Болеслав отправил на запад, к императору Генриху II, посольство с сообщением об исходе похода. Польский князь уверял императора в своем желании и впредь сотрудничать с ним

и сообщал о том, что и он, в свою очередь, рассчитывает на взаимную помощь со стороны Империи. Посольство этошний раз свидетельствует о том, что между Будишинским миром и походом на Киев 1018 г. существовала прямая связь, что Империя прилагала усилия к тому, чтобы столкнуть Польшу с ее могущественным соседом на востоке.

Отсюда же из Киева было выслано Болеславом второе посольство — к византийскому императору Василию II Болгаробойце. Болеслав завсрял Василия через послов в том, что желает быть ему верным другом, одновременно угрожая ему враждой на случай его отказа от сотрудничества (50). В свете той заинтересованности в торговых связях с Византией, о которой говорилось выше, сам факт непосредственного обращения Болеслава к Византии является вполне понятным. Но может быть посольство в Константинополе имело целью продемонстрировать перед Василием II, что Киевский поход был связан с обострением отношений между двумя империями; может быть Болеслав Храбрый исполнял таким образом свои обязательства союзника Генриха II.

По-видимому, нет оснований говорить о вынужденном отступлении Болеслава из Киева под давлением народного возмущения и действий Святополка (51). Болеслав слишком недолго находился в Киеве, а писавший со слов современников Титмар Мерзбургский прямо говорит о счастливом возвращении Болеслава из похода (52). Есть основания предполагать, что быстрый уход его в Польшу объясняется внутренними событиями в стране, где княжеской власти, как можно предполагать, пришлось вступить в тяжелый конфликт с церковной иерархией, за спиной которой стояла, конечно, и часть землевладельческой польской знати (53). В Киеве польский князь захватил большую добычу и множество пленных. На обратном пути ему удалось овладеть Червенскими городами (54).

* * *

Захват Червенских городов был последним крупным военным успехом Болеслава Храброго. Последние годы его княжения, изучение которых представляется крайне затруднительным из-за необычайной скудости и неясности

источников, отмечены рядом внешнеполитических и внутривнутриполитических неудач — провозвестников того социального и политического кризиса, который потряс сами основы польской государственности при его преемниках. Причины внешнеполитических неудач следует искать не только во внутреннем развитии Польши начала XI в., не только в крайнем истощении страны в результате длительных войн и неприятельских вторжений, разорявших в первую очередь крестьян и городское население, но и в том сложном международном положении, в котором оказалась она после похода 1018 г.

Конечно, тот факт, что Болеславу Храброму удалось завершить объединение польских земель в рамках единого государства, а затем отстоять его независимость в ходе трех тяжелых войн с Империей, является крупнейшим успехом его правления. Создание отдельной польской архиепископии в 1000 г. и коронация Болеслава королевской короной в 1025 г. должны были окончательно укрепить независимость Древнепольского государства.

Значение Польши как одной из сильнейших стран на Востоке Европы особенно возросло именно при Болеславе Храбром. Активность польской дипломатии стала при нем еще более заметным фактором в политической игре современных европейских государств. Еще более расширились и сами рамки ее деятельности. От Швеции и до Византии, от Киева и до Рима протянулись нити переговоров и интриг, при помощи которых дипломаты Болеслава Храброго пытались то опутать своего противника, то парировать его удары, всюду энергично подготавливая почву для предстоящих военных или политических предприятий.

Нельзя не учитывать, однако, что за блестящей картиной величия и силы Древнепольского государства при Болеславе Храбром, за яркой картиной его многочисленных военных успехов скрывались все более нараставшие внутренние социальные конфликты в стране, ее необычайно сложное и противоречивое международное положение.

Кровавый опыт трех войн свидетельствовал о том, что Империя и в будущем всегда будет добиваться ослабления раннефеодального Польского государства, любыми средствами стремясь ущемить, нарушить его независимость. Противоречия между Империей и Польшей были

настолько очевидными, что и после 1018 г. Империя оставалась основным противником Польши. Правда, до самого конца правления Болеслава Храброго (1025) польско-германские отношения, по-видимому, оставались мирными (55), но это ни в коем случае, однако, не значит, что Болеслав Храбрый не должен был все время считаться с угрозой возобновления борьбы на западе, как только немецкие феодалы сочтут момент подходящим для выступления.

Однако при постоянном напряженном положении на западной границе особенно важное значение приобретали отношения Польши с ее остальными соседями. В этом смысле положение Польши в конце правления Болеслава Храброго фактически было отчаянным. В сущности говоря, помимо Дании, с которой в период 1014—1025 гг. установились дружественные отношения, все остальные соседи Польши были ее противниками. Особенно опасен был наиболее сильный сосед — Киевская Русь. С захватом Болеславом I Червенских городов был создан постоянный источник вооруженных конфликтов на востоке. Присоединение Моравии и Словакии к Польше создало, в свою очередь, источник постоянной враждебности к ней со стороны Чехии и Венгрии. Польша оказывалась таким образом в самом центре международных противоречий в Восточной Европе, что было естественным результатом многочисленных завоеваний Болеслава Храброго, выведших Польское государство далеко за пределы этнографически польских земель.

Было совершенно очевидно, что малейшее обострение внутри страны явится сигналом для вторжения в ее пределы извне. Возникший, по-видимому, где-то около 1018 г. длительный конфликт княжеской власти с польской церковной иерархией и стоявшей за ней частью светской знати, действительно был использован соседями Польши для возвращения захваченных ею пограничных областей. В течение 1019—1022 гг. шла польско-русская война. Правда, Болеславу удалось удержать под своей властью Червенские города, однако, общий ход военных действий, по-видимому, не был благоприятен для Польши. Более того, можно думать, что и после 1022 г. между Русью и Польшей не было установлено прочных мирных отношений (56).

Очевидно в связи с событиями на восточной границе происходит новое резкое обострение польско-чешских отношений. Здесь поворот, который приобрели события, был особенно неблагоприятным для Болеслава. В результате войны Чехии удалось в 1021 г. вернуть Моравию (57). Занятый на востоке, Болеслав не мог, по-видимому, оказать чешскому князю достаточно сильного сопротивления. Непрерывная война на востоке, поражение в борьбе с Чехией были первыми признаками внешнеполитического кризиса Древнепольского государства.

**7. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС
ДРЕВНЕПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА.
АНТИФЕОДАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1037—1038 гг.
И УКРЕПЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ
В 40—70-х годах XI в.**

Начавшийся еще в последние годы правления Болеслава Храброго военный и политический упадок Древнепольского государства с особой силой сказался при его непосредственных преемниках. Обусловленный в значительной мере чрезвычайно сложным и неблагоприятным международным положением страны, ее истощением в результате непрерывных войн, этот упадок был прямо связан с конфликтом, который развивался внутри господствующего класса. Уже при Болеславе Храбром, как отмечалось выше, попыталась поднять голову оппозиция, объединявшая церковную и частично светскую знать. Эта оппозиция выступала против сильной княжеской власти. Окрепшие крупные землевладельцы все больше тяготились теми обязательствами, которые она накладывала на них. После смерти Болеслава Храброго (1025 г.) оппозиция против княжеской власти стала по-видимому значительно активной. Стремясь еще более увеличить свое политическое влияние на дела государства и ослабить позиции князя, многие использовали борьбу за власть, происходившую между членами княжеской семьи (1).

Правда, им не сразу удавалось сделать это. Воля покойного короля, бывшая очевидно законом для его преданной и многочисленной дружины и рыцарства, в течение некоторого времени связывала действия оппозиционной части знати.

Вступление Мешко II (1025—1034) на престол произошло без каких-либо особых затруднений, хотя он и не был старшим сыном Болеслава I. Два брата его, старший Бесприм и младший Отто, потребовавшие выделения им отдельных уделов, были вскоре принуждены бежать из страны.

Мешко II в течение длительного времени был активным сотрудником своего отца; выполняя различные, в том числе и дипломатические, его поручения, он конечно полностью проникся его взглядами и принципами. В области внешней политики он держался активной, наступательной тактики. Внутри государства он, по-видимому, рассчитывал вести политику твердой руки в отношении проявлявшей недовольство и роптавшей знати. Идя по следам отца, Мешко II короновался королевской короной, что вызвало, разумеется, крайнее раздражение среди значительной части германских феодалов. Об этом раздражении очень хорошо говорит следующее современное событиям замечание в немецких летописях: «Отрава спеси залила душу Болеслава, так что по смерти императора Генриха осмелился он овладеть королевской короной на позор короля Конрада. Вскоре однако смерть наказала эту наглость. Сын его Мешко — такой же бунтовщик, как и его отец» (2).

Впрочем оппозиционная императору Конраду II часть германской знати во главе с герцогом лотарингским Фридрихом, судя по письму его жены Матильды к польскому королю, иначе отнеслась к акту коронации (3).

Какие бы, однако, настроения ни брали верх в Империи в тот момент, важно, что первое время Польше не угрожала еще опасность с запада. Император Конрад II был поглощен событиями в Империи и не мог решиться на открытое выступление против Мешко II. Зато на восточной и юго-восточной границе положение оказалось довольно серьезным. Здесь Мешко II приходилось считаться, во-первых, с угрожающей позицией Киевской Руси, не имевшей никаких намерений отказываться от Червенских городов, и, во-вторых, с противоречиями с Венгрией, претендовавшей на Словакию. Отношения с Чехией продолжали оставаться крайне напряженными, резко ухудшились и датско-польские отношения. При таком положении дел Мешко II не оставалось ничего иного, как попытаться ценой отдельных уступок разорвать окружающую страну

враждебное кольцо. Выбор пал на Венгрию, которая между тем овладела Словакией и была согласна вступить в союз с Польшей против Империи. В 1027 г. Мешко II отказался от Словакии. Польско-венгерский союз стал фактом.

Рис 16. Миниатюры из письма княгини Матильды к королю Мешко II.

Одновременно польский король принимал энергичные меры к дальнейшей консолидации Древнепольского государства. Особенно сложным представлялось положение дел на Поморье. Отказ западнопоморской династии признать верховную власть Мешко II и платить ему дань повел к вооруженному конфликту, в результате которого поморский князь Дитрих был изгнан из страны. Он нашел убежище себе в Империи, где усиленно вел интриги против польского короля (4).

В стремлении укрепить свои позиции на Поморье Мешко II придавал большое значение распространению там

христианства. В целях христианизации Поморья, а также для усиления христианской пропаганды на территории Куяв и части Великой Польши было учреждено взамен пришедшего в упадок еще при Болеславе I Колобжегского епископства епископство в Крушвице (5).

Разумеется, ведя курс на дальнейшую консолидацию польских земель и заключив союз с Венгрией, Мешко II внимательно следил за ходом борьбы Конрада II с оппозицией в Империи. Более того, используя затруднения Конрада II, он решился даже первым выступить против него. Выступление польского короля оказалось, однако, запоздалым. Когда в 1028 г. Мешко II вторгся в пределы Империи и опустошил саксонские земли, увозя огромное число пленных, положение Конрада II оказалось отнюдь не таким отчаянным, как рассчитывал очевидно польский король. Императору удалось уже к этому моменту ликвидировать феодальную усобицу в Империи и заключить союз с Чехией и Данией.

Правда, ответный поход императора (в 1029 г.) под Будишин окончился полной неудачей, так же как неудачей окончился и поход имперцев на Венгрию в 1030 г., чем воспользовался Мешко II и вторично опустошил соседние области Империи. Но это были только мимолетные успехи. В 1031 г. положение Польши резко ухудшилось. Конраду II удалось полностью изолировать своего противника, заключив осенью 1031 г. мир с венграми.

В международном положении государства самым тяжелым было то обстоятельство, что к моменту решающего столкновения с Империей руки Мешко II оказались связанными на востоке. Когда в том же 1031 г. император двинулся походом на Польшу, с востока вступили в ее пределы русские князья — Ярослав и Мстислав. При них находился и старший брат Мешко II — Бесприм. Захваченные в 1018 г. Червенские города были возвращены Древней Руси.

Русские князья не думали, однако, ограничиться только одним этим успехом. Они продолжали продвигаться вглубь Польши. Дело клонилось к дестроизации Мешко II и переходу власти к Бесприму, что должно было упрочить русское политическое влияние в стране и гарантировать Киев от претензий польских феодалов на богатые Червенские города.

При таких обстоятельствах Мешко оставалось только заключить невыгодный для Польши мир с Империей, уступив ей часть Лужиц (6). Вслед за тем, однако, он оказался вынужденным бежать из Польши и укрылся в Чехии.

Между тем Бесприму действительно удалось овладеть властью. Поставленный на княжеский стол с помощью вооруженного вмешательства соседей, он держался на нем в значительной мере благодаря внешней поддержке. В конечном итоге при польском дворе возобладало не русское, а германское политическое влияние. Бесприм стал игрушкой в руках германских феодалов. Показателем потери Польшей суверенитета и признания зависимости от Империи был факт передачи Беспримом Конраду II польских королевских инсигний.

Но укрепление германского влияния в Польше составляло смертельную угрозу для Чехии. Немецкие феодалы заходили таким образом в тыл ей. При таких обстоятельствах чешско-германские отношения неминуемо должны были обостриться. Одним из свидетельств начавшегося ухудшения чешско-германских отношений был сам факт бегства Мешко II в Чехию. После убийства Бесприма, в котором, кажется, тайно участвовал Мешко II (7), в 1032 г. он возвращается с помощью чешского князя Ольдржиха в Польшу. Правда, осенью того же года Конрад II попытался было вновь изгнать Мешко II, но междоусобицы в Бургундии отвлекли его внимание на запад. Между тем умер его союзник Канут Великий Датский. Датско-германский союз распался. Выяснилось, что император не может больше рассчитывать и на помощь лютичей (8). Мешко II готовил восстание полабско-прибалтийских славян против немецких феодалов.

Однако, если Империя была не в состоянии избавиться от Мешко II, поддерживаемого Чехией, то и он, в свою очередь, чувствовал себя недостаточно прочно в Польше, чтобы продолжать борьбу с Империей. Поэтому на съезде в Мерзебурге в 1033 г. с императором Конрадом II Мешко оказался вынужденным отказаться от королевского титула и уступить Империи земли лужичан и мильчан (9).

Используя ослабление своего противника, германские феодалы сумели добиться возвращения Западного При-

морья изгнанному Мешко князю Дитриху (10). Младший брат Мешко — Отто получил, по-видимому, в удел Силезию (11).

Идя на столь серьезные уступки императору, Мешко II рассматривал их, однако, лишь как временную меру. Вскоре он предпринял попытку вновь объединить под своей властью все польские земли. Попытка эта оказалась удачной, центробежные стремления феодальной знати были на некоторое время преодолены. Смерть Отто облегчила ему подчинение Силезии. Западнопоморский князь Дитрих был еще раз изгнан из страны (12). Польские земли вновь оказались в составе единого государства.

* * *

Оценивая личность Мешко II, Галл Аноним пишет: «...Был Мешко энергичным воином и совершил много рыцарских подвигов, рассказать о которых потребовалось бы слишком большое время. Всем соседям он был, однако, ненавистен из-за той ненависти, которую они питали к его отцу. Но не отличался он так ни богатством, ни обычаями, ни блеском жизни, как его отец» (13).

Нет никаких оснований не доверять этой характеристике хрониста, верно подчеркнувшего, что Мешко II приходилось пожинать горькие плоды не своего посева. По-видимому, Галл Аноним совершенно прав, когда подчеркивает меньшую в сравнении с отцом одаренность сына. Но никакой ум и никакие таланты не могли уже спасти положение. Страна переживала глубокий социально-политический кризис, который должен был привести Древнепольское государство в самое ближайшее время на грань катастрофы.

Кризис этот обуславливался как внутренними, так и внешними обстоятельствами. О внешнеполитической стороне дела достаточно подробно говорилось выше. Внутри страны главным фактором был резко усилившийся феодальный гнет, все ускорявшийся процесс закабаления землевладельцами прежде свободных общинников. Господствующая знать стремилась увеличить нормы эксплуатации. Весь трудящийся люд — как зависимые, так и свободные — нес на себе огромную тяжесть повинностей и даней в пользу князя, конечно колоссально возросших

в условиях постоянных войн, которые вело при Болеславе Храбром и Мешко II Древнпольское государство.

Войны эти, как это легко можно себе представить, до крайности изнурили и истощили страну. Чуть ли не каждый год-два раздавалось над Польшей злоещее пение крылатых стрел, с громом сталкивались щиты и звенели стальные мечи. Поля обагрялись кровью. Вторгавшийся неприятель вытапывал посевы, сжигал города и деревни, избивал или угонял в плен население. Серым волком бродило по стране людское горе, хищным ястребом высматривала все новые жертвы нужда. Это была картина, близко напоминающая печальные образы автора «Слово о полку Игореве», описывавшего ужасы половецких набегов на Русь.

Между тем в среде самого господствующего класса все более обострялся конфликт. Борьба значительной части крупной землевладельческой знати против сильной центральной власти ослабляла военные силы государства, была одной из причин его серьезных внешнеполитических неудач. Выступления знати против государя и его ответные репрессии опять-таки тяжелым бременем ложились на крестьянские плечи. Феодалыные усобицы сопровождались зверствами и жестокостями, от которых больше всего страдал трудовой народ.

Но обострение конфликта в рамках господствующего класса, так же как и бесконечная борьба с соседними государствами, в свою очередь, ускоряли взрыв народного возмущения, содействовали перерастанию классовой борьбы свободного и зависимого крестьянства и рабов в массовое вооруженное восстание. Народному терпению наступал предел.

Могучее народное движение вспыхнуло в Польше после насильственной смерти Мешко II (1034 г.) при его предполагаемом преемнике и старшем сыне — Болеславе Забытом (14). О Болеславе Забытом сохранились очень краткие сведения в Великопольской хронике (15). Правда, источник этот сравнительно поздний, однако нет, думается, оснований не принимать его показаний, косвенным образом подтверждаемых Галлом Анонимом, сообщающим, что другой сын Мешко II, Казимир, был первоначально отдан в монастырь (16). Если бы Казимир был единственным сыном Мешко, о его монашестве, разумеется,

не могло бы быть и речи. Отдавая Казимира в монастырь, отец его, по-видимому, старался заранее предупредить возможную борьбу за власть между сыновьями.

Именно на период краткого правления Болеслава Забытого (1034—1037) (17) падает кульминационный пункт того социального и политического кризиса, который переживало Древнепольское государство с последних лет Болеслава Храброго. Болеславу Забытому пришлось, по-видимому, вступить в ожесточенный конфликт с той частью крупной польской знати, которая тяготилась сильной княжеской властью и являлась представительницей тенденций феодальной раздробленности. Великопольская хроника характеризует правление Болеслава Забытого как исключительно жестокое (18). Очевидно в борьбе со своими политическими противниками княжеская власть не разбиралась в средствах, любым путем стремясь подавить оппозицию. Но никакие «жестокости» и никакие «зверства» уже не помогали. Древнепольское государство распадалось. В Великой и Малой Польше бунтующая знать опиралась, по-видимому, на поддержку польской церковной иерархии. Зато на Поморье местная знать прибегла к лозунгу реставрации язычества. Лозунг этот должен был создать ей ту широкую социальную базу, опираясь на которую она могла думать об успешном сопротивлении центральной власти. Он должен был привлечь на ее сторону массу свободных общинников, придерживавшихся языческих верований и готовых в любую минуту выступить против церкви, насаждаемой польскими князьями как представительницы феодального гнета. Это была попытка поморской знати использовать в своих интересах в конфликте с центральной властью классовую борьбу непосредственных производителей против феодальной эксплуатации.

Опираясь на народное ополчение, поморская и мазовецкая знать сумела добиться полного отделения Поморья и Мазовии от остальной Польши. В Поморье возвратился, возможно, князь Дитрих или его сын Земомысл (19). Отделилась от государства и превратилась в самостоятельное княжество и Мазовия, где правил Моислав (Маслав). Происхождение Моислава в точности не известно. Существуют догадки, что он, может быть, происходил из мазовецкого княжеского рода (20), однако

письменное предание фиксирует его служебно-рыцарское положение при дворе Мешко II (21).

Как бы однако не решался вопрос о происхождении Моислава, он олицетворяет собой именно ту группу феодалов, которая попыталась сбросить с себя власть польского князя, устраивала интриги и покушения на его жизнь и, наконец, подняла открытое восстание. Судьба Болеслава Забытого была по всей вероятности столь же трагична, как и судьба его отца. Глухие намеки, содержащиеся в Великопольской хронике и рассказе о Моисее Угрии позволяют думать, что он был убит (22).

Описанная выше борьба внутри различных групп господствующего класса, общее истощение страны в результате продолжительных войн и упадок центральной власти явились благоприятными условиями для взрыва антифеодального восстания в Польше. Сигналом к народному восстанию могла послужить насильственная смерть князя и открытые бунты знати.

Восстание приняло массовый характер. В борьбе против церковных и светских землевладельцев объединилось свободное и феодально-зависимое крестьянство. В движении, само собой разумеется, должны были принять участие и рабы. Антифеодальное движение развивалось под лозунгами реставрации язычества и уничтожения христианской церкви.

Вот как описывает восстание первый польский хронист Апоним Галл. «... Рабы восстали против господ, вольноотпущенники — против знатных, самовольно захватывая власть. Одних из знатных убив, других обратив в слуг, восставшие пресупербодейским образом овладели их женами и предательски расхитили должности. Более того, оставляя католическую веру, о чем мы не можем говорить без плача и стона, подняли они бунт против епископов и священников, часть которых, признавая достойными лучшей смерти, казнили мечом, других, якобы достойных смерти позорной, побили камнями» (23).

Главное, что смущает в процитированном показании хрониста, — это отчетливо звучащее определение восстания как движения рабов. Все, что известно нам относительно социальной структуры Древнепольского государства, решительно исключает возможность в Польше того времени массового восстания, движущей силой которого

были бы главным образом рабы. Для раннефеодальной Польши первой половины XI в. наиболее характерной фигурой был не раб, а феодально зависимый или свободный крестьянин. Крестьянство было основным производителем материальных благ. Поэтому только крестьянство могло быть движущей силой действительно массового движения. Иное дело, что в движении этом могли принять и конечно приняли участие рабы и часть городского населения.

В связи со столь очевидной неточностью показаний Галла Анонима можно было бы, конечно, признать употребляемый им термин *servus* не как термин, означающий раба, а как термин, который означал в то время феодально зависимого крестьянина (24). К сожалению, сам текст хроники решительно противоречит такому толкованию термина *servus*. У Галла Анонима прямо противопоставляются рабы (*servi*) вольноотпущенникам (*liberati*). Следовательно, под термином *servus* хронист определенно понимал раба.

Нет нужды однако искать каких-либо способов доказать, что в понимании Галла Анонима сервы — это феодально зависимое население, тем более что и одни зависимые тоже разумеется не могли в то время быть движущей силой восстания. В восстании огромную роль неизбежно должно было играть свободное население, так как свободные общинники все еще составляли главную массу крестьян в стране.

Наиболее точные показания о движущих силах восстания дает русская летопись, в которой говорится: «В се же время умре Болеслав Великий в Лесах. И бысть мятежь в земли Лядске. Вставше, людие избиша епископы и поны и бояры своя, и бысть в них мятежь» (25).

Разумеется, совершенно несущественно, что летопись перепутала год восстания, отнеся его к 1030 г., и неверно связала его начало со смертью Болеслава Храброго, которую тоже неверно датировала 1030 г. Самое существенное, что летописец движущую силу восстания определил термином «люди», а на Руси в то время под словом «люди» понимался вообще простой народ в своей совокупности, т. е. крестьяне и городское население (26).

Аналогичное летописи известие о восстании в Польше имеется в рассказе о Моисее Угрине, где тоже восставшие

названы «людьми» (27). Свидетельства летописи и рассказа о Моисее Угрине имеют тем большее значение, что оба они по всей вероятности основываются на источнике польского происхождения и близкого по времени к описываемым событиям (28). А это бесспорно позволяет трактовать в данном случае летопись и рассказ о Моисее Угрине как основные источники. Что касается «рабов» и «вольнотпущенников» как главных сил восстания у Галла Анонима, то скорее всего объяснять этот оборот хрониста следует как литературный прием, навеянный знакомством с античной литературной традицией (29).

Итак, восстание 1037—1038 гг. было действительно массовым, широким народным движением. Источники дают основание полагать, что в нем приняли участие свободное и несвободное феодально зависимое крестьянство, обездоленное население подгородий и рабы.

Что касается характеристики действий восставших, то все три источника ярко характеризуют их антифеодальную направленность. Восставшие громили усадьбы феодалов («бояр»), убивали их самих. Между прочим, в рассказе о Моисее Угрине говорится и о гибели во время восстания его госпожи, у которой он находился в период своего плена в Польше: «Тогда и сию жену убиша» (30).

С особой ненавистью восставшие громили, очевидно, монастыри и церкви, убивая епископов и священников. О жестокой расправе с христианским клиром совершенно определенно говорит Галл Аноним.

Понятно, что антифеодальное восстание не с одинаковой интенсивностью проходило на всей территории Древнепольского государства. Главными очагами движения являлись Великая Польша и Силезия, в гораздо меньшей степени оно коснулось Малой Польши, где христианство имело прочные и давние традиции, и, по-видимому, совершенно не затронуло Мазовии (31), куда христианство по существу еще не успело проникнуть и где поэтому не было такого важного социального фермента, как христианская церковь — это олицетворение феодального гнета и эксплуатации.

Мазовецкая знать сумела, очевидно, использовать в своих целях недовольство народных масс увеличившимися княжескими поборами, не прибегая к выступлению против христианской церкви. Вместе с тем она сумела и предот-

вернуть перерастание здесь классовой борьбы крестьянства в прямое вооруженное восстание, что может быть связано с тем, что в силу своего географического положения Мазовия была наименее разоренной частью страны. О том, что в Мазовии антифеодального восстания не произошло, свидетельствуют слова хроники Галла Анонима, сообщающего о бегстве сюда тех, кому угрожало в других местах антифеодальное восстание (очевидно, тех самых епископов, «попов» и «бояр» (32), о которых упоминает летопись).

Антифеодальное восстание нанесло решительный удар польскому раннефеодальному государству, которое пришло в полный упадок. Только в Кракове, Познани, Гнезно и некоторых других городах кое-как держались еще остатки государственного аппарата (33). Наследник Болеслава Забытого, его младший брат Казимир, вынужден был бежать из страны.

Поход Бржестислава I Чешского на Гнезно, откуда он вывез мощи св. Войтеха, пяти братьев мучеников и Гаудентого (1038), был последним ударом по государственному зданию Польши. Польского единого государства фактически больше не существовало. Возможно, что, предпринимая поход 1038 г., Бржестислав думал о подчинении своей власти всей Польши и о переносе церковной митрополии из Гнезно в Прагу. Фактически ему пришлось ограничиться захватом многочисленных пленных и богатой добычи и присоединением значительной части Силезии с Вроцлавом (34).

Перед лицом мощного антифеодального движения, охватившего огромную территорию, должны были умолкнуть все те противоречия, которые разъедали лагерь малопольской, великопольской и силезской знати. Светские и духовные землевладельцы должны были объединить все свои силы, чтобы подавить восстание. Политическое подавление свободного и зависимого непосредственного производителя-общинника было необходимым условием для окончательного торжества и дальнейшего развития феодальных отношений. Однако собственных сил польского господствующего класса для достижения победы над восставшим народом оказалось недостаточно. На помощь польским феодалам пришли германские феодалы.

В Империи, по-видимому, прекрасно понимали, что торжество язычества на польских землях — явление чрезвычайно опасное (35) прежде всего, разумеется, потому, что языческое по форме движение в Польше носило ярко выраженный антифеодалыный характер по своему классовому существу. Торжество непосредственного производителя-крестьянина в Польше не могло не вызвать соответствующей реакции в славянских областях Империи, не могло не способствовать обострению классовой борьбы против германских феодалов со стороны покоренного полабско-прибалтийского крестьянства. Иными словами, антифеодалыное движение в Древнепольском государстве угрожало классовым интересам германских феодалов, что и явилось главной причиной совместного выступления польских и германских феодалов против восставших.

Следует указать и еще на одно обстоятельство, обеспечившее польским феодалам помощь Империи. События показали, что политический развал Древнепольского государства будет иметь своим следствием быстрое усиление Чехии. Помогая Казимиру I и польским феодалам подавить антифеодалыное восстание и восстановить государственный аппарат как орган классового насилия крупных землевладельцев, Империя исходила также из расчета, что восстановленная монархия Пястов явится политическим противовесом усилившейся Чехии, выступит против ее в роли имперского союзника (36).

Но план восстановления монархии Пястов имел и своих противников в Империи. Они объединялись вокруг Магдебургского архиепископа, который прилагал все усилия к тому, чтобы ликвидировать отдельную польскую церковную провинцию и подчинить своей власти в церковном отношении польские земли. При этом Магдебург опирался на упомянутый выше фальсификат папской буллы, определяющий границы Магдебургской архиепископии. Фальсификат этот был изготовлен еще в эпоху польско-немецких войн при Болеславе Храбром. Магдебургу удалось дважды добиться подтверждения его Римом и использовать его в качестве правовой основы для своих претензий на востоке (37).

Протесты Магдебурга, задержавшие восстановление отдельной польской церковной провинции, не изменили, однако, основной линии внешней политики Империи. Из-

вестие о походе Бржетислава Чешского в Польшу побудило ее поторопиться с помощью Казимиру, который возвратился в страну уже в конце 1038 или начале 1039 г. Подавив с помощью германских феодалов антифеодальное движение, он довольно легко объединил под своей властью Великую и Малую Польшу. Вооруженная помощь со стороны Империи численно была, по-видимому, невелика.

Быстрота, с которой удалось Казимиру подавить антифеодальное восстание, свидетельствует о том, что восставшие не имели прочной организации, что восстание носило стихийный характер и состояло из ряда локальных выступлений более или менее крупного масштаба.

Восстановленное в 1039 г. Древнепольское государство в государственно-правовом отношении не было самостоятельным. Казимир был ленником германского императора. Польша считалась леном Империи (38).

Международное положение Польши в момент вокняжения Казимира I было необычайно сложным. За пределами восстановленной монархии Пястов находились Поморье и Мазовия, где правили самостоятельные княжеские династии, и большая часть Силезии, захваченная Чехией. Главной внешнеполитической задачей Польши в правление Казимира I было возвращение этих земель в состав единого польского государства.

Могущественная чешско-поморяно-мазовецкая коалиция опиралась на помощь язычников-прусов. В борьбе с нею Древнепольское государство могло, правда, временно рассчитывать на помощь Империи, боявшейся быстрого усиления Чехии и заинтересованной в установлении между Польшей и Чехией такого неустойчивого равновесия сил, которое позволяло бы императору постоянно вмешиваться в дела обеих славянских стран. Очень важно, однако, было установить союзные отношения и с Русью. Только с помощью русского князя Казимир мог рассчитывать в короткий срок подчинить своей власти Мазовию.

Учитывая тот очень короткий срок, который отделяет момент возвращения Казимира I в Польшу от времени заключения русско-польского союза и брака Казимира и Марии-Доброгости, сестры киевского князя Ярослава (не позже начала 1039 г.), возможно следует признать, что переговоры о союзе с Русью были начаты Казимиром

еще до возвращения на родину и велись параллельно с поисками помощи в Империи и Венгрии. Союз с Русью не только обеспечил разгром Моислава и воссоединение Мазовии, но и существенно облегчал Казимиру I борьбу за возвращение Силезии и подчинение поморян (40).

Со своей стороны, и русский князь был, очевидно, заинтересован в военно-политическом союзе с Польшей. Русь и Польшу объединяли классовые интересы правивших в обеих странах феодалов. Бесспорно, что для русских феодалов очень важно было подавление антифеодального движения в соседней стране, тем более, что первая половина XI в. была временем нарастания активности народных масс Киевской Руси в их борьбе с феодальным угнетением. В 1024 г. произошло крупное крестьянское восстание в Суздальской земле (41), память о котором, очевидно, еще была свежа.

Заклячая союз с Казимиром I, Ярослав добивался того, чтобы полностью гарантировать себя от возобновления борьбы за Червенские города. Но, видимо, не этот момент был важнейшим в его курсе на союз с Польшей, которая была еще слишком слаба тогда, чтобы угрожать могущественному Киевскому государству. Очевидно, русского князя гораздо более беспокоила активность языческих прусско-литовских племен или племенных княжеств, действовавших в контакте с языческими поморянами и Моиславом в Мазовии. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что заключению в 1039 г. русско-польского союза предшествовал поход на ятвягов 1038 г., о котором упоминают наши летописи и который окончился неудачно для Ярослава (42). Уже под 1040 г. мы читаем в летописях сообщение о походе Ярослава на Литву. А под 1041 г. *Повесть временных лет* и IV Новгородская летопись рассказывают уже и о начале борьбы Ярослава с мазовичанами: «Иде Ярослав на Мазовичаны в лодьях».

Борьба с Моиславом была чрезвычайно жестокой и упорной. В 1041 г. и 1043 г. Ярослав Киевский совершал походы в Мазовию, помогая своему союзнику, польскому князю. Первый поход в Мазовию, возможно, был совершен им еще в 1039 г. (43). Но только в 1047 г. сопротивление восставшей мазовецкой знати было окончательно подавлено, сам Моислав был убит, а Мазовия воссоединилась с Древнепольским государством.

Вслед за Мазовией подчинилось власти польского князя и Поморье. Восточное Поморье непосредственно вошло в состав Древнепольского государства, Западное — признало свою вассальную зависимость (44). Наконец, в 1054 г. была возвращена и Силезия, правда, под условием уплаты чешскому князю ежегодной дани.

Так было восстановлено относительно единое Древнепольское государство. Время Казимира I (1039—1058) и его преемника Болеслава II Смелого (1058—1079) было временем укрепления феодального строя и феодального государства в Польше. До смерти напуганные событиями 1037—1038 гг. крупные феодалы были кровно заинтересованы в сильном государственном аппарате как органе классового насилия, способном обеспечить успех возобновившегося наступления господствующего класса на крестьянство. Уже при Казимире I происходит энергичный процесс восстановления в стране позиций христианской церкви, что было очень важно для укрепления расшатанных феодальных отношений.

Вместе с тем польские князья вступают в сложную борьбу в области внешней политики, стремясь возвратить Польше положение независимой страны. Особенно успешной в этом плане была деятельность Болеслава II Смелого, использовавшего великий спор из-за инвеституры между папством и Империей, вновь занявшей враждебную Польше позицию. При нем было восстановлено Гнезненское архиепископство. Почти одновременно, в конце 1076 г., польский князь был коронован королевской короной — символом независимости государства.

Однако внешнеполитические успехи Болеслава II пали уже на тот период, когда решительно подавившая активное сопротивление крестьянства феодальная знать вновь начала тяготиться сильной княжеской властью. Заговор краковского епископа Станислава и казнь его, новый заговор землевладельческой знати, действовавшей в контакте с чешским князем и Империей, и изгнание Болеслава II Смелого из страны — все это были яркие симптомы надвигавшегося торжества феодальной раздробленности. Вместо смелого и энергичного государя знать выдвинула его слабовольного и бездарного брата, Владислава-Германа, отказавшегося от королевской короны. Никчемный князь больше устраивал достаточно окрепших

экономически и политически можновладцев. Через 60 лет после изгнания Болеслава II Смелого, после временного укрепления единства Польского государства при Болеславе III Кривоустом (1106—1138) Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Единое государство распалось на уделы, в которых главной политической и экономической силой были крупные духовные и светские феодалы, внуки тех, кто бунтовал против Болеслава Храброго, сыновья убийц Мешко II и Болеслава Забытого, заговорщики и изменники (недаром «изменником» назвал епископа Станислава Галл Аноним) (45), изгнавшие Болеслава II из страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Огромные, неисчислимые бедствия принесла феодальная раздробленность польскому народу. Разрываемая на части феодальными усобицами князей и możnowładców, страна не в силах была устоять перед натиском татаро-монголов, трижды совершавших нашествия на польские земли. Но самую большую опасность представляла нараставшая в течение XIII в. экспансия германских феодалов, которая осуществлялась в то время двумя возникшими на захваченных славянских и прусских землях государствами — Бранденбургом и Тевтонским Орденом. Обе эти агрессивные силы в своем натиске на польские земли использовали людскую и материальную помощь Империи и других феодальных европейских государств. В особенно тяжелом положении находились западные польские земли. В них энергично развивался представлявший огромную угрозу для всего будущего исторического развития польского народа процесс немецкой рыцарской и городской патрицианской колонизации. Последняя имела своим следствием ослабление у господствующего класса исторических традиций, связывавших его с другими польскими землями.

В этих исключительно тяжелых исторических условиях польскому народу помогало устоять и сохранить свою самобытную культуру сознание единства польской земли, сознание единства и отдельности польской народности. Уже в XIV в. благодаря постепенному вызреванию необходимых экономических предпосылок произошло воссоединение значительной части польских земель в рамках единого национального государства. Объединение польских земель было ускорено наличием серьезной внешней опасности. В борьбе против иноземной экспансии в период феодальной раздробленности, в огне схваток, сопровож-

давших образование единого государства и его защиту, закалялось и крепло национальное самосознание польского народа. На захваченных германскими феодалами западных землях это национальное самосознание народа помогало ему бороться против усиливавшейся германизации. Очень ярко сознание единства польской земли, единства и самостоятельности польской народности проявилось и в польской средневековой литературе, несмотря на такое неблагоприятное для ее развития обстоятельство, как господство в письменности латинского языка. Начиная от стоявшего у порога окончательного торжества феодальной раздробленности Галла Анонима, горячо ратовавшего за сильную княжескую власть — символ объединения в одно целое польских земель, и до вершины польской средневековой историографии — «Истории» Яна Длугоша, красной нитью проходит через всю средневековую историографию патристический призыв к единству. Длугош, писавший во второй половине XV в., когда Польскому государству удалось нанести сокрушительные удары своему смертельному врагу — Тевтонскому Ордену, прекрасно понимал, что вековая борьба за объединение польских земель еще не окончена. Взор его устремлялся на запад, где под иноземным гнетом оставались коренные польские области. И он страстно мечтал о том времени, когда и они воссоединятся со всеми польскими землями, найдут спасение от напиравшего с запада неприятеля.

Чрезвычайно показательно обращение польской средневековой историографии к далекому прошлому, к эпохе политического единства и могущества польских земель. Народу уже тогда свойственно было обращаться к истории, чтобы найти в себе новые силы для часто очень тяжелой, неравной борьбы с иноземной агрессией. Так, к эпохе Болеслава Храброго, к периоду политического и военного могущества Древнепольского государства обращался Галл Аноним в начале XII в., когда Польша вела напряженную схватку с Империей за свое независимое существование.

Идеализация первого польского короля не была для него случайным литературным приемом. С образом Болеслава Храброго у него, как и у его современников, ассоциировалось понятие о единстве польского государства, единстве польских земель, понятие, которое особенно обострялось в связи с торжеством тенденций феодальной раздроблен-

ности. Для Галла, как и для его патрона — Болеслава III Кривоустого, образ Болеслава Храброго олицетворял целую политическую программу, которая предполагала сохранение единства действий польских князей и в эпоху членения государства на уделы. Такой программой для Болеслава III было установление принципа сеньората, при котором старший в роде — великий князь — оказывался бы естественным главой всех польских княжеств. Патриотические чувства, одушевлявшие Галла Анонима, были очень близки тем чувствам, которыми жили русские летописцы и гениальный творец «Слова о полку Игореве», страстно призывавшие к единству русских князей.

Этот призыв как на Руси, так и в Польше был возможен именно потому, что в народе существовало непоколебимое сознание единства своей земли. В свою очередь, сознание это было прямым следствием образования самих народностей. Обращение русских и польских книжников эпохи феодальной раздробленности к эпохе существования относительно единых Древнерусского и Древнепольского государств было тем более закономерным, что именно в период образования единой раннефеодальной государственности развивался у славян процесс формирования народностей. У всех народов процесс формирования народности проходил параллельно процессу распада первобытно-общинного строя и формирования классового общества, когда отмирали прежние кровно-родственные племенные связи, объединявшие раньше крупные людские коллективы, и возникали новые территориальные связи, способные охватить гораздо большие группы населения. У славян процесс консолидации народностей развивался на фоне начавшегося раньше процесса языкового расхождения, результатом чего было окончательное выделение (по-видимому, в период между IV и VIII—IX вв. (1) трех групп славянских языков — восточнославянских, западнославянских и южнославянских.

Польские славяне, занимавшие бассейны Одры и Вислы, принадлежали к западнославянской языковой ветви, к ее лехитской языковой группе, которая помимо поляков объединяла еще велетов (лютичей), бодричей и поморян (2). Но внутри этой более широкой языковой лехитской группы польские славяне отличались особенно тесным языковым родством, что в известной мере отделяло их от ле-

хитского населения, обитавшего к западу от среднего и нижнего течения Одры. Это родство было прямым результатом этнической общности населения, общности его происхождения (3). В рамках этой исторически складывавшейся польской языковой общности несколько особняком стояли кашубские и мазовецкие говоры (4).

Общность происхождения и языковая общность населения определяли естественные границы формирующейся польской народности. Материальной основой этого процесса была общность хозяйственного уклада, близость материальной и духовной культуры. Развивавшиеся между польскими землями экономические связи, пусть еще очень слабые и поверхностные, все же содействовали сохранению и развитию общих хозяйственных форм жизни для всей территории Польши.

Консолидация польской народности происходила не одинаково на территории польских земель. Главным очагом этого процесса были земли полян в Великой Польше. Поэтому в становлении единого языка польской народности важную роль сыграл, видимо, именно польский говор (5). Сравнительно быстро процесс консолидации народности развивался в Малой Польше и Силезии и отставал в Мазовии и Восточном Поморье. Это объяснялось не только известной языковой обособленностью, но и некоторыми чертами своеобразия культуры и быта населения мазовских и восточно-поморских земель. Слабее всего было связано с процессом консолидации польской народности Западное Поморье, где сталкивались, по-видимому, противоречивые процессы, один из которых сближал Западное Поморье с другими польскими землями, а другой развивался в сторону формирования особой народности.

Становление польской народности в основном завершилось в конце X — начале XI в., когда впервые для обозначения всей страны стало употребляться название Польша, а для обозначения ее населения — название поляки (6), и, следовательно, совпало по времени с оформлением древнепольской государственности.

Такое совпадение не является случайностью. Границы расселения консолидирующейся народности являлись естественными границами образующихся раннефеодальных государств. Как правило, границы раннефеодальных государств в основном совпадали с этническими границами,

а попытки отдельных князей выйти за эти естественные пределы обычно не давали прочных результатов. Так, только эпизодами остались в польской истории захваты Болеславом Храбрым Червенских городов или Чехии. Здесь на пути их политического слияния с Древнепольским государством стояли развивавшиеся процессы формирования древнерусской и чешской народностей.

В свою очередь образование раннефеодальной государственности, сопровождавшееся нарушением старых границ племенных княжений и созданием благоприятных условий для усиления экономического и культурного обмена между отдельными областями, отвечало интересам становления народности, формировало и укрепляло единство ее территории. Помимо других причин, именно относительно слабая политическая связь Мазовии и Восточного Поморья с центром Древнепольского государства тормозила активное участие этих областей в консолидации польской народности. Еще более разительно эта связь между процессом формирования государственности и образования народности обнаруживается на Западном Поморье, которое было слабее всех прочих земель связано с центром страны. Здесь связь эта ограничивалась лишь признанием зависимости от верховной власти польского князя, которому не удалось даже насадить у поморян бывшую общей для остальной Польши форму феодальной надстройки — христианскую церковь. При таких условиях сближение поморян, отличавшихся некоторыми особенностями языка, материальной и духовной культуры, с остальным населением польских земель не могло не быть длительным и сложным. Поморяне в течение всего периода существования Древнепольского государства оставались несколько в стороне от развивавшегося процесса консолидации польской народности, что имело, очевидно, своим следствием столь резкое противопоставление их полякам, которое наблюдается в хронике Галла Анонима (7).

Связь процесса формирования народности с процессом образования относительно единых раннефеодальных государств легко проследить и на примере других славянских народов. В тех случаях, когда образование таких крупных государств происходило относительно быстро, не прерывалось решительно какими-либо политическими катастрофами, образующиеся народности, консолидиру-

ющиеся в рамках единого государства, получали благоприятные условия для своего развития. Такие благоприятные условия создавались даже тогда, когда образующаяся народность вынуждена была ассимилировать более или менее значительный иноплеменный элемент. Этот особенно показательный случай очень ярко проявился в истории Руси и Болгарии, древнерусской и болгарской народностей. Наоборот, длительность и незавершенность процесса образования единого раннефеодального государства тормозила и осложняла процесс консолидации народности, как это видно на примере Сербии, прибалтийско-полабского и поморского славянства. Политическая катастрофа, прервавшая историческое существование Великоморавской державы, прервала и начавшийся процесс образования в ее рамках единой народности. На основе последней сложились позднее в рамках Древнечешского государства чешская, а в границах Венгрии — словацкая народности. В результате государственной слабости, катастрофически тяжелых политических условий существования оказалось возможной даже такая историческая трагедия, как исчезновение большей части прибалтийско-полабского и поморского славянства, постепенно поглощенного немецким этническим элементом.

Судьбы народности и судьбы создаваемых ею раннефеодальных государств оказываются таким образом в очень сложной и тесной связи между собою. Именно поэтому раннефеодальное государство, бывшее прежде всего аппаратом насилия в руках подымавшегося класса феодалов, играло огромную роль в истории всего народа. Именно поэтому объективно в его образовании были заинтересованы не только богатые и знатные, но и весь народ. Именно поэтому в тяжелые годы феодальных усобиц и неприятельских вторжений, когда «по земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие» (8), народные взоры обращались ко временам Владимира и Ярослава на Руси, Болеслава Храброго в Польше. Трудовой народ больше всех страдал от усобиц и войн и был заинтересован в ликвидации феодальной раздробленности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. I. (ВВЕДЕНИЕ)

1. Последнее издание *Monumenta Poloniae Historica. Nova series*, t. I. Kraków, 1949. Relacja Ibrahima ibn Ja'kuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekriego. Wydał, wstępem, komentarzem i przekładem opatrzył T. Kowalski.
2. Adam Bremensis. *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, ed. B. Schmeidler. *Scriptores rerum Germanicarum*. Hannover et Lipsiae 1917.
3. «*Vita quinque fratrum*» (*Mon. Pol. Hist.*, t. VI).
4. Патерик Киевского Печерского монастыря. С.-Петербург, 1911. «О преподобном Моисее Угрии. Слово 30».
5. Последнее издание *Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum*. Wydał, wstępem i komentarzem opatrzył K. Maleczyński. *Monumenta Poloniae Historica. Nova series*, t. II. Kraków, 1953. Есть очень хороший польский перевод хроники так называемого Галла-Анонима, выполненный Р. Гродецким: *Anonim t. zw. Gall. Kronika Polska*. Kraków, 1923.
6. *Magistri Vincentii episcopi cracoviensis Chronica Polonorum sive originole regum et principum Poloniae*, ed. A. Przezdziecki Cracowiae, 1862. К изданию А. Пшездзекского приложен польский перевод.
7. Полное собрание русских летописей (далее сокращено ПСРЛ), т. I, изд. 2. Л., 1926.
8. Опубликовано в *Mon. Pol. Hist.*, t. I; там же помещен польский перевод.
9. «*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*». Этот важнейший источник, написанный в половине IX в., опубликован в *Mon. Pol. Hist.*, t. I и в кн. St. Zakęrowski. *Opis grodów i teritorjów z północnej strony Dunaju czyli tzw. Geograf Bawarski*. Lwów, 1917. Здесь же помещена фотокопия рукописи.
10. Важнейший для наших целей отрывок из этого сочинения опубликован в *Mon. Pol. Hist.*, t. I.
11. Можно, впрочем, ожидать, что берестяные грамоты будут обнаружены и на территории Польши.
12. Важнейшими работами, обобщающими результаты довоенных археологических исследований раннефеодального периода в Польше, являются W. Antoniewicz. *Archeologia Polski*. Warszawa, s. a.; J. Kostrzewski. *Kultura prapolska*. Wyd. 2. Poznań, 1949 и его же. *Pradzieje Polski*. Poznań, 1949; R. Jaki-

- mo w i c z. Okres wczesnohistoryczny w kolektywnym труде «Prehistoria ziem polskich». Kraków, 1939—1949 («Encyklopedia Polska», t. IV, cz. I, dział V); W. Kowalenko. Grody i osadnictwo grodowe Wielkopolski wczesnohistorycznej. Poznań, 1938; W. Lęga. Kultura Pomorza we wczesnym średniowieczu na podstawie wykopalisk. Toruń, 1930.
13. Результаты послевоенных археологических исследований раннефеодального периода в Польше были подведены в работах А. Gieysztor. Geneza państwa polskiego w świetle nowych badań (Kwartalnik historyczny, t. LXI, 1954 г.); его же. Kierownictwo badań nad początkami państwa polskiego w latach 1948—1952 (Zapiski Archeologiczne, 1953, № 3); W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Poznań, 1952; J. Kamińska. Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski środkowej na tle osadnictwa. Łódź, 1954; ср. выступление К. Маевского на совещании советских и польских историков в октябре 1950 г. (Краткие сообщения Ин-та славяноведения, № 4—5. М., 1951).
 14. Большой этнографический материал о древнем славянском обществе собран в работе: К. Moszyński. Kultura ludowa słowian, t. I—II. Kraków, 1929—1930. О данных языка для восстановления картины образования Древнепольского государства см. Т. Lehr-Splawiński. Język polski, pochodzenie, powstanie i rozwój. Wyd. 2. Warszawa, 1951; есть русский перевод: Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. М., 1954.
 15. Z. Trudzik. Z węzłowych zagadnień dziejów na przełomie starożytności i wieków średnich. Dawna kultura, 1955. Nr. 2, str. 86.
 16. Важнейшими трудами, рассматривающими историю Древнерусского летописания, являются А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводках. СПб., 1908; М. Д. Присяжков. История летописания XI—XV вв. Л., 1940; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVI в. Курс источниковедения истории СССР, т. I. М., 1940; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.
 17. Последнее издание: Widukindi Rerum gestarum Saxoniarum, libri res, ed. P. Hirsch. Scr. rer. Germanicarum in usu schol. Hanpoverae, 1935.
 18. Kronika Thietmara. Poznań, 1953. Тут же дан параллельный польский перевод с латинского.
 19. Annales Hildeheimenses, изд. G. H. Pertz в MGH. Scriptores t. III.
 20. Annales Queldinburgenses, изданы там же.
 21. Подробнее о немецком летописании и немецких хрониках см. А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Изд. ЛГУ, 1955.
 22. Cosmas Pragensis Chronica boemorum. M. G. H. Scriptorum, N. S. t. II.
 23. См. В. Регель. О хронике Козьмы Пражского. СПб., 1890, стр. 33—35; А. Д. Люблинская. Указ. соч., стр. 248—249.

- 24 См. реконструкцию этого документа Г. Ловмянским в журн «Slavia Occidentalis», t. XIX.
25. Важнейшими сводами польских речников являются: *Rocznik t. zw. świętokrzyski dawny* (изд. в 1910 г. Вл. Семковичем в RAU, t. 53) и *Rocznik kapitulny krakowski* (изд. в MPH, т. II).
26. Жития св. Войцеха изданы в М. G. II. *Scriptores*, t. IV, XV.
27. G. Lengnich. *Historia Polona a Lecho ad Augusti II mortem*. Изд. 1 вышло в Лейпциге в 1740, 2 — в Гданьске в 1750 г.
28. A. Naruszewicz. *Historia narodu polskiego*, t. I. Warszawa, 1824.
29. Основным произведением Т. Чацкого является двухтомное исследование «O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 r. wydany». Warszawa, 1800—1801.
30. A. Bielowski. *Wstęp krytyczny do dziejów Polski*. We Lwowie, 1850.
31. W. A. Maciejowski. *Pierwotne dzieje Polski i Litwy*. Warszawa, 1846.
32. K. Szajnocha. *Lechicki początek Polski*. Lwów, 1858. Мы пользовались этой работой в изд. K. Szajnocha. *Dzieła*, t. IV, Warszawa, 1876, str. 85—294.
33. Fr. Piekosiński. O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. *Rozprawy Wydz. Hist.-Filoz. Ak. Um.* t. 14 1881; *Obrona hipotezy najazdu*. Там же, t. 16, 1883.
34. K. Krotoski. *Echa historyczne w podaniu o Popiele i Piaście*. Kw. Hist. 1925.
35. Подробнее см. об этом в книге М. Friedberga. *Kultura polska a niemiecka. Elementy rodzime a wpływy niemieckie w ustroju i kulturze Polski średniowiecznej*, t. I. Poznań, 1946, str. 26—27.
36. Ярким примером такой националистической литературы является сб. «Deutschland und Polen», München-Berlin, 1933. Подробнее о критике немецкой буржуазно-националистической историографии в довоенной польской литературе см. М. Фридберг. Указ. соч., т. II.
37. J. Lelevel. *Polska, dzieje i rzeczy jej*, t. I. Poznań, 1853, t. III, Poznań, 1855.
38. R. Roeppe. *Geschichte Polens*, t. I. Hamburg, 1840. Есть польский перевод этого труда: R. Roeppe. *Dzieje Polski do XIV stulecia*, t. I. Lwów, 1879.
39. J. Szujski. *Dzieje Polski*, t. I. Lwów, 1862. Мы пользовались изд. *Dzieła*. Ser. 2, t. I. Kraków, 1895.
40. M. Bobrzyński. *Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatów XII w.* *Rozp. Wydz. Hist. Filoz. Ak. Um.* t. 14, 1881.
41. St. Smółka. *Uwagi o pierwotnym ustroju społecznym Polski piastowskiej* Там же.
42. Особого упоминания заслуживает его книга «Mieszko stary i jego wiek», Warszawa, 1881, до сих пор не потерявшая своего научного значения.
43. Можно назвать ряд работ, важных для понимания взглядов Бальцера на происхождение польской государственности: O. Balzer. *Genealogia Piastów*. Kraków, 1895; *Historia ustro-*

- ju Polski (литографированный курс 1931 и 1933 гг.); O zadrud ze słowińskiej. Kw. Hist. 1899, t.—XIII; Rewizja teorii o pierwotnem osadnictwie. Kw. Hist. 1898, t.—XII; O kształtach państw słowiańszczyzny Zachodniej. Pisma pośmiertne, t. III, Lwów, 1937.
44. K. Potkański. Kraków przed Piastami RAU wyd. Hist.—Filoz. t. 35, 1898.
 45. Wl. Semkowicz. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego. Kw. Hist., 1925, t. XXIX.
 46. Z. Wojciechowski. Polska nad Wisłą i Odrą, w X w. Katowice, 1939; см. также сборник его статей: Studia Historyczne. Warszawa, 1955.
 47. J. Widajewicz. Państwo Wiślan. Kraków, 1947; его же Początki Polski. Wrocław—Warszawa, 1948.
 48. G. Labuda. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1946.
 49. K. Potkański. Pisma pośmiertne, t. I—II. Kraków, 1922—1925;
 50. Fl. Bujak. Studia nad osadnictwem Małopolski, cz. I. RAU wyd. Hist.-filoz. XXVII, 1905.
 51. K. Тумиеніеcki. Społeczeństwo słowian lechickich. Lwów, 1908; см. также сборник его статей: «Pisma Wybrane»; Warszawa, 1956.
 52. O. Balzer. Narzaz w systemie danin książęcych w pierwotnej Polsce. Lwów, 1928.
 53. J. Szczaniecki. Nadania ziemi na rzecz rycerzy w Polsce do końca XIII w. Poznań, 1938.
 54. J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski, t. I. Poznań, 1947; есть русский перевод этой работы: Я. Рутковский Экономическая история Польши, М., 1953.
 55. Итоги довоенных археологических исследований в этой области подведены в кн.: J. Kostrzewski. Kultura prapolska Poznań, 1947.
 56. St. Arnold. Uwagi o początkach ustroju feudalnego w Polsce. «Przegląd historyczny», t. 41, 1950.
 57. См. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», М., 1951, № 4—5. «Вопросы истории», 1951, № 1, № 6.
 58. Материалы конференции опубликованы в книге: «Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich», t. I—II, Warszawa, 1953.
 59. H. Lowmiański. Podstawy gospodarcze formowanie się państw słowiańskich. Warszawa, 1953.
 60. W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. 1952.
 61. A. Gieysztor. Geneza państwa polskiego w świetle nowszych badań. Kw. Hist., t. LXI, 1954.
 62. J. Bardach. Uwagi o «rodowym» społeczeństwie i prawie bliskości w Polsce średniowiecznej Czasopismo prawno-historyczne, t. IV, 1952.
 63. См., например, работы H. Lowmiański. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań, polsko-radzieckich. Kw. Hist., LX, 1953, № 1.
 64. J. Bardach, A. Gieysztor, H. Lowmiański, E. Maleczyńska. «Historia Polski» do r. 1466. Warszawa, 1953.

65. «Historia Polski», t. I do r. 1764, cz. I—II pod. red. H. Lowmiańskiego. PWN.
66. Славянский сборник», Госполитиздат, 1947.
67. «История Польши», т. I, под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, М., 1954. Изд. 2. М., 1956.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. 2

- 1 V. Polak. Slovánská pravosl s hlediska jazykového. Vznik a počátky slovanů, t. I. Praha, 1956, s. 23—27.
- 1a. М. И. Артамонов. Происхождение славян. Ленинград, 1950 стр. 5.
2. Т. Лер-Сплавинский. Польский язык, стр. 10.
- 2a. V. Polak. Entogenese slovanů s hlediska jazykového. Vznik a počátky slovanů, t. I, str. 9—10.
3. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1953, стр. 30.
4. Там же, стр. 33.
5. T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946, str. 94—97; J. Kostrzewski. Pradzieje Polski Poznań, 1949, str. 48.
- 6 Т. Лер-Сплавинский. Польский язык, стр. 20.
- 7 П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 32—33.
8. J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek Ludów. Prehistoria ziem polskich. «Encyklopedia Polska», t. IV, cz. I, dział-V. Kraków, 1939—1948, str. 165—190.
9. St. Nosek. Zagadnienie prasłowiańszczyzny w świetle prehistorii Warszawa, 1947.
- 10 J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 217.
11. Ю. Неуступный. Первобытная история Лужицы. Прага, 1947, стр. 48.
12. Ср. «История Польши», т. I, изд. 2, М., 1956, стр. 19.
13. См. «T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu, str. 97—103, J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 50; J. Filip. Počátky slovanského osídlení v Československu. Praha, 1946 str. 17—31; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 8; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 40—41.
14. Т. Лер-Сплавинский. Польский язык, стр. 22; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 40—41.
15. Первые следы земледельческих занятий населения и проявления животноводства можно отметить еще в неолите. См. об этом J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 51; St. Nosek. Próba podziału pradziejów Polski ze stanowisku rozwoju kultury i faktów etniczno-historycznych. Sprawozd. PAU. t. XLIX. 1948, № 3, str. 177.
16. Подробнее о быте племен лужицкой культуры см. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich; Zd. Nejedly. Dějiny národa českého. d. I, 1949, J. Filip. Pravěke Československo Praha, 1948; П. Н. Третьяков. Указ. соч.
17. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 67—68.
18. J. Kostrzewski. Z badań nad osadnictwem wczesnej i środkowej epoki brązowej na ziemiach polskich «Przegląd archeologiczny», 1925, t. II, str. 167—168.

19. R. Jamka. Prehistoryczne i wczesnodziejowe ośrodki produkcji górniczej i rzemieślniczej na Śląsku. «Przegląd historyczny». t. XXI, 1950, str. 27.
20. Там же, стр. 30—31.
21. С. S. Крукowski. Krzemionki Opatowskie. Warszawa, 1939.
22. Ю. Неуступный. Указ. соч., стр. 38.
23. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 68.
24. Подробнее о результатах археологических раскопок Бискупинского поселения см. J. Kostrzewski. Osada bagienna w Biskupinie. «Przegląd archeologiczny», 1933—1936; Z. A. Rajewski. Biskupin gród prasłowiański. 1947.
- 24a. J. Głosik. Lubelszczyzna powoli odsłania najdawnieszą przeszłość. «Życie Warszawy», 27.VII 1957
25. См., например, J. Filip. Počátky..., str. 41, 44 и др.
26. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 74.
- 27—28. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 45, 57, 66.
29. Там же, стр. 129.
30. Там же, стр. 116.
31. J. Filip. Počátky..., str. 36—42.
32. М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 14.
33. R. Jamka. Указ. соч., стр. 44—47.
34. J. Filip. Počátky..., str. 43—44; J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 129.
35. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 79—80.
36. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 129—130.
37. A. Gieysztor. Periodizacja dziejów Polski do wieku XIII на podstawie badań historycznych i archeologicznych. Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich, t. I. Warszawa, 1953. str. 233.
38. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 90.
39. J. Filip. Počátky..., str. 45.
40. Zd. Nejedlý. Dějiny národa českého, t. I. 1949, str. 220. Есть русский перевод этой книги: З. Нееллы. История чешского народа, т. I. М., 1952.
41. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 124; J. Filip. Указ. соч., стр. 49—50.
42. T. Sulimirski. Zagadnienie upadku kultury lużyckiej. Slavia Antiqua, t. I. 1948.
43. См. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 81.
44. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 124, 130—131.
45. L. J. Luka. Uwagi nad dotychczasowym stanem i perspektywami rozwoju badań nad kulturą pomorską. «Wiadomości archeologiczne», 1956, № 4, str. 299.
46. Там же, стр. 304.
47. Там же, стр. 305.
48. «Historia Polski», t. I, cz. I, pod red. H. Lowmiańskiego. PWN. s. a., (Makieta), str. 38.
49. М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 14.
50. Возможно, что название «венеты» было традиционным и что так называлось прежде население Лужицкой культуры. Античные писатели просто использовали известное им древнее имя для обозначения славян, с которыми как раз в то время вступила в контакт римская рабовладельческая цивилизация. Венетами

- могли называть славян их соседи, сами славяне никогда не упоминались в качестве самоназвания этого имени. См. Т. Лер-Сплавинский. Польский язык, стр. 24—25; T. Lehr-Splawiński. O pierwotnych Wenetach, в сб. «Inter Arma» Kraków, 1946.
- 51 «История Чехословакии», т. I под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М., 1956, стр. 28.
 - 52 J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 158
 53. Там же, стр. 159—160.
 54. J. Kostrzewski. Od mezołitu..., str. 300.
 55. J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 170.
 56. А. Д. Удальцов. Основные вопросы этногенеза славян. Сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 9—11; T. Lehr-Splawiński. O starożytnych Lugiach. «Slavia Antiqua», t. I. Poznań, 1948.
 57. J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Wyd. 3. Warszawa—Wrocław, 1955, str. 234.
 58. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 111—130.
 59. Zd. Nejedlý. Указ. соч. стр. 329—341.
 60. Обширный материал и важные выводы об экономических связях Рима с польскими землями содержатся в работе K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949.
 61. P. Tretiakov. Rozkład ustroju wspólnoty pierwotnej i kształtowanie się społeczeństwa klasowego. Znaczenie wpływów rzymskich na Słowiańszczyznę i jej rozwój w epoce przedfeudalnej i wczesnofeudalnej. Pierwsza konferencja metodologiczna, t. I, str. 269.
 - 61a. K. Dąbrowski, T. Uzdowska, M. Młynarska. Kalisz w starożytności i średniowieczu. Warszawa—Wrocław, 1956, str. 9—41.
 - 62 K. Tymieniecki. Ziemia polskie w starożytności. Ludy i kultury najdawniejsze. Pisma wybrane. Warszawa, 1956, str. 402—403.
 63. Там же, стр. 404. ср. J. Kostrzewski. Wielkopolska..., str. 208—213, 226.
 - 63a. J. Kaźmierczyk. Osada Hutnicza w Groszowicach. «Dawna kultura», 1954, № 1, str. 31—32.
 64. A. Gieysztor. Periodizacja..., str. 235; «Historia Polski», t. I, cz. I, pod. red. H. Lowmiańskiego. PWN, s. a. str. 44.
 - 64a. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 166.
 65. Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich, t. I, 1948, str. 218; J. Kostrzewski. Pradzieje ziem polskich, str. 199.
 66. См. выступление К. Маевского на совещании советских и польских историков в 1950 г. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения». № 4—5, М., 1950, стр. 68; Gieysztor. Periodizacja..., s. 234.
 67. Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków..., t. I, str. 162—163.
 68. А. Удальцов. Проблемы происхождения славян в свете современной археологии «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 46—47

69. «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 47
70. J. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha. 1948. str. 107
71. «История Чехословакии», т. I, стр. 34.
72. «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 47.
73. Подробнее об этом см. П. Н. Третьяков. Указ. соч. стр. 185—204; «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 37—44, сопоставление литературы, посвященной значению славянских передвижений для судеб Восточно-Римской империи, см. в статье В. И. Пичета «Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947 гг.)». «Вестник древней истории», 1947, № 3.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. 3

1. О положении рабов у славян в рассматриваемое время см. в исследовании: Б. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат. 1953, стр. 111—112; ср. В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Ленинград, 1945, стр. 45—46.
2. A. Gieysztor. Geneza państwa polskiego w świetle nowszych badań. «Kwartalnik historyczny», 1954, № 1, str. 118; Z. Trudzik. Z węzłowych zagadnień dziejów Polski na przełomie starożytności i wieków średnich. «Dawna kultura», 1956, № 2, str. 91
3. Ср. ПСРЛ, т. I, стр. 11—12.
4. A. Gieysztor. Указ. соч., стр. 117—118; Z Trudzik. Указ. соч., стр. 91
5. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich, str. 138—178; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 266—272; ср. J. Wielowiejski. Zagadnienie przełomu w technice uprawy roli w pierwszym tysiącleciu N. E. na ziemiach. «Kwartalnik historii kultury materialnej», 1955, № 1, str. 164. R. Kiersnowski. Rośliny uprawne i pożywienie roślin w Polsce wczesnofeudalnej. «Kwartalnik historii kultury materialnej», 1954, № 3, str. 350—373, 383—384.
6. K. Tymieniecki. Przemiany w ustroju polskiej wsi wczesnofeudalnej i ich wpływ na wzrost sił wytwórczych. «Kwartalnik historyczny», 1955, № 3, str. 4.
7. W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Wyd. 2. Warszawa, 1956, str. 95—114.
8. Там же, стр. 27; H. Łowmiański. Указ. соч., стр. 168.
- 8а. R. Kiersnowski. Указ. соч., стр. 363—365.
- 8б. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. «Труды гос. ист. музея», вып. 32, М., 1956, стр. 56.
- 8в. А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 253.
9. W. Hensel. Указ. соч., стр. 81.
10. В оценке рубежа VI—VII вв. как начальной грани раннефеодального периода в истории Польши сходятся большинство как польских, так и советских историков. См. «История Польши». т. I, стр. 9; «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 95; ср. В. Королук и И. Миллер. О периодизации истории Польши. «Вопросы истории», 1951, № 11, стр. 91, а также R. Kiersnowski, T. Lalik, J. Tazbir, A. Wyczański. Dyskusja nad

- makietą I tomu Historii Polski. «Kwartalnik historyczny», 1956, № 3, str. 7.
11. A. Gieysztor. Указ. соч., стр. 121—122; «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 107—108.
 12. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 42.
 13. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 177; J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski do połowy XV wieku. Warszawa, 1957, str. 60.
 14. См. J. Bardach. Uwagi o «rodowym» ustroju społeczeństwa i prawie bliskości w Polsce średniowiecznej. «Czasopismo Prawno-Historyczne», t. IV, 1952, стр. 418—424.
 15. К. Маркс, Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 118.
 16. J. Bardach. Historia państwa i prawa..., стр. 62.
 17. К. Тумieniecki. Przemiany..., стр. 8, ср. A. Gieysztor Указ. соч., стр. 121.
 18. В. И. Пичета. Образование Польского государства. «Славянский сборник», Госполитиздат, 1947, стр. 49.
 19. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 175—176.
 20. «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 106.
 21. Там же.
 22. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 147.
 23. А. Gieysztor. Указ. соч., стр. 122.
 - 23а. А. В. Мишулин. Указ. соч., стр. 253.
 - 23б. Там же, стр. 254.
 24. M. Friedberg. Kultura polska a niemiecka. Elementy rodzime a wpływy niemieckie w ustroju i kulturze Polski średniowiecznej, t. I. Poznań, 1946, str. 136, 151—152.
 25. К. Тумieniecki. Społeczeństwo słowian lechickich. Lwów, 1928, str. 88—93.
 26. По свидетельству Ибрагима ибн Якуба польский князь Мешко I, живший во второй половине X в., содержал свою большую (3 тыс. человек) дружину именно за счет даной. См. Monumenta Poloniae Historica. Nova series, t. I, str. 50.
 27. Galli Anonymi Cronica..., стр. 12.
 28. См. Z. Wojciechowski. Państwo polskie w wiekach średnich. Dzieje ustroju. Poznań, 1948, str. 3—4.
 29. A. Arnold. Terytorja plemienne w ustroju administracyjnym Polski Piastowskiej (N. XII—XIII). Prace Komisji dla atlasu historycznego Polski. Zesz. II. W Krakowie, 1927, str. 111.
 30. «История Чехословакии», т. I, стр. 52, 60.
 31. Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства М.—Л., 1945, стр. 29—46.
 32. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 190—195.
 33. Ср. «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 104—105.
 34. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. I. Wyd. i opr. T. Lewicki, Wrocław—Kraków, 1956, str. 302.
 35. Там же, стр. 143.
 36. Там же, стр. 93.
 37. Там же, стр. 99, 296.

1. Основной материал для настоящей главы дали следующие исследования: J. Kostrzewski. *Kultura prapolska*. Wyd. II. Poznań, 1949; W. Hensel. *Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej*. Wyd. II, Warszawa, 1956; H. Łowmiański. *Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich*. Warszawa, 1953; A. Gieysztor. *Geneza państwa polskiego w świetle najnowszych badań*. Kw. Hist. 1954, № 1; J. Kamińska. *Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski środkowej na tle osadnictwa*. Łódź, 1953; W. Kowalenko. *Grody i osadnictwo grodowe Wielkopolski wczesnohistorycznej (od VII do XII w.)*. Poznań 1938; R. Jankowska. *Prehistoryczne i wczesnohistoryczne ośrodki produkcji hutniczej i rzemieślniczej na Śląsku*. Przegląd histor., 1950; Z. Podwińska. *Narzędzia uprawy roli w Polsce w okresie wczesnośredniowiecznym*. Kw. Hist. Kult. Mater. 1954, № 3.
2. J. Wielowiejski. *Zagadnienie przelomu w technice uprawy roli...*, str. 157—158.
3. Там же, стр. 162—163. Ср. J. Kostrzewski. *Kultura prapolska...*, str. 157—158.
4. W. Hensel. *Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna...*, str. 17—18; J. Kostrzewski. *Kultura prapolska...*, str. 30.
5. W. Hensel. *Указ. соч.*, стр. 44—45.
- 5a. «Очерки по истории русской деревни...», стр. 34 и др.
6. J. Kostrzewski. *Указ. соч.*, стр. 28.
7. J. Wielowiejski. *Указ. соч.*, стр. 161.
8. Z. Podwińska. *Narzędzia uprawy roli w Polsce...*, str. 407 — 408.
9. J. Wielowiejski. *Указ. соч.*, стр. 161.
10. *Mon. Pol. Hist. N. S.*, t. I, str. 52; ср. W. Hensel. *Указ. соч.*, стр. 28.
11. *Mon. Pol. Hist. N. S.*, t. I, str. 52.
12. J. Kostrzewski. *Указ. соч.*, стр. 32.
13. *Mon. Pol. Hist. N. S.*, t. I, str. 52.
14. H. Łowmiański. *Указ. соч.*, стр. 169.
- 14a. Wł. Holubowicz. *Opole w wiekach X—XII*. Katowice, 1956, str. 219.
15. W. Hensel. *Указ. соч.*, стр. 28, прим. 2.
16. *Mon. Pol. Hist. N. S.*, t. I, str. 52.
17. J. Kostrzewski. *Указ. соч.*, стр. 47—48.
18. J. Kostrzewski. *Указ. соч.*, стр. 49.
19. *Mon. Pol. Hist. N. S.*, t. I, str. 52.
20. W. Hensel. *Указ. соч.*, стр. 102—106; ср. J. Matuszewski. *Początki nowożytnego zaprzęgu konnego*. Cz. II. Kw. Hist. Kult. Mater. 1954, № 4, стр. 641—644.
21. См. Л. В. Разумовская. *Повинности крестьян в феодальной Польше (первая половина XIV в.)* «Уч. записки Ин-та естественных наук», т. IV, М., 1951, стр. 271—274.
22. W. Hensel. *Указ. соч.*, стр. 97; H. Łowmiański. *Указ. соч.*, стр. 50; ср. O. Balzer. *Narząd w systemie danin książęcych pierwotnej Polski*. Lwów, 1928, str. 204. Последний, правда, держался неправильного мнения о преобладании в Польше этого

- времени скотоводства. См. там же, стр. 125—169.
23. W. Hensel. Указ. соч., стр. 98—99.
24. Mon. Pol. Hist. N. S., t. I, str. 53.
- 24a. «Очерки по истории русской деревни...», стр. 107, 115, 137.
- 24б. См. § 69. Пространной «Правды»: «Аже оукрадеть кто бобръ, то 12 гри[вень]». «Правда Русская», т. I, М.—Л., 1940, стр. 112.
- 24в. «Очерки по истории русской деревни...», стр. 12—13.
25. O. Balzer. Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej. Kw. Hist., 1910, № 3/4; J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 85.
26. Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich, t. I, str. 216—217.
27. Mon. Pol. Hist. N. S., t. I, str. 48—49.
- 27a. A. Żaki. Wietrznów-wczesnośredniowieczny grad graniczny w świetle badań lat 1952—1953. «Wiadomości archeologiczne», 1957 № 1—2, str. 20—32.
28. В этих посадах видел зачатки позднейших городов. К. Тумие-ниекі. См. его работу: Podgrodzia w zachodniej Słowiańszczyźnie i pierwsze lokacje miast na prawie niemieckim. «Slavia Occidentalis», 1922, str. 55—113.
29. J. Kostszewski. Указ. соч., стр. 108.
- 29a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 9, 52, 54, 72.
- 29б. Там же, стр. 45, 46, 72.
30. W. Hensel. Указ. соч., стр. 321—322.
31. H. Łowmiański. Указ. соч., стр. 206—207; A. Gieysztor. Указ. соч., стр. 127—129.
32. W. Hensel. Указ. соч., стр. 322—324; J. Poulik. Jizni Morava—Země давныхъ slovanů. Brno, 1948—1950, str. 102—124; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, стр. 3—64; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Л., 1948, стр. 98—99; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 110; И. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 272.
33. A. Nasz. Opole. Wrocław, 1948, str. 5—24; Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 109—216.
34. H. Gieysztor. Указ. соч., стр. 128.
35. Там же, стр. 128—129.
36. Mon. Pol. Hist. N. S., t. I, str. 49, 50.
37. Там же, стр. 50.
- 37a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 45.
- 37б. Там же, стр. 80.
- 37в. Там же.
- 37г. Там же, стр. 105.
38. В ст. 13 краткой «Правды» говорится: «Аще пойметъ кто чюжь конь, любо оружие, или порт, а познаетъ в своемъ миру, то взяти ему свое, а 3 гривны за обиду». В Пространной «Правде», нормы которой отделяет от Краткой период приблизительно в 300 лет (см. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 74), этой статье соответствует 34: «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповестъ на торгу, а после познаетъ в своемъ городе, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платили ему 3 гривны». См. «Правда Русская», т. I, стр. 79, 107.
- 38a. Ср. О. Попее. W sprawie początków miast staroruskich.

- «Przegląd historyczny», 1957, № 3, str. 557—558.
39. Galli Anonymi Cronica..., стр. 8.
 - 39a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 54—55.
 - 40 J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 264.
 41. Т. Чайльд. Прогресс и археология. М., 1940, стр. 74.
 - 41a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 117—120.
 42. J. Kostrzewski. Czy ceramika przedhistoryczna była przedmiotem handlu? «Przegląd archeologiczny», t. VIII, z. I, 1948, str. 4.
 - 42a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 150.
 43. W. Hensel. Указ. соч., стр. 153—157.
 - 43a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 155—160.
 44. J. Kostrzewski. Kultura... str. 288.
 45. Там же, стр. 283—284.
 46. R. Kiersnowski. Główne momenty rozwoju środków wymiany na Pomorzu wczesnofeudalnym. «Wiadomości archeologiczne», 1956, № 3, str. 220—248.
 47. Mon. Pol. Hist. N. S., t. I, str. 49.
 - 47a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 260.
 48. J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 333—334; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 188—195.
 49. K. Górski. Polska w zlewisku Bałtyku. Gdańsk. Bydgoszcz, 1947, str. 25.
 50. Там же, стр. 25—26.
 51. В. Васильевский. Древняя торговля Киева с Бергенбургом. Журн. Мин. Нар. Прав, 1888, июль; М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 г. Вып. I (34), Л., 1927, «Zródła arabskie...», t. I, str. 34, 141.
 52. Wł. Antoniewicz. Archeologia Polski; str. 215.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. 5

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 140.
- 1a. Wł. Hołubowicz. Указ. соч., стр. 47.
2. J. Miłkowski. Pomorze Zachodnie w stosunku do Polski. Poznań, 1946, str. 16; «Pamiętnik VII zjazdu...», t. I, str. 215.
3. Возможно, что возникновение Волина как города следует относить не к X, а к XI в. Сб этом см. «Przegląd archeologiczny», 1948, t. VIII, sesz. I, Poznań, 1949, str. 114. О том, что Волин и Иомсбург — это один и тот же город, и Иомсбург — лишь датское имя для славянского города, см. J. Widajewicz Płożenie Jomsborga. Kw. Hist., 1934, str. 239—240.
4. J. Miłkowski. Указ. соч., стр. 17; K. Górski. Указ. соч., стр. 26; M. Pelczar. Polski Gdańsk. Gdańsk, 1927, str. 20.
5. J. Miłkowski. Указ. соч., стр. 17.
6. Mon. Pol. Hist., t. II, Lwów, 1872, str. 510 и сл.
7. J. Widajewicz. Państwo wiślan. Kraków, 1947, str. 71.
8. Там же, стр. 31—42.
9. Там же, стр. 57.
10. Mon. Pol. Hist., t. I, str. 107, 118.
11. K. Potkański. Kraków przed Piastami. RAU wydz. hist.-filoz., t. 35, 1898, str. 160—164; J. Widajewicz. Указ. соч.,

- стр 74—75, Z Wojciechowski Państwo str 14
- 12 K Potkański Указ соч, стр 164, O Baizer O kształtach państw słowiańszczyzny zachodniej Pisma posmiertne We Lwowie, 1937, str 53, J Widajewicz Указ соч, стр 75—84
- 13 Mon Pol Hist, N S, t I str 49
- 14 K Potkański Указ соч, стр 192, J Widajewicz Указ соч, стр 111—117
- 15 A Gieysztor Geneza str 131
- 16 J Bardach Historia państwa i prawa, str 65—66
- 17 Galli Anonymi Cronica str 9
- 18 В И Пичета Указ соч, стр 50, Z Wojciechowski Państwo, str 15
- 19 J Widajewicz Początki Polski Wrocław—Warszawa, 1948 str 113—114 K Potkański Jeszcze o Piastach Kw Hist 1900 № 3 str 4—10
- 20 Zakrzewski Zagadnienia historyczne Lwów—Warszawa 1908 str 204
- 21 Употребление в пищу конины известно было в то время у славян См «История культуры древней Руси», т I, под ред Н Н Воронина, М К Каргера и М А Тихановой М.—Л., 1948, стр 58—59, W Hensel Słowiańszczyzna, str 105
- 22 ПСРЛ, т I, стр 64—65
- 23 Galli Anonymi Cronica, str 12—13
- 24 Mon Pol Hist, N S, t I str 50
- 25 Z Wojciechowski Polska Niemcy Dziesięć wieków zmagania Poznań 1945, str 19
- 26 Mon Pol Hist N S, t I str 50
- 27 Исследователям до сих пор не удается определить какое польское племя было названо хроникером *лианкавицами*
- 28 Widukindi Rerum gestarum Saxoniarum I III, c 66
- 29 См рец к Тыменскому на кн G Labuda Studja nad początkami państwa polskiego Poznań 1946 «Slavia Occidentalis» t 19 str 461—462
- 30 Widukindi Rerum gestarum Saxoniarum I III c 69
- 31 «Historja polityczna Polski», cz I («Encyklopedia Polska», t V, cz 1) Kraków, 1920 str 31
- 32 J Wojciechowski Polska Niemcy — str 15
- 33 A F Grabski Uwagi w sprawie tytułu książąt Rusi Kijowskiej «Kwartalnik Instytutu Polsko Radzieckiego», 1956, № 2, str 242
- 34 M Friedberg Kultura polska i niemiecka, t I Poznań, str 65—66
- 35 Там же, т II, стр 27
- 36 K Buczek Pierwsze biskupstwa polskie Kw Hist, 1938 str 171
- 37 M Friedberg Указ соч, т I, стр 67
- 38 J Mitkowski Указ соч, стр 21
- 39 Z Wojciechowski Państwo, str 16—17
- 40 «Historja polityczna», cz I str 35
- 41 Там же, Z Wojciechowski Polska Niemcy, str 17
- 42 Z Wojciechowski Указ соч, стр 18
- 43 Там же, стр 19—20
- 44 Z Wojciechowski Państwo str 17

- 45 H Lowmianski Imię chrzestne Mieszka I «Slavia Occidentalis», t 19, str 251—252, тут же помещен и текст документа «Dagome iudex»
- 46 «Historja polityczna », cz I, str 38—39
- 47 Подробнее об этом см В Д Королюк К вопросу об отношении Руси и Польши в X в «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», № 9, М, 1952, ср S M Kuczyński O powstaniu wzminki z r 981 w «Powiesci lat doczesnych» Sprawozd Wrocławskiego Tow Naukowego, Wrocław, 1955
- 48 Z Wojciechowski Państwo , str 17
- 49 Там же, стр 18
- 50 J Mitkowski Указ соч, стр 31.
- 51 «Historja polityczna », cz I str 43
- 52 M Bobrzynski Dzieje Polski w zarysie, wyd 4, t I, 1927, str 75
- 53 «Historja polityczna » cz I str 45
- 54 S Kętrzyński Dagome iudex «Przegląd historyczny», t XXI, 1950, str 144—151
- 55 M Friedberg Указ соч, т II, стр 44
- 56 K Buczek Указ соч, стр 175
- 57 Z Wojciechowski Studia historyczne Warszawa, 1954 str 78
- 58 Там же
- 59 S Zakrzewski Bolesław Chrobry Wielki Lwow—Warszawa 1925, str 121, 141—149
- 60 Z Wojciechowski Studia , str 84
- 61 Там же, стр 84—85
- 62 «Kronika Thietmara», Poznań, 1953, str 263—265
- 63 Б Д Греков Волжские болгары в IX—X вв «Исторические записки», № 14, 1945, стр 35
- 64 « situ loci et naturali positione regio ista per insulas lacubus et paludibus est minuta et per sortes hereditarias ruricolis et habitatoribus disparlita», Galli Anonymi Cronica , str 154
- 65 Mon Pol Hist, t VI, str 411
- 66 S Kutrzeba Historja ustroju Polski w zarysie, t I Lwow—Warszawa 1925, str 14
- 67 В И Пичета Указ соч, стр 58.
- 68 Mon Pol Hist N S, t I, str 49
- 69 Патерик Киевского Печерского монастыря, стр 104
- 70 « nam et civitatem ei contulit et eum dignitate inter nobiliores extulit» Galli Anonymi Cronica str 16
- 71 H Lowmianski Podstawy , str 113
- 72 Там же
- 73 Ср Я П Зинчук Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X—XII вв «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», № 21, М, 1957, стр 101
- 75 В И Пичета Указ соч, стр 53.
- 75 «Kronika Thietmara», str 555
- 76 S Kętrzyński Dagome iudex, str 150
- 77 Об этом подробнее см В Д Королюк О последнем периоде правления Болеслава Храброго «Исторические записки», № 19, 1946, стр 147

78. Ср. S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry..., str. 217.
79. Z. Wojciechowski. Państwo..., str. 73. Термин «каштелян» вместо «комес» появляется значительно позже.
80. Galli Anonymi Cronica..., str. 32.
81. Там же, стр. 27.
82. Там же, стр. 32.
83. S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry..., стр. 301.
84. Mon. Pol. Hist. N. S., t. I, str. 50.
85. S. Zakrzewski. Указ. соч., стр. 301.
86. Там же.
87. S. Zakrzewski. Mieszko I jako budowniczy państwa polskiego. Warszawa, s. a., str. 46—47.
88. «Pamiętnik VII zjazdu...». t. I, str. 216—217.
89. Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 344.
90. T. Korzon. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce, t. I. Kraków, 1912, str. 34.
91. Galli Anonymi Cronica..., str. 25—26.
92. T. Korzon. Указ. соч., стр. 38.
93. Там же, стр. 37.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. 6

1. Galli Anonymi Cronica..., str. 34.
2. «Kronika Thietmara», str. 223, 225, 261.
3. ПСРЛ, т. I, стлб. 143.
4. Там же, стр. 143.
5. «Kronika Thietmara», str. 225.
6. ПСРЛ, т. I, стлб. 142—143.
7. Z. Wojciechowski. Studia historyczne..., str. 86.
8. «Historja polityczna», cz. I, стр. 47.
9. H. Lodyński. Węgry lennem stolicy Apostolskiej. Kw. Hist., 1910, str. 36 и сл.
10. «Historja polityczna...», cz. I, str. 47.
11. R. Buczek. Указ. соч., стр. 171.
12. Z. Wojciechowski. Studia..., str. 86.
13. Wł. Semkowicz. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego. Kw. Hist., 1925, str. 268.
14. «Historja polityczna...», cz. I, str. 48.
15. Там же, стр. 49.
16. Wł. Semkowicz. Указ. соч., стр. 269—272.
17. Там же, стр. 284; Fr. Palacký. Dejiny národu českého v Čechách a v Moravě. Praha, 1921, str. 68; Ф. И. Успенский. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872, стр. 227—228.
18. Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., str. 26.
19. «Historja polityczna...», cz. I, str. 49.
20. Цит. по кн.: Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 228.
21. «Historja polityczna...», cz. I, str. 49.
22. Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., str. 27.
23. Fr. Palacký. Указ. соч., стр. 68.
24. Z. Wojciechowski. Указ. соч., стр. 27.
25. Там же, стр. 28.

26. Там же.
27. Там же.
28. «Historja polityczna...», cz. I, str. 51.
29. Z. Wojciechowski. Указ. соч., стр. 27.
30. Mon. Pol. Hist., t. I, str. 226—227.
31. «Historja polityczna...», cz. I, str. 51—52.
32. «Kronika Thietmara», str. 628; более подробно характеристику Киева конца X — начала XI вв. см. в кн. М. Н. Тихомиров. Древне-русские города, стр. 287—293.
33. «Historja polityczna...», cz. I, str. 57.
34. Там же.
35. Там же, стр. 52.
36. Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., str. 29.
37. J. Mitkowski. Указ. соч., стр. 31.
38. «Kronika Thietmara», str. 561, 563.
39. Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., str. 30.
40. S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry..., str. 293.
41. Galli Anonymi Cronica..., str. 16.
42. Wl. Semkowicz. Указ. соч., стр. 283, 292, 301.
43. S. Zakrzewski. Указ. соч., стр. 291, о постоянном притоке русских воинов в Византию см. в кн. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 387—390.
44. K. Górski. Указ. соч., стр. 35.
45. S. Zakrzewski. Указ. соч., стр. 301.
- 45а. ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 132.
46. «Igitur rex Boleslaus urbe ditissima regnoque Ruthenorum potentissimo decem mensibus potitus, inde pecuniam in Poloniam transmittendo unquam extitit otiosus; undecimo vero mense, quia regna quam plurima tenebat et puerum ad regnandum Meschonem adhuc ydoneum non videbat, loco sui quodam ibi Rutheno sui generis in dominum constituto, cum thesauro residuo Polonian remeabat». Galli Anonymi Cronica..., стр. 23.
47. «Kronika Thietmara», стр. 621.
48. Karłowicz. Kijowska wyprawa. Poznań, 1872, str. 20; И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши. Киев, 1882, стр. 99.
49. И. Линниченко. Указ. соч., стр. 93.
50. «Kronika Thietmara», str. 623.
51. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 440.
52. «Huius regnum (имеется в виду Русь. — В. К.) prefatus dux (т. е. Болеслав — В. К.) postea cum exercitu invodens generum suimet et fratrem eius (т. е. Ярослава — В. К.) diu expulsum inthronizavit et hilaris rediit». «Kronika Thietmara», стр. 563.
53. Подробнее о внутреннем положении в стране см. В. Д. Корольюк. О последнем периоде правления Болеслава Храброго «Исторические записки», № 19, 1946.
54. ПСРЛ, т. I, стлб. 144.
55. S. Zakrzewski. Указ. соч., стр. 309.
56. Там же, стр. 310.
57. Там же, стр. 315.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ 7

- 1 J Bardach, A Greysztor, H Lowmiański, E Małeczyńska Historia Polski do r Warszawa, 1954 str 56, «Historia Polski», t I, cz I, pod red H Lowmiańskiego str 156—157
- 2 Цит по кн Z Wojciechowski Polska Niemcy , str 30
- 3 «Historia Polski», t I, cz I, str 170
- 4 J Mitkowski Указ соч, стр 33—34
- 5 Z Wojciechowski Studia historyczne , str 88
- 6 «Historja polityczna », cz I, str 63—64
- 7 Там же, стр 64.
- 8 Там же
- 9 Там же, стр 64—65.
- 10 J Mitkowski Указ соч, стр 34
- 11 Z Wojciechowski Polska Niemcy , str 31
- 12 Там же J Mitkowski Указ соч, стр 34
- 13 Galli Anonymi Cronica , str 40
- 14 T Wojciechowski O Kazimierzu Mnichu (Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie Wydz Filolog i Hist filoz, t V Krakow, 1885, str 1—29 O Balzer Genealogia Piastów W Krakowie, 1895, str 76—81, cp Z Wojciechowski Studia historyczne , str 141
- 15 Mon Pol Hist, t II str 484
- 16 Galli Anonymi Cronica , str 47
- 17 O Balzer Указ соч, стр 76—81
- 18 «Boleslaus autem propter saevitiam et immanitatem sulerum, quam exercebat diademate regio insignitus vitam male terminavit, nec numero regum et principum Poloniae, propter suam nequitiam reperitur» Mon Pol Hist, t II, str 484
- 19 J Mitkowski Указ соч, стр 34
- 20 «Historja polityczna », cz I, str 67
- 21 Galli Anonymi Cronica , str 45
- 22 O Balzer Указ соч, стр 80, В Д Королюк Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг Академикв Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия Сб статей М, 1952, стр 75
- 23 «Nam in dominos servi, contra nobiles liberati se ipsos in domum extulerunt, alius in servitio versa vice detentis, alius peremptis, uxores eorum incestuose honoresque sceleratissime rapuerunt Insuper etiam a fide catholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicera non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditione inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignos peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt» Galli Anonymi Cronica , str 42—43
- 24 Так объясняет термин «servi» H Lowmiański Podstawy str 112—113
- 25 ПСРЛ, т I, слоб 149.
- 26 М Н Тихомиров Крестьянские и городские восстания на Руси в XI— XIII вв М, 1955, стр 80
- 27 «Патерик », стр 105
- 28 В Д Королюк. Указ. соч, стр 73
- 29 Там же, стр 70

- 30 «Патерик », стр 105
31. Z Wojciechowski *Studia historyczne* , str 141—145
- 32 «Illi vero, qui de manibus hostium evadebant, vel qui suorum seditionem devitabant, ultra flumen Wysla in Mazouiam fugiebant»
«Galli Anonymi Cronica », стр 43, ср там же, стр 45
- 33 «Historja polityczna », cz I, str 67
- 34 Там же, стр 67—68
- 35 Z Wojciechowski *Państwo* str 45
- 36 Там же
- 37 Z Wojciechowski *Polska Niemcy* , str 34
- 38 Z Wojciechowski *Panstwo* , str 45
- 39 О Балзер Указ соч, стр 89
- 40 S Kętrzyński *Kazimierz Odnowiciel* Krakow, 1899, str 42
- 41 М Н Тихомиров Указ соч, стр 64—76
- 42 ПСРЛ, т V, стр 137
- 43 В Д Корольюк *Летописные статьи о русско польском союзе 40-х годов XI в «Славянский архив»*, М, 1957
- 44 J Mitkowski Указ соч, стр 35
- 45 «Galli Anonymi Cronica », str 53

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

- 1 Т Лер-Сплавинский *Польский язык*, стр 27—29
- 2 Т Лер-Сплавинский Указ соч, стр 55.
- 3 Там же, А Gieysztor *Uwagi o kształtowaniu się narodowosci polskiej Pochodzenie polskiego języka literackiego* «Wrocław 1956, str 447
- 4 Т Лер-Сплавинский Указ соч, стр 43
- 5 А Gieysztor Указ соч, стр 448, «Historia Polski», t I, cz I, str 147
- 6 J Widajewicz *Początki Polski*, str 92—93
- 7 «Galli Anonymi Cronica », str 96 Здесь «номоряне» прямо проти вопоставляются «нотякам»
- 8 «Слово о полку Игореве» Под ред В П Адриановой Перетц М—Л, 1950, стр 16

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение. Краткий обзор источников. Основные направления в историографии
2. Происхождение польских племен. Крушение рабовладельческой Римской империи и раннее славянство
3. Возникновение феодальных отношений. Первые раннефеодальные государственные образования на территории Польши
4. Экономическое развитие польских земель в IX — первой четверти XI в.
5. Развитие феодальных отношений в IX — первой трети XI в. Образование Древнепольского государства
6. Войны с Германской империей. Древнепольское государство и Киевская Русь
7. Социально-политический кризис Древнепольского государства. Антифеодальное восстание 1037—1038 гг. и укрепление феодального строя в 40—70-х годах XI в.
8. Заключение
9. Указатель имен, географических и этнических названий

В. Д. Корольку

Древнепольское государство

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения*

Редактор издательства *Н. И. Бобрик*

Технический редактор *И. И. Гусева*

Художник *Л. Г. Ларский*

*

РИСО № 39—62 В. Сдано в набор 30/X 1957 г.

Подписано к печати 9/XII 1957 г. Формат — 84×108^{1/2}. Печ. л. 6,75—11,11,1 уч.-издат. л. 1 вклейка -0,1 уч. изд. л. Тираж 2500 экз. Т-10865

Изд. № 2780. зак. № 3428

Цена 7 руб. 80 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
18	11 св.	„ЛЯХОВ“	„ЛЕХОВ“
47	12 сл.	400	700
83	5 св.	V—IX	VI—IX
115	8 св.	городов	гродов
161	8 сл.	(45)	(45а)

Королук. Древнепольское государство